

МАРГАРИТА
НАВАРРСКАЯ

Гептамерон

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Маргарита Наваррская
Гептамерон

«Азбука-Аттикус»

1558

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Наваррская М.

Гептамерон / М. Наваррская — «Азбука-Аттикус»,
1558 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-24579-2

Маргарита Наваррская (1492–1549) — французская принцесса, одна из первых женщин-писательниц Франции, покровительница искусств и наук, поэтесса, прозаик, религиозный мистик, автор философских диалогов, поэм и пьес. Однако на многие века ее прославил «Гептамерон» — классика литературы эпохи Возрождения, сборник новелл, вдохновленный «Декамероном» Боккаччо. Здесь тоже десять человек, временно отрезанных от мира, развлекают себя и друг друга, рассказывая назидательные, смешные, жестокие, откровенные, трогательные истории — истории на полпути между притчей и сплетней, повести о любви, предательстве, чести и обмане. Рассуждая о своих персонажах, об их самых низменных или самых высоких душевных устремлениях, рассказчики — несколько альтер эго Маргариты Наваррской, а также фигуры, списанные с ее друзей и родственников, — поневоле отчасти раскрывают душу и сами, а вместе с ними постигаем всю сложность человеческой природы и мы.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-24579-2

© Наваррская М., 1558
© Азбука-Аттикус, 1558

Содержание

«Гептамерон» Маргариты Наваррской	6
Пролог	15
День первый	22
Новелла первая	22
Новелла вторая	28
Новелла третья	31
Новелла четвертая	35
Новелла пятая	40
Новелла шестая	43
Новелла седьмая	45
Новелла восьмая	47
Новелла девятая	52
Новелла десятая	56
День второй	74
Вступление	74
Новелла одиннадцатая	75
Новелла двенадцатая	77
Новелла тринадцатая	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Маргарита Наваррская

Гептамерон

Marguerite de Navarre (1492–1549)

L'HEPTAMÉRON

Перевод с французского Алексея Шадрина, Ивана Русецкого

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Вадима Пожидаева-мл.

Предисловие и примечания Андрея Михайлова

© И. Г. Русецкий (наследник), перевод, 1993

© А. Д. Михайлов (наследник), предисловие, примечания, 1993

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

«Гептамерон» Маргариты Наваррской и французская новелла эпохи Возрождения

Каждая эпоха в истории литературы знает свои наиболее характерные, наиболее репрезентативные жанры, в зеркале которых эпоха эта нашла свое наиболее полное выражение. На протяжении нескольких последних столетий такая роль – всеобъемлющего синтетического жанра – принадлежит роману. Несколько раньше, в пору Ренессанса, эту роль взяла на себя новелла, и на ее небольшой площади лик эпохи, ее неповторимые приметы, ее прекраснотушные надежды и пестрая повседневность, иногда действительно возвышенная и светлая, но чаще кровавая и мрачная, были запечатлены очень зримо и ярко. Это оказалось возможным, ибо создавали новеллы многие талантливейшие писатели, к тому же оставили они, как правило, не один-два рассказа, а целые циклы, иной раз тщательно продуманные, искусно организованные, снабженные «обрамлением», как это сделал – первым – Джованни Боккаччо в своем «Декамероне»¹.

Пример Боккаччо был заразительным. Ему вскоре стали подражать прежде всего, конечно, итальянцы, но мода на книгу из ста новелл очень быстро перекинулась и за Альпийские хребты. В середине XV столетия во Франции появился анонимный сборник «Сто новых новелл»², кое в чем повторяющий «Декамерон», но по большей части использующий национальный средневековый сюжетный фонд.

Также сто новелл должно было быть и в книге Маргариты Наваррской, самой талантливой и самобытной новеллистки французского Возрождения³. Впрочем, Маргарита успела написать лишь семьдесят две новеллы, поэтому издатели дали книге произвольное название «Гептамерон», то есть «Семидневник» (тогда как «Декамерон» – «Десятидневник»).

Маргарита Наваррская (1492–1549) жила и творила в очень значительное тридцатилетие французской истории – в годы правления ее брата короля Франциска I (1515–1547). Это время стало для французской государственности и культуры во многом переломным: со старым в научных представлениях, верованиях, житейских взглядах вроде бы было решительно покончено. Но старое оказалось очень живучим, да и далеко не все в нем было плохо и достойно забвения. Поэтому эпоха стала не только переломной, но и переходной; прежние мерки и, что для нас особенно важно, прежние сюжеты не были забыты.

Итак, несмотря на стойкую живучесть средневековых черт, культура эпохи была культурой открытой, то есть заинтересованно и жадно воспринимала многообразные творческие импульсы, идущие извне, прежде всего из Италии. Эпоха эта породила и людей импульсивных, ломких и противоречивых, для которых были так характерны духовные метания и поиски, смелые прозрения и, казалось бы, ничем не оправданный консерватизм. Вот почему рядом с атеистическими взглядами или хотя бы глубоко скептическим отношением к церковным установлениям мы находим у многих выдающихся представителей того времени сокровенную религиозность, нередко побуждающую вернуться к истокам христианства, снять с него наслонение последующих эпох.

Это течение в христианстве обычно называют евангелизмом, который стал предтечей Реформации, более радикальной и смелой по своим задачам. Маргарита Наваррская со своей

---

¹ Лучшей работой о поэтике «Декамерона» остается, пожалуй, книга Р. И. Хлодовского «Декамерон. Поэтика и стиль». М., 1982.

² Dubuis R. Les Cent nouvelles nouvelles et la tradition de la nouvelle en France au Moyen Age. Grenoble, 1973.

³ О французской новелле Возрождения см.: Pérouse G. Les nouvelles françaises du XVI siècle. Image de la vie du temps. Genève, 1977.

ственной ей порывистой страстностью увлеклась идеями евангелизма; не без ее воздействия сочувствовал этому движению и Франциск I.

Вступив на престол, Франциск энергично, увлеченно и с размахом продолжал как внешнюю, так и внутреннюю политику своих предшественников: не прекратил не очень удачную войну в Италии (на поле брани он не снискал ратной славы), настойчиво насаждал у себя ренессансные обычаи, нравы, культуру (почему получил заслуженное прозвище «отец изящной словесности»). Он привечал ученых, художников и поэтов и не раз отводил от них мстительный меч церковников. Он был щедрым меценатом и добрым другом. Покровительством короля почти неизменно пользовалась и единственная любимая его сестра Маргарита.

Богато одаренная и умеющая наслаждаться всеми разнообразнейшими удовольствиями бытия, постоянно окруженная лучшими умами своего времени, Маргарита в личной жизни не была счастлива. С матерью, Луизой Савойской, честолюбивой и волевой, не сложились близкие отношения. Отец, Карл Ангулемский, скончался рано, и дочь не помнила отеческой ласки. С братом Франциском, напротив, всегда было интересно и радостно, но и трудно: слишком переменчивым характером он обладал.

Оба брака Маргариты были продиктованы политическими соображениями, и в них она не обрела простого женского счастья. В семнадцать лет ее выдали за герцога Карла Алансонского, с которым у нее не могло быть духовной близости: он был бесконечно далек от литературных интересов жены. Впрочем, они и редко жили вместе (как и большинство дворян той эпохи, герцог постоянно где-то воевал). Не один год одиноко провела Маргарита в мрачном и холодном Алансонском замке, вдали от друзей, от книг, от любимого брата.

Жизнь ее резко изменилась после вступления Франциска на престол. На какое-то время она стала вторым человеком при дворе, оттеснив в тень некрасивую и болезненную королеву Клод, свою невестку. Но с годами влияние Маргариты при дворе ослабло. Этому способствовал и ее второй брак: после смерти мужа, в тридцать пять лет, Маргарита вышла замуж, на этот раз за короля Наварры Генриха д'Альбре. Но и тут она не нашла счастья. Генрих (он был моложе на одиннадцать лет) уделял мало внимания жене, весь отдавшись политическим интригам и многочисленным любовным авантюрам.

Постоянно одинокая и плохо понимаемая в семье, Маргарита очень рано стала покровительницей и центром притяжения кружка передовых мыслителей и поэтов. К ней был близок Клеман Маро (1496–1544) – самый талантливый поэт тех десятилетий. В ее окружение входил Франсуа Рабле, посвятивший ей третью книгу «Гаргантюа и Пантагрюэля» (1546). Один из наиболее смелых и радикальных умов первой половины века, Бонавантюр Деперье (ок. 1500–1544), в 1536–1541 годах состоял при ней секретарем. Именно в это время он создал свой «Кимвал мира» и сборник озорных и остроумных новелл «Новые забавы и веселые разговоры». Секретарем Маргариты был также Антуан Ле Масон, сделавший по ее указанию новый перевод «Декамерона» (1545).

Как видим, новеллистика интересовала королеву Наваррскую, и не приходится удивляться, что и сама она попробовала силы в этом жанре. Образцом и вдохновителем был для нее Боккаччо.

Об обстоятельствах работы Маргариты над ее сборником новелл⁴ нам известно немного. По свидетельству современников (среди них наиболее надежен Брантом, чьи бабка и мать состояли какое-то время в свите королевы Наваррской), Маргарита писала сама или же диктовала новеллы секретарям в пору медлительных путешествий в носилках из одного замка в

⁴ См. об этой книге две превосходные работы: *Cazauran N. L'Heptaméron de Marguerite de Navarre*. Paris, 1977; *Mathieu-Castellani G. La conversation conteuse. Les Nouvelles de Marguerite de Navarre*. Paris, 1992; см. также: *Мелетинский Е. М. Историческая поэтика новеллы*. М., 1990. С. 125–130.

другой (кареты тогда еще не вошли в моду, да и дороги были для них не приспособленными). В «Жизнеописаниях знаменитых французских женщин» Брантом сообщает: «Она сочиняла свои новеллы, или большинство из них, путешествуя по своим землям в носилках, так как у нее было много дел, хотя она и удалилась от света. Мне рассказывала об этом бабушка; она, будучи придворной дамой, постоянно находилась в носилках рядом с королевой и держала ее чернильницу; королева писала так легко и быстро, как будто ей диктовали эти новеллы»⁵. Отсюда, возможно, необработанность стиля новелл, на которую обычно указывают исследователи, и присущие этому стилю сказовые интонации.

Неточны наши сведения и о времени написания сборника. Всего вероятнее, его основные новеллы были созданы между 1542 и 1547 годами, то есть в период наибольшего отдаления Маргариты от парижского двора, от «большой» политики ее брата, погружения в «малую» политику ее крошечного королевства и в семейные дела. Впрочем, некоторые новеллы могли быть набросаны и раньше, но составлена книга, видимо, была именно в эти годы больших философских и религиозных исканий и раздумий писательницы.

Подлинных рукописей «Гептамерона» нет, неясна его хронология, мы не знаем ничего ни о возникновении замысла сборника, ни о ходе работы над ним. Но есть сама книга, пользовавшаяся популярностью, часто переиздававшаяся и не оставшаяся незамеченной писателями второй половины века (Монтень назвал ее в «Опытах» «книгой, прелестной по содержанию»⁶).

Внешне сборник повторяет структуру «Декамерона» Боккаччо. Есть здесь десять рассказчиков, поочередно развлекающих остальных своими новеллами, есть обрамление, в которое вписываются пестрые истории. Но «общество» «Гептамерона» вряд ли напоминает кружок молодых флорентийцев, бежавших из родного города из-за свирепствовавшей там чумы. Идиллии, прекраснотушной утопии, по законам которой жило «общество» «Декамерона», в книге Маргариты Наваррской нет. Нет здесь пленительных долин, очаровательных загородных вилл, где так хорошо проводить время в пении, танцах, в рассказывании забавных историй. В «Гептамероне» все значительно будничней и проще: вместо апокалиптических картин страшной эпидемии – осенняя распутица, ничтожные грабители с большой дороги; вместо богатых вилл и замков – небольшой монастырь в горах, на неделю-другую отрезанный от внешнего мира; вместо обильных пиршеств – скромная монастырская молитва в церкви да чтение Писания. Впрочем, тенистая лужайка, где каждый день собирается маленький кружок рассказчиков, уютна и мила, но это, конечно, не те роскошные рощи, где резвилось «общество» «Декамерона». Рассказчики французской книги не отделены столь решительно от окружающей действительности, не противостоят ей, как это было с их итальянскими предшественниками. Они не бегут от действительности, как в «Декамероне», они от нее только временно отрезаны и всячески стараются поскорее в нее вернуться.

Тем самым у писательницы нет противопоставления новелл и обрамления, как у Боккаччо. Ведь рассказчики «Гептамерона» обязуются повествовать только о том, что имело место в жизни, что они сами видели и пережили или о чем, на худой конец, слышали. Для средневековой литературы, когда достоинства произведения определялись степенью его мнимой достоверности, также характерны ссылки на правдивость рассказа. У Маргариты – иначе. Это не литературный прием или не очень удачная уловка. Это определенная творческая позиция, продиктованная, между прочим, и условиями возникновения книги.

Вспомним, при каких обстоятельствах писался «Гептамерон». У Маргариты уже почти все позади – молодость, светская жизнь, политическая деятельность. Наступила пора разочарований, отрезвления, подведения итогов. И книга новелл стала для писательницы своеобразными «поисками утраченного времени», столь понятными у натуры впечатлительной и актив-

⁵ *Brantôme*. Recueil des Dames, poésies et tombeaux. Paris, 1991. P. 183.

⁶ *Монтень*. Опыты. М., 1979. Т. 1. С. 376.

ной. Отметим: почти все новеллы начинаются с точного указания на время, когда происходят события. При этом отсылки к годам царствования не только Карла VIII и Людовика XII, но даже Франциска звучат как упоминания о каком-то бесконечно далеком, чуть ли не эпическом прошлом. Это и есть воспоминания о прошлом, о прожитом и пережитом, им лишь придана форма забавных «новостей». Недаром, как установили исследователи, сюжеты многих новелл «Гептамерона» оказываются рассказами о подлинных событиях из жизни самой Маргариты, ее окружения или светского общества двух предшествовавших правлений. А может быть, таких подлинных историй еще больше, просто мы о них ничего не знаем, так как они не упоминаются в других источниках?

И вот что примечательно: Маргарита совсем не прибегает к тем бродячим сюжетам и мотивам (например, о «побитом, но довольном муже», «съеденном сердце», о «мошеннике, обманутом другим мошенником»), из которых столь охотно черпали все рассказчики Средневековья и Возрождения, в том числе и столь чтимый ею Боккаччо. Комментаторы немало потрудились, чтобы отыскать литературные параллели новеллам «Гептамерона», и в тех случаях, где им это удалось, перед нами совсем не обязательно пересказ старого сюжета: сходная ситуация, несмотря на свою «литературность», могла встретиться писательнице и в жизни. Лишь однажды королева Наваррская пересказывает сюжет известной средневековой повести (новелла 70-я), но это в книге специально отмечено.

Автобиографическая основа большинства рассказов сборника несомненна. Автобиографизм книги наложил печать и на образы десяти ее рассказчиков. Существует мнение, что их условные имена – это анаграммы имен самой Маргариты, ее близких и людей из ее окружения. Так, Уазиль – это мать писательницы Луиза Савойская, Парламента – сама Маргарита, Ирган – ее муж Генрих д'Альбре и т. д. Иногда полагают, что как раз Уазиль и есть сама Маргарита, Ирган – молодой дофин, будущий король Генрих II, Парламента – его жена Екатерина Медичи. Но можно посмотреть и иначе: не наделила ли писательница всех своих персонажей или некоторых из них чертами собственного характера, не нарисовала ли сразу несколько автопортретов в разные периоды своей жизни? Тогда можно предположить, что Уазиль – это постаревшая Маргарита, когда ей уже за пятьдесят, то есть именно в пору работы над «Гептамероном»; что Лонгарина – это все та же Маргарита, только молодая, недавно потерявшая первого мужа герцога Карла Алансонского; что Парламента и Ирган – королевская чета, владеющая маленьким Наваррским королевством, то есть опять-таки сама Маргарита и Генрих д'Альбре.

Итак, автопортрет Маргариты расщепляется, двоится и троится, и это создает причудливую перспективу развития женского характера, где рядом с некоторой показной бравадой молодости соседствуют возвышенные идеалы зрелых лет и мудрая трезвость и уравновешенность старости. Но писательница идет еще дальше: иные из своих мыслей она передает и другим персонажам обрамления (прежде всего Дагусену), и тогда споры рассказчиков в книге становятся внутренними спорами, раздиравшими душу самой Маргариты, отражением ее колебаний и сомнений, но не в синхронном, а, так сказать, в историческом аспекте. Подобная повернутость к личности автора придает «Гептамерону» не просто автобиографический, но исповедальный характер.

Эта игра в собственные автопортреты приобретает под пером Маргариты порой и иную форму. Писательница заставляет своих рассказчиков повествовать о ней самой, она говорит о себе, но как бы смотрит на себя немного чужими глазами, судит себя, оценивает собственные поступки. А в Прологе Парламента, то есть, бесспорно, Маргарита, рассказывает, как «единственная и возлюбленная сестра короля Франциска» собиралась вместе с другими придворными, ежедневно обмениваясь забавными историями, составить книгу новелл, тем самым намекая на то, что, кто знает, может быть, перед нами и впрямь плод этих веселых литературных упражнений кружка светской молодежи. Это – еще одно обрамление «Гептамерона», но не только никак не развитое, а, напротив, свернутое до предела. Однако писательница наделила и

себя, и своих воображаемых оппонентов целым комплексом индивидуальных черт, что делает их живыми людьми, представителями определенных социальных кругов.

Будем ли мы видеть в рассказчиках книги плод некой автобиографической игры, будем ли рассматривать их как вымышленных персонажей, созданных воображением автора, – и в том и в другом случае отметим известную временную «глубину» каждого из этих характеров. Ведь все они обладают собственной предысторией. Далекой, о чем говорится мельком и которую можно реконструировать по отдельным фразам обсуждений и по самим рассказываемым новеллам, и недавней, о чем кратко, но красочно и драматично говорится в Прологе. Они разного возраста, несколько разного общественного положения, но главное – у них разные взгляды и разные характеры.

Тут Уазиль, «женщина уже пожилая и умудренная опытом»; для нее характерно высокое представление о человеческом долге, глубокая религиозность, что, однако, не делает ее ханжой, которой были бы чужды веселая шутка и светские забавы. Уазиль ненавязчиво руководит всем обществом, не позволяет легкомысленным молодым людям преступать границы благонравия, не дает вспыхнуть ссорам. Ее жизненный опыт сочетается с несомненным умом и проницательностью, трезвость суждений – с поисками этического идеала. Роль ее в разработке положительной программы человеческого поведения велика, но все-таки не она тот стержень, вокруг которого разворачивается действие обрамления, не Уазиль наделяет полемической остротой обсуждения рассказываемых историй. В центре всех споров – Парламента (и поэтому ее отождествление с Маргаритой напрашивается само собой, лежит на поверхности). Достаточно тонко изображены ее совсем не простые взаимоотношения с мужем, Иркано, несколько грубоватым скептиком и гедонистом. Парламента любит мужа, хотя ей вовсе не безразличны галантные ухаживания Симонто и Сафредана, но боится показать свою любовь, скрывая ее под ироническим подтруниванием и напускной холодностью. Маргарита изображает Парламента женщиной глубоко несчастной, обделенной мужским вниманием и теплом, хотя внешне Иркана вряд ли в чем-нибудь можно упрекнуть: он постоянно говорит о своей любви к жене, о желании быть ее вернейшим кавалером. Парламента выслушивает эти утверждения не без кокетливого равнодушия, внутренне же она – как натянутая струна: напряженно воспринимает рассказываемые мужем любовные истории, стремясь и боясь услышать в них невольное признание в ветрености и легкомыслии. Эта внутренняя собранность и затаенное горе придают тирадам Парламента страстную убежденность и взволнованность.

Рядом с ней другие персонажи обрамления обрисованы значительно более скупо и монохромно. Впрочем, стоит приглядеться к Лонгарине, еще одной возможной ипостаси Маргариты. Ее можно было бы упрекнуть в жестокосердии: ведь она только что потеряла мужа, но развлекается и оживленно спорит вместе со всеми. Да и рассказываемые ею новеллы (8, 15, 25, 38, 52, 59, 62-я), как правило, лишены трагического напряжения и возвышенности, чем отличаются рассказы Парламента, а порой и других собеседников. Лонгарина обычно рассказывает о любви низкой, недостойной высоких чувств: о мужьях, предпочитающих своим благородным и красивым женам простых служанок, о любовных интрижках знатных сеньоров с обыкновенными горожанками и т. д. И вот что полезно отметить. Почти всегда в «Гептамероне» (в пяти случаях из семи) соседнюю с новеллой Лонгарины рассказывает Дагусен. Это их тайный диалог, их личный спор об истинной благородной любви. В душе Лонгарины также накопилось немало горечи из-за обыденности, приземленности мужских побуждений. К тому же, вероятно, у нее не было духовной близости с мужем (как не было у самой Маргариты с герцогом Карлом Алансонским), вот почему она не производит впечатления безутешной вдовы. Здесь все наоборот, все как бы в зеркальном отражении по сравнению с ситуацией Парламента. Лонгарина не верит в возвышенную любовь и готова подсмеиваться над ней, и этот ее скепсис уравнивается идеализирующими воззрениями ее поклонника Дагусена. Напротив, возвы-

шенные идеалы Парламанты постоянно корректируются скептической иронией Иркана. Противопоставление этих двух пар проходит через всю книгу, начиная с Пролога.

Не будем подробно останавливаться на других рассказчиках «Гептамерона». Отметим лишь, что Номерфида, самая молодая из всей компании, рассказывает порой весьма рискованные по своему содержанию новеллы (две из них осторожный Клод Грюже, первый издатель книги, не решился напечатать); что Симонто, как правило, повествует о человеческой глупости, о плутнях и подвохах, о комических ситуациях, в которые попадают его герои, поэтому персонажи его новелл – обычно люди низкого общественного положения: городские ремесленники, купцы, слуги, приходские священники и т. п.; что Ирган и Сафредан выступают в книге сторонниками чувственных увлечений, о чем с удовольствием рассказывают в своих новеллах и что с большим красноречием отстаивают при их обсуждении. Наиболее смазан, не индивидуализирован образ Эннасюиты – веселой, кокетливой молодой девушки.

При всем разнообразии характеров и темпераментов рассказчики «Гептамерона» – это люди одного круга, одного воспитания, сходных убеждений. Все они принадлежат к высшему обществу и с высокомерным безразличием относятся к слугам, гибель которых вызывает у них лишь досадливое раздражение – надо искать новых. Этот подчеркнутый аристократизм может вызвать удивление: эпоха Возрождения обычно воспринимается нами как время ломки сословных перегородок и растущего демократизма. Между тем аристократизм этот понятен; объяснение его в самой природе книги Маргариты Наваррской. Писательница обещала быть правдивой в своих новеллах. Правдива она и в обрамлении, то есть и тут рассказывает лишь о том, что видела и знала. И еще: книга эта обладает определенной дидактической установкой, и ее адресаты – прежде всего представители аристократических кругов.

Эта социальная избирательность объединяет обрамление с самими новеллами. Впрочем, здесь картина жизни значительно шире. Однако Маргариту Наваррскую вряд ли стоит считать дотошным бытописателем. По ее книге можно, конечно, судить о том, как жили люди того времени, но в значительно большей степени она рассказывает, как они чувствовали и любили. Поэтому в книге нет новых героев – лихих авантюристов, смелых путешественников, оборотистых купцов. Нет и столь обычного для новеллистики Возрождения персонажа – ловкого плута, надувающего окружающих. В героях новелл Маргарита ценит не предприимчивость и находчивость, а силу чувства, благородство и возвышенность, богатую внутреннюю жизнь. Поэтому-то так мало в «Гептамероне» уличных сцен, изображения городского люда, его забот и забав. Куда чаще действие происходит в замке, причем не в бальной зале, а в укромном кабинете, оранжерее, спальне, на безлюдной террасе, и участвуют в нем обычно двое – дама и ее кавалер. Конечно, есть в книге и иные новеллы, с иным местом действия и иными героями, но смещение акцентов в выборе ситуаций и действующих лиц, безусловно, отличает сборник Маргариты Наваррской от других новеллистических книг Возрождения.

Вот почему в «Гептамероне» интерес заметно переносится с новелл на их обсуждения, и без последних сами новеллы теряют многое в своей занимательности: они и рассказываются-то только для того, чтобы проиллюстрировать ту или иную мысль рассказчиков, служить убедительным аргументом в их спорах.

Именно в обсуждениях – ключ к пониманию основного замысла «Гептамерона», его жанрового своеобразия. Не приходится удивляться, что именно здесь литературное мастерство Маргариты обнаруживается особенно отчетливо. Заявление в Прологе о том, что «погоня за риторическими красотоми может в какой-то мере повредить жизненной правде», не вполне соответствует действительности. Если текст самих новелл отмечен определенной стилистической небрежностью (что, впрочем, свойственно устному непринужденному рассказу), то в диалогах-обсуждениях писательница более экономна и точна. Именно в обсуждениях мы находим дефиниции и формулировки, передающие взгляды спорящих и самой Маргариты. Традиции литературного диалога, «спора» были очень устойчивы на протяжении всего Средневековья, но

писательница опирается, безусловно, не только и не столько на средневековый опыт. Основной ее образец – это, конечно, Платон и его итальянские последователи XV и начала XVI столетия. В обсуждениях Маргарита умело сочетает живость и безыскусность обыденной речи, передавая неприхотливое и непредсказуемое течение спора, с тщательно взвешенными, отточенными сентенциями, предвосхищающими своей емкой обобщенностью моральные максимы, которые мы затем найдем у Монтеня и более поздних писателей.

«Гептамерон» оказывается не только циклом пестрых новелл, но и своеобразным трактатом на моральные темы, написанным в форме живых и динамичных диалогов. Это трактат об идеальном придворном и – шире – об идеальном человеке эпохи. В конечном счете писательница ставила вопрос о подлинной любви и личном достоинстве человека.

В книге, естественно, нет единого взгляда на любовь и человеческие отношения. Скептическим суждениям Иркана, Сафредана и других рассказчиков противостоит не одна, а по крайней мере две противоположные точки зрения.

Носительницей одной из них, наиболее гармоничной и, если угодно, реалистической, выступает Уазиль, которая считает, что любовь – «это такая сила, что даже трусливейший из людей, если он одержим ею, способен совершить то, что заставит призадуматься самого отменного храбреца» (новелла 16-я). Уазиль – за полнокровную любовь со всеми ее радостями, но и со всеми моральными обязанностями, которые она накладывает на человека. Уазиль (и сама Маргарита) не против плотских наслаждений, но она убеждена, что подлинная возвышенная любовь может на какое-то время подчинить себе вожделение.

Несколько иной точки зрения придерживается Парламанта, а с ней и Дагусен. Для Парламанти также нет антиномии между любовью чувственной и любовью возвышенной, духовной. Но приоритет последней для нее очевиден. Вполне сообразуясь со своими взглядами, Парламанта заключает: «Настоящая, совершенная любовь, по-моему, приходит тогда, когда влюбленные ищут друг в друге совершенства, будь то красота, доброта или искренность в обращении, когда эта любовь неустанно стремится к добродетели и когда сердце их столь благородно и столь высоко, что они готовы скорее умереть, чем дать волю низменным побуждениям, несовместимым ни с совестью, ни с честью» (новелла 19-я). Здесь уже не самозабвение, растворение в любви вплоть до отказа на какое-то время от чувственного удовлетворения страсти, а безусловное отрицание последнего.

Далеко не случайно многие новеллы книги (едва ли не абсолютное их большинство) посвящены любовным отношениям героев. Все почти персонажи Маргариты одержимы любовью, они домогаются успеха – кто хитроумными уловками, кто грубым насилием, кто терпеливым, молчаливым «служением». Любовная страсть знакома всем – и принцам крови, и знатым дворянам, и простым горожанам. В ее незримые сети попадают и опытные придворные кокетки, и простодушные девушки, и благочестивые монашки. Но это не привычное нам ренессансное «раскрепощение плоти». Писательница полагала, что в сфере любовных отношений наиболее всесторонне и полно раскрываются характеры, именно здесь обнаруживает себя подлинное лицо человека. Истинная любовь, глубокая и чистая, – это удел сердец возвышенных и благородных; те же, кем движет грубая чувственность, способны на подлые поступки и даже на преступление, хотя они могут принадлежать и к самому древнему аристократическому роду. Но для одних такая низкая страсть – лишь временное постыдное заблуждение, для других же – само существо их натуры.

Наиболее крайних позиций придерживается Дагусен. Как он полагает, «есть люди, чья любовь так велика и так совершенна, что они предпочли бы умереть, лишь бы не дать волю желанию, от которого может пострадать честь и совесть их возлюбленной, – они стараются всячески скрыть эти желания и от всех, и от нее самой». Это, бесспорно, отзвук неоплатонистических воззрений, горячо разделявшихся Маргаритой, согласно которым любовь есть в конечном счете приобщение к красоте и совершенству мира и пути к познанию божества.

Для самой Маргариты и для тех рассказчиков «Гептамерона», кто в той или иной степени выступает рупором ее идей (а их порой высказывает даже скептик и циник Сафредан; лишь Ирман твердо держится своей роли, хотя и ему не чуждо рыцарское отношение к своей даме), свойственно возвышенное представление о любви, вообще о жизни человеческого духа. Примерам такой любви, таких высоких душевных качеств человека посвящено немало рассказываемых историй. Здесь и короткие «примеры», и длинные романтические повести (их особенно любит Парламента).

Но вот на что полезно обратить внимание. Среди этих любовных историй не так уж много повествований со счастливым концом. Герои многих из них, горячо (и подчас тайно) любящие друг друга, становятся жертвами либо враждебных им обстоятельств, либо собственной гордыни, собственного превратного представления о добродетели и чести. Таковы, например, протагонисты рассказанных Парламентой историй Флориды и Амадура (новелла 10-я) или Роландины и бастарда (новелла 21-я). И напротив, нередко приходят к счастливой развязке те новеллы, где изображены человеческие заблуждения и пороки, – например, новелла 38-я (ее рассказывает Лонгарина), в которой говорится о муже, по достоинству оценившем свою красавицу-жену и отказавшемся от интрижек с простыми крестьянками.

В «Гептамероне» немало новелл, исполненных то тонкой иронии, то озорной шутки. Но многие из собранных в книге историй печальны. Как много новелл повествует об исковерканных судьбах, о людской черствости, о невосприимчивости к высоким и благородным порывам! И одновременно сколько историй о низости и жадности, о сластолюбии и вероломстве, коварстве и глупости! Маргарита не только не скрывает, что в мире много несправедливости и зла, но, напротив, показывает это зло в сгущенном, концентрированном виде. Ощущение царящих в жизни насилия и неправды подготовлено уже сценами Пролога, где с буйством стихии соперничают человеческое коварство и жестокость. Этот мотив подхвачен и развит в новеллах, где мы постоянно сталкиваемся с убийствами, с грубым попранием обычных человеческих норм. Тема эта звучит уже в первой новелле книги, продолжена во второй и так далее. Герои некоторых новелл не только необузданны и импульсивны в проявлениях своих страстей, они способны и на изощренную, долго подготавливаемую жестокость (например, в новелле 32-й).

Маргариту очень заботит место женщины в обществе, поэтому она так много пишет о женской порядочности, чистоте, благородстве. В «Гептамероне» встречаются, конечно, героини лукавые, ветреные, глупые, но почти никогда – распутные или жестокие. Положительный идеал писательницы, бесспорно, связан с женскими характерами, поэтому подлинными героями (как носителями позитивных душевных качеств) большинства новелл сборника оказываются женщины. Но именно они обычно больше всех и страдают. В общем осуждая любовь вне брака, Маргарита не очень-то верит в брак как в надежное прибежище для любящего сердца. Это и заставляет героинь нередко отказываться от возможного счастья.

В книге королевы Наваррской нет безответственных утопий, каких было немало на заре Ренессанса; в «Гептамероне» доминирует трезвый взгляд на жизнь, на светское общество, к которому, собственно, и обращен сборник, и в изображении этого общества нет идеализирующих красок. В этом обществе, каким его рисует писательница, господствуют лицемерие, ложная гордыня, тщеславие, сословная спесь, а на периферии – в среде зажиточной городской буржуазии – эти пороки приобретают нередко уродливые формы, к тому же к ним присоединяются и другие недостатки.

Принято считать, что наиболее сатирически резко изображены в «Гептамероне» служители церкви. Однако это не вполне так. Если сравнить книгу Маргариты Наваррской со средневековыми фавлю и фарсами, с предшествующей новеллистикой, то станет очевидным, что антиклерикальная сатира занимает в ней вспомогательное, второстепенное место. Единственно кто из церковников вызывает у писательницы нескрываемую неприязнь, так это монахи-францисканцы. Этому вряд ли следует удивляться. В монахах этого нищенствующего

ордена Маргариту и ее героев отталкивает прежде всего лицемерие, то есть один из основных, по ее представлению, человеческих пороков. А также – их полная бесполезность.

Добавим также, что Маргариту, приобщившуюся к гуманистической учености, друга и покровителя гуманистов, не могло не отталкивать крайнее невежество францисканцев, которое высмеивали многие писатели Возрождения. Поэтому религиозность Маргариты не противоречит ее антимонашеским настроениям. И вовсе не в этом, как иногда полагают, противоречивость книги. Она – в сочетании высокого представления о достоинствах человека с трагическим осознанием тщетности поисков гармонии в мире и в человеческой душе. Этим «Гептамерон», созданный в кризисный момент французского Ренессанса, кое в чем предваряет произведения, которые появятся на его позднем этапе.

Однако большое историко-литературное значение книги не только в этом. Она стоит на переломе в эволюции французской новеллы. В «Гептамероне» происходит очевидная трансформация старой новеллистической традиции. От бытового анекдота и острой, подчас грубой, но неизменно незамысловатой сатиры, какими были даже произведения Деперье и Никола де Труа с его «Великим образцом новых новелл» (1536), современников Маргариты, через бытописание Ноэля Дю Файля (ок. 1520–1591), автора «Сельских бесед» (1547), новелла переходила к трагическому психологизму, в какой-то мере к сентиментальной повести. Переходила, но не перешла. Прямых последователей у королевы Наваррской не оказалось. Писавшие в конце столетия Гийом Буше или Жан Дагоно, сеньор де Шольер (1509–1592) все еще оставались в русле старой традиции «острого галльского смысла», не решаясь погружаться в прельстительную, но опасную сферу тонких чувств, непредсказуемых страстей, прихотливых переживаний. Лишь Жак Ивер (1520–1571?) и писавший на рубеже следующего века Франсуа де Россе (ок. 1570–1619?) попытались воссоздать трагическую противоречивость жизни. Но ориентировались они все-таки в большей мере на опыт итальянца Банделло, чем на «Гептамерон».

И хотя Маргарита не ломала новеллистического канона, ее книга – это уже не просто цикл новелл. В ней, как уже говорилось, легко обнаружить черты философского диалога, трактата на этические темы, а также мемуаров и эссе; от нее прямой путь к любовно-психологической повести (например, к произведениям г-жи де Лафайет), которая возникнет во французской литературе лишь в XVII веке.

А. Михайлов

Пролог

Первого сентября, когда обычно начинается лечебный сезон, в местечке Котерэ⁷, в Пиренеях, собралось небольшое общество, состоявшее из людей, которые приехали сюда из Испании и из Франции; одни прибыли для того, чтобы пить целебные воды, другие – чтобы принимать ванны, иные же – чтобы лечиться грязями, столь чудодейственными, что больные, от которых отказались все доктора, возвращались после этого лечения совершенно здоровыми. Однако я отнюдь не собираюсь рассказывать вам о местоположении или о целебных свойствах этих купаний. Я хочу без промедления перейти к тому, что является непосредственным предметом моего рассказа.

Все больные, собравшиеся в этом местечке, провели там более трех недель, по истечении коего времени они убедились, что поправились окончательно и могут возвратиться домой. Но как раз в эту пору хлынули дожди и были столь обильны, что казалось, Господь забыл о своем обещании, данном Ною, больше не посылать на землю потопа. Все домики местечка Котерэ залило водою, так что оставаться в них долее было нельзя. Больные, приехавшие из Испании, вернулись к себе на родину по горам, кто как сумел, причем избежать опасности было, разумеется, легче всего тем, кто хорошо знал дороги. Что же касается сеньоров и дам из Франции, то они решили, что возвратиться в Тарб⁸ им будет так же легко, как легко было приехать сюда. Однако расчет их не оправдался: все горные ручейки настолько разлились, что перебраться через них стоило теперь большого труда. Когда же путники попробовали перейти Беарнский ручей⁹, глубина которого в обычное время не превышала двух локтей, то казалось, что ручей этот превратился в целую реку со столь стремительным течением, что им оставалось только вернуться назад. Они принялись было искать переправы, но мосты все были деревянные, их сорвало и унесло потоком. Отдельные смельчаки попытались было, держась за руки, переправиться вброд, но их так стремительно отбросило течением, что у приятелей их, оставшихся на берегу, пропала всякая охота испытывать свои силы. И вот, отчасти оттого, что между ними не было согласия, а отчасти и оттого, что приходилось искать новые переправы, вся компания разделилась на несколько групп и разбрелась в разные стороны. Одни, перевалив через горы и миновав Арагон¹⁰, поехали в графство Руссильон¹¹, а оттуда в Нарбонну¹², другие же направились прямо в Барселону, а там уже морем кто в Марсель, кто в Эг-Морт¹³.

Некая же вдова по имени Уазиль¹⁴, женщина уже пожилая и умудренная опытом, забыв всякий страх, решила идти по самой плохой дороге, лишь бы как-нибудь добраться до монастыря Серранской Божьей Матери¹⁵. При этом она была вовсе не настолько благочестива, чтобы думать, что Пресвятая Дева могла оставить свое место одесную Сына и сойти на эту пустынную землю. Ей просто очень хотелось увидеть святую обитель, о которой она столько слыхала. К

---

⁷ Котерэ — небольшое местечко в Пиренеях; было водным курортом уже в XVI в.

⁸ Тарб — главный город графства Бигорр, расположенного недалеко от Котерэ.

⁹ Беарнский ручей — небольшая речка, протекающая через Котерэ; названа по расположенному здесь графству Беарн, принадлежавшему графам де Фуа и Наваррскому королевскому дому.

¹⁰ Арагон — сначала самостоятельное королевство, затем (с 1479 г.) область на северо-востоке Испании.

¹¹ Руссильон — графство на границе Франции и Испании; в описываемое время входило в состав Испанского королевства (было уступлено французским королем Карлом VIII Фердинанду Арагонскому).

¹² Нарбонна — город на юго-западе Франции, недалеко от Руссильона.

¹³ Эг-Морт — город в устье Роны, недалеко от Нима; в XVI в. был крупным морским портом.

¹⁴ Уазиль — под этим именем, как полагают исследователи, в книге изображена мать Маргариты и Франциска I Луиза Савойская (1476–1531). Уазиль — анаграмма имени Луиза.

¹⁵ Монастырь Серранской Божьей Матери — монастырь в Наварре (на крайнем юго-западе Франции), в предгорьях Пиренеев. Маргарита не раз посещала этот монастырь, в том числе в 1546 г., когда, возможно, и был написан Пролог к книге.

тому же она была уверена, что, если только вообще существует какая-либо дорога, монахи во всяком случае должны ее знать. И намерение свое она исполнила, хотя для этого и пришлось пробираться по очень крутой тропинке с частыми подъемами и спусками, по которой в обычное время никто не ходил. И, невзирая на свой возраст и полноту, госпожа Уазиль проделала весь этот путь пешком. Прискорбнее всего было то, что почти все ее слуги погибли за время пути, а лошади пали. И вот, в сопровождении одного только слуги и одной служанки, оставшихся в живых, она добрела до Серранса¹⁶, где ее приветливо встретили монахи.

Среди прочих французов были также два дворянина, которые отправились на купанья не столько для того, чтобы поправить здоровье, сколько для того, чтобы сопутствовать двум замужним дамам, по которым они вздыхали. Кавалеры эти, видя, что компания расстроилась и что мужья увезли своих жен, решили следовать за ними поодаль – так, чтобы никто их не видел. Когда же однажды вечером обе супружеские четы остановились на ночлег в доме некоего крестьянина – который в действительности оказался просто разбойником, – молодые люди расположились неподалеку от них, на мызе.

И вот около полуночи они слышат вдруг страшный шум. Они вскакивают с постелей, а за ними и слуги, и спрашивают мызника, что случилось. Бедняга и сам не может прийти в себя от испуга и говорит, что это явились бандиты и требуют, чтобы их сообщник отдал причитающуюся им часть добычи. Дворяне сразу же схватили шпаги и вместе со слугами поспешили выручать дам, ибо больше всего на свете боялись их потерять и готовы были отдать за них жизнь.

Прибежав в дом, они видят, что наружная дверь сломана и оба сеньора и слуги их мужественно сражаются с негодяями. Но так как тот и другой были ранены, а многие слуги убиты, и к тому же разбойники превосходили их числом, они были вынуждены отступить. Заглянув в окна, молодые люди увидели несчастных дам: они заливались слезами и громко зывали о помощи. Охваченные безумной жалостью, кавалеры почувствовали в себе такую отвагу, что ринулись на врагов, подобно двум разъяренным горным медведям, и были столь неистовы, что те не смогли устоять. Большинство разбойников было убито, а остальные, не желая, чтобы их постигла та же участь, бежали и скрылись.

Разделавшись с грабителями (хозяин оказался в числе убитых), молодые люди пришли к убеждению, что хозяйка еще более коварна, чем ее муж, и тут же прикончили ее ударом шпаги. Войдя в низенькую комнату, они обнаружили, что один из сеньоров мертв, а другой цел и невредим, и только платье на нем разодрано, а шпага сломана. Обняв своих спасителей, он горячо их поблагодарил и стал просить, чтобы они их не покидали. Те, разумеется, были счастливы эту просьбу его исполнить. Похоронив убитого и всячески стараясь утешить его жену, путники двинулись дальше, но верной дороги они не знали и целиком положились на волю Божию. Если вам угодно узнать имена этих трех дворян, то вот они: сеньора звали Иркан¹⁷, жену его – Парламента¹⁸, вдову – Лонгарина¹⁹, а двоих молодых людей – Дагусен²⁰ и Сафредан²¹. Путники проехали целый день верхом. Когда же стало смеркаться, вдали показалась колокольня монастыря, и они пришпорили коней, чтобы добраться туда до наступления ночи,

¹⁶ *Серранс* — старинное аббатство Премонтре де Серранс в предгорьях Пиренеев, связанное с культом Богородицы. Маргарита неоднократно здесь бывала.

¹⁷ *Иркан* — под этим именем, являющимся анаграммой имени Анри (в гасконском произношении Анрик), выведен второй муж Маргариты — Анри д'Альбре (1503–1555), король Наварры, в то время маленького независимого государства.

¹⁸ *Парламента* — как полагают исследователи, ссылаясь на мнение современников (в том числе такого видного мемуариста конца XVI в., как Брантом), под этим именем Маргарита изобразила себя.

¹⁹ *Лонгарина* — Анна (или Эме) Мотье де Лафайет, дам де Лонгре, жена французского военачальника Франсуа де Сийи (убит в 1525 г. в битве при Павии), приближенная Маргариты.

²⁰ *Дагусен* — под этим именем изображен Никола Дангю (откуда и прозвище), аббат Сен-Савена и епископ Сеэзский, один из приближенных наваррской королевской четы.

²¹ *Сафредан* — это еще один из приближенных королевы Наваррской, Жан де Монпеза, беарнский дворянин, принадлежащий к старинному феодальному роду местных баронов.

что сделать было не так-то легко. Там их гостеприимно встретили аббат и монахи. Это было аббатство Сен-Савен²². Аббат, происходивший из очень благородной семьи, оказал им самый любезный прием. Он велел приготовить им комнаты и, проводив их туда, стал расспрашивать, как они попали в эти края. Когда они рассказали ему, что с ними приключилось в пути, он сообщил им, что у них есть товарищи по несчастью и что в соседней комнате находятся две молодые дамы, которые избежали подобной же опасности и даже, пожалуй, еще большей, ибо им пришлось иметь дело не с людьми, а с диким зверем. В расстройстве получили от Пьерфита²³ бедняжки натолкнулись на медведя, спустившегося с горы. Увидав его, они пришпорили коней и неслись столь быстро, что у ворот монастыря оба коня под ними пали; две служанки, явившиеся уже много времени спустя, сообщили, что всех остальных слуг загрыз медведь. Все пятеро вновь прибывших направились к ним и к изумлению своему увидели, что заливавшиеся слезами женщины были Номерфида²⁴ и Эннасюита²⁵. Они кинулись им в объятия и рассказали о постигшей их беде. Несчастные возрадовались этой неожиданной встрече и, согретые напутствиями доброго аббата, стали понемногу успокаиваться. Наутро же все они присутствовали на мессе и благочестиво молились, воздавая хвалу Господу за то, что Он уберег их от смерти.

И вот в то время, когда они слушали мессу, в церковь врывается какой-то человек в одной рубахе, спасаясь от погони и громко призывая на помощь. Ирган и другие сеньоры тотчас же кинулись к нему и увидели, что за ним гонятся двое мужчин с обнаженными шпагами. Столкнувшись с таким большим обществом, разбойники испугались и пытались скрыться. Но Ирган и его товарищи догнали их и убили. Когда же Ирган обернулся, он увидел, что человек в ночной рубахе не кто иной, как один из их спутников. Жебюрон²⁶ – так звали несчастного – рассказал им, что он остановился на ночлег в одном из домиков в Пьерфите и, когда он уже лежал в постели, туда ворвались трое мужчин. Но хотя он и был раздет и при нем была только шпага, он так сильно ранил одного из разбойников, что тот уже не смог и подняться. Когда же двое других стали поднимать его с полу, Жебюрон, сообразив, что он гол и бос, а те хорошо вооружены, решил, что ему остается только одно – спасаться бегством: бежать-то ведь всегда сподручнее тому, кто легче одет. И он возблагодарил Бога и своих спасителей, которые за него отомстили.

После того как месса закончилась и все пообедали, один из слуг был послан узнать, можно ли переправиться через горный поток. Вернувшись, он сказал, что переправы никакой нет, после чего присутствующие долго не могли решить, как им быть. Аббат настойчиво уговаривал их погостить в монастыре до тех пор, пока вода не схлынет, и в конце концов они вняли его просьбам и решили остаться там еще на день. Вечером же, когда они собрались ложиться спать, в монастырь пришел старый монах, который из года в год ходил в сентябре на богомолье в Серранс²⁷. Они стали расспрашивать его, как он добирался до дому, и он рассказал, что реки настолько разлились, что ему пришлось карабкаться по горам, и что такой трудной дорогой он в жизни еще никогда не хаживал. Он рассказал также, что случайно сделался очевидцем страшной картины: некий дворянин по имени Симонто²⁸, которому надоело ждать, пока

²² *Аббатство Сен-Савен* – бенедиктинское аббатство, расположенное на северных склонах Пиренеев.

²³ *Пьерфит* — Пьерфит-Нестала, небольшая деревня, расположенная недалеко от аббатства Сен-Савен.

²⁴ *Номерфида* — анаграмма фамилии Фимаркон; под этим именем в книге изображена Франсуаза де Фимаркон, жена Жана де Монпеза.

²⁵ *Эннасюита* — так названа в «Гептамероне» Анна де Вивонн (ок. 1500–1557), жена барона де Бурдейль, мать Брантома и придворная дама Маргариты.

²⁶ *Жебюрон* — так назван в книге Шарль де Куси, сеньор де Бюри де Сен-Магер де Жемозак де Лонзе де Сен-Сюльпис де Виллар и де Бриг-ан-Пуату (1492–1565), военачальник, королевский наместник в Гиени (в 1543–1565 гг.), входивший в ближайшее окружение Маргариты Наваррской.

²⁷ ...*ходил в сентябре на богомолье в Серранс*. — 8 сентября католическая церковь отмечает Рождество Богородицы.

²⁸ *Симонто* — под этим именем изображен в книге барон Франсуа де Бурдейль (ок. 1485 – после 1546), французский военачальник, сенешаль (глава округа) Пуату, муж Анны де Вивонн (Эннасюиты), отец Брантома.

вода пойдет на убыль, решил перебраться через реку, собрал всех своих слуг и верхом на коне вместе с ними ринулся в водоворот. Но едва только они оказались на середине, как все его слуги вместе со своими лошадьми были унесены стремительным течением и утонули. Оставшись один, сеньор этот пытался повернуть коня назад, но сделать это было так трудно, что он не удержался в седле и свалился в воду. Однако Господь оказался к нему милостив: изрядно нахлебавшись воды, Симонто наконец с большим трудом на четвереньках выбрался на берег и, совсем уже измученный и ослабевший, упал на голые камни. И случилось так, что пастух, гнавший вечером стадо домой, нашел его там, на камнях, промокшего до костей и глубоко опечаленного потерей слуг, которые погибли у него на глазах.

Пастух, услышав о постигшей путника беде и увидев, в сколь жалком состоянии он находится, взял его под руку и отвел в свою убогую хижину; набрав щепы, он развел огонь и помог ему согреться и высушить одежду. В тот-то самый вечер Господь и привел туда старика-монаха, который рассказал молодому человеку, как пройти в монастырь Серранской Божьей Матери. Старик заверил его, что там он сможет отдохнуть лучше, чем где бы то ни было, и сказал, что там сейчас гостит пожилая вдова Уазиль, которая, так же как он, попала в беду. Когда вся компания услышала, что их милая Уазиль, а также благородный Симонто нашлись, все несказанно обрадовались и возблагодарили Создателя, который, не пощадив, правда, слуг, смилостивился над их господами. Особенно же обрадована была Парламанта, ибо Симонто с давних пор был ее верным кавалером.

После того как они подробно разузнали от старика, каким путем им следует идти в Серранс, они решили пойти туда. И сколько монах ни предупреждал их о трудностях этой дороги, на следующий же день все отправились в путь. Аббат снабдил их самыми лучшими лошадьми и обеспечил вином и всяческим провиантом. И они были так хорошо снаряжены, что не испытывали ни в чем никакой нужды. К тому же, чтобы они не заблудились в горах, он дал им хороших проводников. Изнемогая от усталости, компания хоть и с большим трудом, но добралась до монастыря Серранской Божьей Матери. Настоятель этого монастыря был человеком недобрым, но он не посмел отказать им в ночлеге, боясь навлечь на себя гнев короля Наваррского²⁹, ко всем им весьма благоволившего. Лицемер этот встретил их с притворной любезностью и повел к госпоже Уазиль и сеньору Симонто.

Радость друзей, оттого что они нашли наконец друг друга, была так велика, что всю ночь они провели в церкви, благодаря Господа за то, что Он был к ним столь милостив. Под утро они немного отдохнули, а потом отправились слушать мессу, и все приобщились святых тайн, как подобает истинным христианам, прося того, кто собрал их вместе, помочь им благополучно завершить свое путешествие. После обеда они послали узнать, не спала ли вода, и когда им сказали, что река разлилась еще шире и нет никакой надежды перейти ее в ближайшие дни, они решили перебросить мост с одной скалы на другую в том месте, где расстояние между двумя берегами было всего короче. Там и посейчас еще лежат доски, положенные для пешеходов, которые, следуя из Олерона³⁰, не хотят переходить реку вброд. Узнав об их намерении, аббат очень обрадовался: он был уверен, что после этого число паломников и паломниц, прибывающих в монастырь, возрастет еще больше. Он дал им рабочих, но сам он был чрезвычайно скуп и не затратил на эту постройку ни одного денье. Рабочие объявили, что мост будет построен не раньше чем через десять-двенадцать дней, и известие это весьма опечалило всех, как кавалеров, так и дам. Но жена Иркана, Парламанта, не привыкла сидеть сложа руки и предаваться унынию; испросив позволение супруга, она обратилась к почтенной Уазиль со следующими словами:

²⁹ ...короля Наваррского... — То есть Генриха д'Альбре, мужа Маргариты.

³⁰ Олерон — небольшой городок в Наварре.

– Госпожа моя, вы столь опытны в жизни, что годились бы всем нам в матери. Неужели же вы не придумаете какого-нибудь времяпрепровождения, чтобы разогнать скуку, которая, разумеется, будет одолевать нас эти дни? Ведь если у нас не окажется на это время занятия приятного и благостного, мы легко можем даже захворать от тоски.

– И что того хуже, – добавила молодая вдова Лонгарина, – мы впадем в уныние, а это недуг неизлечимый. А у каждого из нас есть свои утраты и достаточно причин, чтобы предаваться печали.

– Но ведь не у каждой же из нас, – смеясь, заметила Эннасюита, – как у тебя, погиб муж, а что касается гибели слуг, то это не должно никого особенно огорчать, ибо не столь уж трудно достать себе новых. Я все же считаю, что нам следовало бы придумать какое-нибудь приятное занятие, чтобы скоротать эти дни, не то мы завтра же пропадем от скуки.

Ее поддержали и кавалеры, и все стали просить госпожу Уазиль, чтобы она посоветовала им, чем себя занять.

– Дети мои, вы задали мне очень трудную задачу, – ответила она, – придумать занятие, которое бы избавило вас от скуки. Такого средства я искала всю свою жизнь, и вот оказалось, что единственное средство от всех печалей – Священное Писание; оно дает истинную и совершенную радость духу, от которой проистекает покой и здоровье телесное. И если вы спросите меня, благодаря чему я в мои столь преклонные годы всегда здорова и весела, то знайте, что утром, едва только встав с постели, я беру Библию и, читая ее, каждый раз умиляюсь доброте Господа нашего, ради нас пославшего на землю Сына Своего возвестить людям Его святое слово, ибо Сын Божий, возлюбивший нас и ради нас понесший страдание, обещает нам прощение всех грехов и оставление всех долгов наших, даруя нам любовь Свою. Созерцание это вселяет в душу мою такую радость, что я беру потом Псалтырь и с величайшим смирением повторяю в сердце своем и шепчу губами прекрасные псалмы и песни, которые Святой Дух вдохнул в творения Давида³¹ и других песнопевцев. И мне от этого бывает так хорошо на душе, что все горести, которые могут постичь меня в течение дня, кажутся мне благословенными, ибо в сердце моем всегда жив тот, кто ради меня перенес такие жестокие муки. То же самое я делаю и перед ужином: ухожу к себе и всегда предаюсь каким-либо назидательным размышлениям. А перед тем как лечь спать, я вспоминаю все, что я делала в этот день, чтобы испросить прощения у Господа за мои проступки и возблагодарить Его за все Его милости. А потом, в любви, в страхе Божьем и в мире, оградив себя от всех печалей, я вкушаю отдых. Вот, дети мои, то времяпрепровождение, которое я себе избрала, после того как долго искала, чем бы себя занять, и ничто не давало душе моей истинного покоя. Мне думается, что, если вы каждое утро стали бы в течение часа читать Священное Писание, а затем во время мессы благоговейно повторяли бы ваши смиренные молитвы, вы в этих пустынных местах обрели бы ту красоту, которой полны города, ибо для тех, кто познал Бога, прекрасным становится все то, что озарено Его присутствием, без которого все и пусто, и уныло. Вот почему я и прошу вас, если вы хотите жить в радости, последуйте моему совету.

– Госпожа моя, – возразил ей Иркан, – каждый, кто читал Священное Писание, – а я убежден, что все мы его читали, – должен будет признать истинность ваших слов. Только не следует забывать, что мы еще молоды и не хотим отказывать себе в развлечениях и всякого рода телесных упражнениях; живя дома, мы, например, постоянно охотимся, и охота отвлекает нас от множества сумасбродных мыслей. Что же касается наших дам, то у них для этого есть рукоделие и хозяйство, а порою и танцы, которые нередко самым благородным образом их развлекают. Словом, от имени мужчин я хочу просить вас, чтобы, как самая старшая, вы читали нам по утрам про жизнь Господа нашего Иисуса Христа и про великие дела, которые Он творил

---

³¹ Давид — царь Израиля, живший в X в. до н. э. Библейская традиция наделила его поэтическим даром и сделала автором псалмов.

ради нас, с тем чтобы на остальное время мы избрали себе какое-нибудь занятие, которое, не будучи вредным для души, было бы приятным для тела, и, таким образом, каждый день был бы для нас радостным.

Госпожа Уазиль сказала, что она настолько уже отошла от светской суеты, что вряд ли сумеет сама выбрать такого рода развлечение, и что следовало бы по этому поводу посоветоваться со всеми. Первым она попросила высказать свои мысли Иркана.

– Что до меня, – сказал он, – то если бы я был уверен, что выбранное мною развлечение будет столь же приятно кому-то из нас, как и мне, я назвал бы его сразу. Но покамест я лучше промолчу и послушаю, что скажут другие.

Жена его Парламента, решив, что он намекает на нее, покраснела и, полусердясь, полусмешливо, ответила:

– Ирган, может быть, та, которую вы больше всего боитесь огорчить, нашла бы чем вознаградить себя, если бы захотела. Но не стоит сейчас вспоминать о развлечениях, доступных только двоим, поговорим лучше о тех, которые могут быть интересны для всех нас.

– Раз моя жена верно поняла мой намек, – сказал Ирган, обращаясь к дамам, – и подобного рода развлечения ее не прельщают, я полагаю, что она лучше всех сумеет найти нечто такое, что могло бы понравиться каждому. С этой минуты я всецело доверяюсь ее выбору. Для меня существует только одна ее воля, своей у меня нет.

Решение его было одобрено всеми. Парламента же, видя, что жребий пал на нее, сказала:

– Если бы я была столь же хитроумна, как древние, которые изобрели все искусства, то, чтобы исполнить возложенную на меня обязанность, я непременно придумала бы какое-нибудь занятие или игру. Но, хорошо зная, что способности мои и умение позволяют мне только хранить в памяти то хорошее, что совершали другие, я почла бы себя счастливой, если бы могла следовать по стопам тех, кто некогда уже умел развлечь вас. Между прочим, я думаю, что все вы читали сто новелл, написанных Боккаччо, которые совсем недавно были переведены с итальянского на французский³² и которые король Франциск Первый, монсеньор Дофин³³, его супруга³⁴ и королева Маргарита³⁵ так расхваливали, что, если бы Боккаччо мог сейчас узнать, сколь велика оказанная ему честь, он бы непременно воскрес из мертвых. Мне довелось услышать, что совсем недавно две упомянутые выше дамы вместе с несколькими придворными решили написать нечто подобное этой книге, позволяя себе разойтись с Боккаччо только в одном: не писать ни одной новеллы, которая не была бы истинным происшествием. Таким образом, обе эти дамы решили написать по десяти новелл каждая, и к ним присоединился господин Дофин. Впоследствии же они решили довести число рассказчиков до десяти и выбрать для этого тех, у кого будет что рассказать. Заправских писателей они решили не приглашать: монсеньор Дофин не хотел, чтобы в эту затею вмешивались люди, хорошо владеющие пером. К тому же он боялся, что погоня за риторическими красотами может в какой-то мере повредить жизненной правде. Но случилось так, что последовавшие вскоре после этого события – мир³⁶, который наш король заключил с королем английским, разрешение от бремени супруги

---

³² ...недавно были переведены с итальянского на французский... – Маргарита имеет в виду «Декамерон» Боккаччо, который был широко известен во Франции по старому переводу Лорана де Премьефе (1388–1420), завершённому в 1414 г.; этот перевод был несколько раз издан. В 1545 г. появился новый перевод книги Боккаччо, автором которого был Антуан Ле Массон, секретарь Маргариты.

³³ Монсеньор Дофин — второй сын Франциска I и Клод де Франс, будущий король Генрих II (1519–1559). Генрих стал дофином, то есть официальным наследником престола, в 1536 г., после смерти своего старшего брата Франциска (1518–1536).

³⁴ ...его супруга... – Екатерина Медичи (1519–1589), будущая французская королева.

³⁵ ...королева Маргарита... – То есть сама автор «Гептамерона», которая, как известно, была горячей поклонницей Боккаччо.

³⁶ ...мир... – Имеется в виду заключенный в 1546 г. в Ардре мирный договор между Франциском I и английским королем Генрихом VIII.

Дофина³⁷ и многие другие, достаточно значительные, чтобы занять внимание всего двора, – заставили их позабыть об этом намерении. И вот мы сейчас как раз могли бы осуществить его, воспользовавшись для этого тем досугом, который выдался нам на долю в ожидании, пока мост через реку будет построен. И если вам будет угодно, мы каждый день от полудня и до четырех часов можем проводить на этой прелестной лужайке на берегу горного ручья, где листва так густа, что солнечные лучи не в силах пробраться туда и помешать нам насладиться прохладой. Там каждый расскажет какую-нибудь историю, свидетелем которой был сам или которую слышал от человека, заслуживающего доверия. За десять дней у нас наберется сотня таких рассказов, и если Господь сочтет, что труд наш достоин быть прочитанным упомянутыми дамами и господами, мы по возвращении из путешествия преподнесем его им, как принято подносить молитвенники и образки. Но впрочем, если кто-нибудь из вас изобретет нечто более занимательное, чем то, что я предлагаю, я охотно соглашусь с его выбором.

Все воскликнули, что лучшего ничего не придумать и что им не терпится поскорее приступить к игре, начать которую решено было на следующий же день.

Весь остаток дня общество провело очень весело, каждый вспоминал и рассказывал другому то, что когда-то видел. А на следующее утро все собрались в комнате госпожи Уазиль, которую они застали уже за молитвой. После этого они в течение часа слушали ее чтение, а потом со всем подобающим благочестием присутствовали на мессе. В десять часов они пообедали, и каждый удалился к себе в комнату и занялся своими делами. В полдень же все они встретились на лужайке, которая была так хороша, что нужно было бы искусство Боккаччо, чтобы ее описать. Надеюсь, однако, все мне поверят, если я скажу, что это был уголок неслыханной красоты. Когда все общество расположилось на зеленой траве, такой мягкой и нежной, что не потребовалось ни ковров, ни подушек, Симонто спросил:

– Кто же из нас начнет?

– Раз вы первый заговорили, – ответил Ирккан, – то вы теперь нами и распоряжайтесь. Ведь в игре этой мы все равны.

– Я ничего не хотел бы другого в жизни, – сказал Симонто, – как распоряжаться этой компанией!

При этих словах Парламанта, которая хорошо поняла их смысл, вдруг раскашлялась. Это помешало Ирккану заметить, как она покраснела, и он попросил Симонто начать свой рассказ.

---

³⁷ ...разрешение от бремени супруги Дофина... – Речь идет о рождении принцессы Елизаветы Французской (1545–1568), дочери дофина Генриха и Екатерины Медичи. Впоследствии Елизавета стала испанской королевой, женой Филиппа II.

День первый

В первом дне собраны рассказы о том, какие проделки совершали женщины, чтобы обмануть мужчин, и мужчины – чтобы обмануть женщин

Новелла первая

Жена прокурора, за которой настойчиво ухаживал епископ Сейский, не отказала ему ни в чем, но потом, увидев, что ей с ним не веселее, чем с собственным мужем, сумела утешиться с сыном алансонского военного губернатора. Через некоторое время она, однако, сама выдала своего любовника мужу, и тот жестоко расправился с ним, после чего убийцу, несмотря на то что преступление это ему было прощено, отправили на каторжные работы вместе с колдуном по имени Галлери, и все это случилось из-за коварства его жены

Благородные дамы, меня так плохо отблагодарили за всю службу, которую я нес в течение долгих лет, что теперь, для того чтобы отомстить за мою любовь той, которая обращалась со мной столь жестоко, я возьму на себя труд припомнить все козни женщин, которые пришлось вытерпеть нам, несчастным мужчинам, и могу заверить вас, что все, что я здесь расскажу, будет сущюю правдой.

В городе Алансоне во времена герцога Карла, последнего герцога Алансонского³⁸, жил прокурор по имени Сент-Эньян, женившийся на женщине из хорошего рода, в которой было больше красоты, нежели добродетели. За женщиной этой, соблазненный ее прелестями и ее кокетством, весьма настойчиво ухаживал епископ Сейский³⁹. Чтобы лучше достичь своей цели, сей пастырь так сумел обойти ее супруга, что тот не только не заметил преступной любовной связи, в которую вступила жена, но даже пренебрег своим долгом перед герцогом и герцогиней, которым дотоле он ревностно служил. Из верного слуги он превратился в их тайного врага и в конце концов даже стал искать человека, который бы помог ему чарами умертвить герцогиню. Словом, епископ довольно долго разделял ложе с нечестивой женой прокурора, которая отвечала на его ласки скорее из корыстолюбия, нежели из любви, а также и потому, что супруг ее сам невольно потворствовал этой связи.

Но в Алансоне жил один молодой человек, сын военного губернатора, к которому женщина эта воспылала безумной страстью. И она нередко просила епископа послать ее мужа куда-нибудь с поручением, дабы в это время увидеться с этим юношей, имя которого было дю Мениль. И так они жили долгое время: связь с епископом ей была выгодна, а утехами любви ее дарил упомянутый дю Мениль. И она клялась своему юному любовнику Господом Богом, что дарит епископу свою благосклонность ради того лишь, чтобы им обоим было легче встре-

---

³⁸ Герцог Алансонский — речь идет о первом муже Маргариты – Карле, герцоге Алансонском (1489–1525).

³⁹ Епископ Сейский – это Жак де Сийи, бывший епископ Сееза в 1511–1539 гг., брат Франсуа де Сийи (убит в 1525 г. в битве при Павии). Сеез входил во владения герцога Алансонского.

чаться, что в награду за все услуги, которые он ей оказал, святой отец получает одни только обещания и больше ничего не получит.

Однажды, когда муж ее отправился к епископу, она попросила его позволить ей уехать в деревню, сумев убедить его, что городской воздух ей вреден. А едва только она очутилась у себя в поместье, она написала дю Менилю, прося его непременно приехать к ней около десяти часов вечера. В назначенный час юноша явился. Но та самая служанка, которая обычно его выпускала, открыла ему дверь и сказала:

– Друг мой, ступайте назад, место ваше занято.

Будучи уверен, что это вернулся муж, несчастный юноша спросил ее, как это могло случиться. Добрая женщина сжалилась над ним и, видя, что этот красивый и благородный молодой человек так страстно любит и так мало любим, рассказала ему про легкомыслие своей госпожи, ибо надеялась, что, когда он узнает обо всех ее проделках, он излечится от своей безумной страсти. Не скрывает она и того, что епископ Сейский приехал сюда и теперь улегся с ее госпожой спать. Та в этот день его никак не ждала, ибо по уговору он должен был явиться сюда только завтра. Оказалось же, что епископ задержал у себя ее мужа, а сам приехал еще ночью, чтобы ее увидеть. Кто был огорчен, так это дю Мениль! Отказавшись верить всему, что слышал, юноша спрятался в соседнем доме и караулил там до трех часов ночи, пока наконец не увидел своими глазами, как епископ выходит от его возлюбленной переодетый, но не так, чтобы его нельзя было узнать.

В отчаянии он вернулся в Алансон, куда вскоре возвратилась и его неверная подруга. Считая, что ей и на этот раз удалось обмануть любовника так же, как она обманывала его раньше, она, как ни в чем не бывало, заговорила с ним. Но юноша сказал, что, прикоснувшись к святыне, она вобрала в себя столько святости, что ей не подобает теперь разговаривать с таким грешником, как он, сам же он так глубоко раскаялся во всем, что надеется получить прощение за свой грех. Когда она поняла, что ее тайна раскрыта и что ни мольбы, ни клятвы, ни обещания ей уже не могут помочь, она пожаловалась на юношу своему епископу. А после того как они все вдвоем обсудили, женщина эта сказала мужу, что не может больше жить в городе Алансоне, ибо сын военного губернатора, которого она почитала своим другом, докучает ей своими домогательствами. И она попросила мужа увезти ее в Аржантан⁴⁰, чтобы ни у кого не было никаких подозрений. Муж, привыкший во всем ее слушать, согласился. Но вскоре после того, как они переселились туда, эта вероломная женщина велела сказать дю Менилю, что он вел себя как самый последний негодяй, что она узнала, что он публично возводил хулу на нее и на епископа, и что она заставит его в этом раскаяться.

Молодой человек, который и вообще-то не говорил об этом ни с кем, кроме нее самой, и который паче всего боялся попасть в немилость к епископу, отправился в Аржантан, захватив с собою двух слуг, и нашел свою даму за вечерней в доминиканском монастыре. Он опустился возле нее на колени и сказал:

– Сударыня, я приехал сюда, чтобы поклясться перед Господом Богом, что никогда ни с кем не говорил о том, что касается вашей чести, кроме вас самих. Вы так коварно поступили со мной, а я еще не высказал вам половины той обиды, которая у меня накопилась. И если нашелся какой-нибудь человек, будь то женщина или мужчина, который утверждает, что я что-либо говорил о вас, то я здесь для того, чтобы изобличить их в вашем присутствии во лжи.

Дама эта, видя, что в церкви много народу и что молодой человек явился в сопровождении двух надежных слуг, принудила себя говорить с ним очень любезно, уверив его, что нимало не сомневается в его порядочности и знает, что он вообще не способен дурно говорить ни о ком на свете, тем более о ней самой, – ведь она была к нему так добра. Но она сказала, что сплетни эти дошли до ее мужа, и попросила его прийти к ним, чтобы оправдаться и во всем его

---

⁴⁰ *Аржантан* – город, находящийся недалеко от Алансона.

разуверить. Дю Мениль охотно на это согласился и, собираясь проводить ее домой, хотел взять ее под руку. Однако она этому воспротивилась, сказав, что ему лучше не приходить домой вместе с ней, так как тогда муж ее может подумать, что все это сделано по ее настоянию. После чего, схватив за рукав одного из слуг, она сказала:

– Отпустите его сейчас со мной, а когда придет время, я его за вами пришлю. А покамест идите и отдыхайте.

Ни о чем не подозревая, молодой человек вернулся к себе.

Она же накормила слугу ужином и, сколько тот ни спрашивал, не пора ли идти за господином, каждый раз отвечала ему, что еще рано. А когда стало совсем темно, она тайком послала за дю Менилем одного из своих собственных слуг. Молодой человек, который представить себе не мог, что против него что-то замышляют, сейчас же отправился к дому Сент-Эньяна, где дама эта все еще держала у себя его другого слугу, так что при нем находился только один. Когда же они вошли в дом, приведший его слуга сказал ему, что его госпожа хочет поговорить с ним раньше, чем он встретится с ее мужем, что она сейчас дожидается его в комнате и что там, кроме нее и его собственного слуги, никого нет. Другого же слугу он посоветовал ему отослать домой. Молодой человек послушался этого совета и отпустил слугу. А когда он стал подниматься по узенькой темной лестнице, прокурор Сент-Эньян, скрывавшийся в засаде со своими людьми, услышал шум и спросил:

– Кто там?

Ему ответили, что кто-то забрался в дом. В то же мгновение Том Герен, наемный убийца, которого для этой цели и нанял прокурор, выскочил из засады и нанес молодому человеку столько ударов шпагой, что, как тот ни защищался, он изнемог и упал замертво. Слуга, разговаривавший в это время с хозяйкой дома, воскликнул:

– Я слышу на лестнице голос моего господина! Я пойду туда!

Но та удержала его, сказав:

– Не беспокойся, он сейчас придет сюда сам.

Немного спустя, когда слуга услышал, как его господин закричал: «Я умираю и предаю дух мой Господу Богу!» – он хотел кинуться ему на помощь, но коварная женщина снова его удержала.

– Не беспокойся, – сказала она, – это муж мой выговаривает ему за его легкомыслие, пойдем посмотрим, что там такое.

И, перегнувшись через лестничные перила, она спросила:

– Ну что, готово?

– Иди посмотри, – ответил муж, – наконец-то я отомстил за тебя тому, кто столько времени тебя позорил.

С этими словами он нанес еще десять или двенадцать ударов кинжалом человеку, на которого, пока тот был жив, он никогда не осмелился бы напасть.

После того как совершилось это убийство, слуги дю Мениля убежали, чтобы уведомить обо всем несчастного отца. Сент-Эньян стал бояться, что преступление его будет раскрыто. Однако слуги убитого свидетелями быть не могли, а в доме никто ничего не видел, кроме самих убийц, пятнадцатилетней девочки и старой служанки. Сент-Эньян решил потихоньку разделаться со старухой, но этой столь опасной для него свидетельнице удалось убежать и найти убежище в доминиканском монастыре. Молодая девушка оставалась еще несколько дней в их доме. Однако, по наущению Сент-Эньяна, один из убийц соблазнил ее и увез в Париж, где поместил в публичный дом, дабы свидетельству ее не было веры. Чтобы скрыть все следы своего преступления, Сент-Эньян велел сжечь труп несчастного. Кости же, которые не сгорели, он распорядился бросить в кадку с известью, приготовленной им для постройки дома. После этого он отправил к королевскому двору со своим посланным просьбу о помиловании. Он писал, что ему приходилось не раз уже защищать свой дом от некоего человека, который был у него

на подозрении: человек этот преследовал его жену с самыми низкими побуждениями и, невзирая на то, что та отказала ему, забрался ночью к ним в дом, дабы склонить ее на измену. Вот почему, обнаружив его у дверей ее комнаты, он в пылу гнева убил его, хорошенько не подумав о том, что творит. Однако еще до того, как это письмо было доставлено канцлеру, несчастный отец успел известить герцога и герцогиню обо всем случившемся, и те сообщили канцлеру об обстоятельствах преступления. Сент-Эньян, видя, что его теперь уже не помилуют, бежал в Англию, захватив с собой жену и кое-кого из родных. Прежде чем уехать, он сказал убийце, которого нанимал, что есть приказ короля схватить его и умертвить, но в благодарность за оказанную услугу он хочет спасти ему жизнь. Поэтому он дает ему десять экю и советует покинуть пределы Франции. Послушавшись совета прокурора, убийца скрылся, и сколько его ни искали, найти не могли.

Как слуги убитого, так и старая служанка, удалившаяся в доминиканский монастырь, подтвердили, что имело место убийство, были обнаружены спрятанные в кадке с известью кости, и таким образом следствие было доведено до конца и виновность Сент-Эньяна и его жены установлена. Их судили заочно и обоих приговорили к смертной казни. Имущество его постановили конфисковать и передать в казну, отцу же убитого возместить полторы тысячи экю судебных издержек.

Сент-Эньян, находившийся в это время в Англии, узнав, что французский суд вынес ему смертный приговор, через посредство влиятельных вельмож и родственников жены добился того, что английский король⁴¹ обратился к французскому с просьбой помиловать его и возвратить ему состояние и звание. Французский же король, узнав, сколь чудовищно совершенное им преступление, послал все дело королю английскому, дабы тот мог убедиться, что виновный не заслуживает снисхождения, и добавил при этом, что право миловать в герцогстве принадлежит одному только герцогу Алансонскому. Но король английский на этом не успокоился, продолжал упорно настаивать, чтобы прокурора помиловали, и в конце концов добился, что просьба Сент-Эньяна была удовлетворена. Прокурор вернулся домой и, в довершение своих злых умыслов, обратился еще к колдуну по имени Галлери, рассчитывая, что с помощью его чар он сможет быть избавлен от уплаты полутора тысяч экю, причитавшихся отцу убитого.

С этой целью они вместе с женой, переодетые, отправились в Париж. Сент-Эньян подолгу заперся там с Галлери и не говорил жене, что они делают там вдвоем. Однажды утром она подглядела за ними и увидела, что колдун показывает ее мужу пять деревянных человеческих фигурок и что у трех из них руки опущены, а у двух подняты. Она слышала, как Галлери сказал прокурору: «Нам надо будет сделать точно такие же из воска – с опущенными руками для тех, кого надо будет умертвить, и с поднятыми – для тех, у кого вы хотите быть в милости». А прокурор ответил: «Пусть это будет фигура короля, чью любовь я хочу снискать, а это вот – моего господина, канцлера Алансонского Бринона⁴²». Тогда Галлери сказал ему: «Надо будет положить эти изображения под алтарь перед началом мессы и произнести те слова, которые я вам укажу».

И, перебирая фигурки, у которых руки были опущены, прокурор сказал, что одна из них будет господином Жилем дю Менилем, отцом убитого, ибо хорошо знал, что тот, пока жив, будет неминуемо его преследовать. А одна из женских фигурок с опущенными руками будет герцогиней Алансонской, сестрой короля⁴³, ибо та очень привязана к отцу убитого, своему преданному слуге, и, кроме того, знает о нем столько всего худого, что если он не умертвит ее, то ему лучше не жить; другую женскую фигурку с опущенными руками он предназначил для

⁴¹ Английский король — речь идет о Генрихе VIII, правившем в 1509–1547 гг.

⁴² Канцлер Алансонский — речь идет о Жане Бриноне, видном юристе и государственном деятеле. Бринон был канцлером Алансона и Берри, человеком, близким к Маргарите и ее матери Луизе Савойской. Выполнял в 20-е гг. XVI в. ряд важных дипломатических поручений.

⁴³ ...сестрой короля... — Здесь Маргарита имеет в виду себя.

собственной жены, первопричины всех его зол, ибо уже больше не надеялся на ее исправление. Когда молодая женщина, подглядывавшая сквозь замочную скважину, увидела, что и она сама попала в число жертв Сент-Эньяна, она подумала, что первое, что ей следует сделать, – это его упредить. И, притворившись, что идет взять займы денег у своего дяди, некоего Нофля, служившего сборщиком податей у герцога Алансонского, она рассказала тому все, что видела и слышала. Нофль был человеком уже немолодым и очень порядочным. Он тут же отправился к канцлеру Алансонскому и рассказал ему всю эту историю. А так как герцога и герцогини Алансонской в этот день при дворе не было, канцлер поведал эту удивительную историю госпоже регентше⁴⁴, матери короля и означенной герцогини, и та сразу же послала туда парижского прево по имени Ля Барр⁴⁵, дабы все расследовать. Тот арестовал прокурора и колдуна Галлери, причем не понадобилось ни пыток, ни принуждения, чтобы заставить их сознаться в преступлении, которое они замыслили. Делу был дан ход. Доложили обо всем королю. У обвиняемых нашлись заступники, которые, дабы спасти их жизнь, утверждали, что все это чародейство было затеяно затем, чтобы снискать милость короля. Но король, которому жизнь сестры была столь же дорога, как и его собственная, приказал судье вынести виновным приговор не менее строгий, чем если бы они замыслили против его собственной особы. Однако, несмотря ни на что, сестра короля, герцогиня Алансонская, обратилась к брату с просьбой даровать прокурору жизнь, заменив ему смертную казнь каким-либо другим тяжким наказанием. Просьба эта была исполнена: Сент-Эньян и Галлери были отправлены в Марсель на галеры Сен-Бланкара⁴⁶, где они оставались в неволе до конца своих дней и где у них было достаточно времени, чтобы поразмыслить о тяжести содеянного ими преступления. Жена же его, оставшись одна, продолжала вести распутную жизнь и умерла смертью грешницы.

– Подумайте только, благородные дамы, какое зло может причинить дурная женщина и причиною скольких бед явилась греховная жена Сент-Эньяна. Вы увидите, что, с тех пор как Ева ввела во искушение Адама, все женщины присвоили себе право всячески мучить мужчин, они бывали причиной их смерти и губили их души. Что же касается их жестокости, то я знаю, что причиной моей смерти и ожидающих меня загробных мук будет то отчаяние, в которое меня повергла одна из них. А я, в безумии своем, еще считаю, что ад, который она для меня готовит, милее для меня, чем рай, дарованный мне другой женщиной.

Парламанта, стараясь не показать виду, что слова эти относятся к ней, сказала ему:

– Если ад так приятен вам, как вы говорите, вам не следует бояться и дьявола, который вас туда ввергнул.

– Если бы мой дьявол явился во всей черноте того зла, которое он мне причинил, – гневно ответил Симонто, – то все наше общество испытало бы при виде его страх не меньший, чем то удовольствие, с каким я на него гляжу. Только пламя моей любви заставляет меня позабыть о пламени ада. Но чтобы прекратить этот разговор, я прошу госпожу Уазиль взять слово и рассказать вторую новеллу, ибо уверен, что, ежели она захочет поведать нам о женщинах все, что знает, рассказ ее явится подтверждением моих взглядов.

Вся компания сразу повернулась к почтенной даме, и все стали просить ее поскорее приступить к своему рассказу, что она и не замедлила сделать.

И, засмеявшись, она начала так:

⁴⁴ *Регентша* — то есть Луиза Савойская; она брала на себя управление страной в то время, когда Франциск I был на войне, а затем оказался в испанском плену (1523–1526).

⁴⁵ *Ля Барр*, Жан де (ум. в 1534) – французский государственный деятель в эпоху Франциска I. В 1526–1534 гг. был прево Парижа, то есть главой полиции страны.

⁴⁶ *Сен-Бланкар* — речь идет о Бернаре д'Орнезане, бароне де Сен-Бланкаре (ум. после 1556), командовавшем королевскими галерами, затем французской эскадрой в восточной части Средиземного моря. Он организовал морское путешествие Маргариты в Испанию, когда писательница ездила хлопотать об освобождении Франциска I из испанского плена.

– Мне кажется, благородные дамы, что тот, кто мне сейчас предоставил слово, после того как сам рассказал нам истинное происшествие, случившееся с одной несчастной, наговорил столько всего худого о женщинах вообще, что я должна теперь перебрать в памяти далекие годы и вспомнить какую-нибудь одну, чья добродетель могла бы опровергнуть то дурное мнение, которое у него сложилось. И мне как раз вспоминается одно происшествие, оно стоит того, чтобы о нем не забыли. Сейчас я вам его расскажу.

Новелла вторая

Жена амбуазского погонщика мулов отказалась удовлетворить низменные желания своего слуги и предпочла жестокую смерть

В городе Амбуазе⁴⁷ жил некий погонщик мулов. Он был на службе у королевы Наваррской, сестры короля Франциска Первого, которая в то время жила в Блуа⁴⁸ и у которой только что родился сын. Туда-то и отправился погонщик мулов, чтобы получить свое жалованье за три месяца, жена же его осталась одна в Амбуазе по другую сторону реки.

Один из их работников давно уже был до безумия влюблен в нее и в конце концов как-то раз не выдержал и открыл ей свою любовь. Но, как и подобает женщине целомудренной, она встретила его весьма нелюбезно и даже пригрозила, что скажет об этом мужу и попросит, чтобы тот его побил и выгнал из дому.

После этого он ей больше ни слова не говорил о своем чувстве и ничем его не выказывал. Огонь этот он хранил втайне в своем сердце до того самого дня, когда хозяин его уехал, а хозяйка отправилась к вечерне в церковь Святого Флорентина при королевском замке, находившуюся довольно далеко от их дома. Когда разгоряченный страстью работник остался один, ему пришло в голову, что он может силою овладеть той, которая была глуха ко всем доказательствам его любви и ко всем его мольбам. И он проломал дыру в деревянной перегородке, отделявшей его комнату от спальни хозяйки. А так как в этой спальне стена возле кровати была прикрыта занавесью и в комнате работника стена была точно так же занавешена, то сделанный им пролом остался никем не замеченным, и, вернувшись из церкви, хозяйка и жившая вместе с нею девочка одиннадцати-двенадцати лет спокойно улеглись спать. Едва только ничего не подозревавшая женщина уснула, как работник, в одной ночной рубашке и держа в руке обнаженную шпагу, проник в комнату и забрался в кровать к своей хозяйке. Увидав его около себя, та сразу же соскочила с постели и, будучи женщиной честной, старалась его образумить, как только могла. Ему же язык мулов был бы в эту минуту понятнее самой разумной человеческой речи – он был до такой степени охвачен плотской страстью, что стал еще большим скотом, чем те животные, с которыми он столько времени пробыл. Видя, что женщина бежит вокруг стола и никак не дается ему в руки и что она достаточно сильна, так как ей два раза удавалось вырваться из его рук, он отчаялся завладеть ею живой и решил использовать для этого последнее средство: он изо всей силы ударил ее шпагой по спине, думая, что, если он ни страхом, ни силой никак не мог ее одолеть, жестокая боль принудит ее все-таки сдаться. Случилось, однако, совсем другое. Точно так же, как истый воин, завидев кровь, разгорается еще больше и хочет отомстить врагам и стяжать себе славу, так и у этой целомудренной женщины словно прибавилось сил: она вырывалась из рук негодяя, убегала от него и продолжала с еще большим рвением увещевать его, стараясь, чтобы он понял всю низость своих побуждений. Однако тот был так разъярен, что, не слушая ее слов, нанес ей еще несколько жестоких ударов. До тех пор пока несчастная женщина держалась на ногах, она все еще старалась от него ускользнуть. А когда наконец она уже совсем ослабела и почувствовала, что смерть близка, она воздела очи к небесам, сложила руки и обратилась с молитвою к Богу, наделившему ее силою, добродетелью, целомудрием и терпением, моля Его узреть ту кровь, которая была пролита, дабы не

---

⁴⁷ Амбуаз – город на Луаре. В нем находится королевский замок, в котором в молодости часто подолгу бывали Франциск и Маргарита. Став королем, Франциск сделал Амбуаз одной из своих резиденций.

⁴⁸ Блуа – королевская резиденция на Луаре; знаменитый замок построен в XIII–XVI вв. Маргарита провела в Блуа счастливейшие годы юности, постоянно пользуясь находящейся в замке богатой библиотекой.

ослушаться Его велений и в память о крови, пролитой Его Сыном, способной, как она твердо верила, смыть всякое зло. И со словами: «Господи, прими душу, искупленную милосердием твоим», – она упала на землю лицом вниз. Негодяй нанес ей еще несколько ударов, а потом, когда она уже не в состоянии была ничего сказать и совсем ослабела, отнял у нее силою то, что защитить она уже не могла.

Едва только работник удовлетворил свое мерзкое вожделение, он бежал – и с такой поспешностью, что, сколько его потом ни искали, найти никак не могли. Девочка, спавшая в той же комнате, до того испугалась, что спряталась под кровать. Но едва только она уверилась, что насильник убежал, она кинулась к своей хозяйке и увидела, что та уже ничего не говорит и еле дышит. Тогда она высунулась в окно и стала звать на помощь соседей, которые любили и уважали ее хозяйку как женщину порядочную, и тут же все сбежались, приведя с собою хирургов⁴⁹. И эти, осмотрев ее, обнаружили у нее на теле двадцать пять ран, оказавшихся смертельными. Они пытались всячески помочь ей, но старания их были напрасны. Несчастная протомилась еще около часу, так и не вымолвив ни слова. И только по тому, что она делала какие-то знаки то глазами, то рукой, можно было видеть, что сознание она не потеряла. Когда вызванный к ней священник стал спрашивать, верит ли она и надеется ли на то, что Иисус Христос один может даровать ей спасение души, она отвечала ему знаками, изъяснявшими едва ли не лучше, чем то могли бы сделать слова, что умирает она настоящей христианкой. Вот так, с радостью на лице, с глазами, воздетыми к небесам, она отдала свое целомудренное тело земле, а душу – Господу. И только когда ее уже одели и положили в гроб, а гроб в ожидании погребения поставили перед домом, явился несчастный муж. И первое, что он увидел, прежде чем успел что-либо узнать, была покойница в гробу. Когда же ему рассказали, что послужило причиной ее смерти, он так опечалился, что чуть было не отдал Богу душу. А мученицу целомудрия погребли в церкви Святого Флорентина, и все порядочные женщины этого города собрались отдать ей последний долг и чувствовали себя счастливыми, что именно в их числе оказалась столь добродетельная жена. Женщины же легкомысленные и ветреные, видя, сколько почестей воздают ее телу, прониклись уважением к ней и решили с тех пор вести себя иначе.

– Вот, благородные дамы, истинное происшествие, которое должно еще больше побудить всех нас беречь добродетель и целомудрие, ибо им нет цены. И мы, женщины благородного происхождения, должны бы сгореть со стыда, когда в сердце нашем рождается вожделение, видя, как несчастная жена погонщика мулов не побоялась столь жестокой смерти, чтобы только этому вожделению не поддаться. А есть ведь среди нас и такие, которые считают себя женщинами порядочными, в то время как им еще не пришлось испытать, что значит заплатить за честь свою кровью. И нам следует смириться, ибо милость Господня дается не только людям богатым и благородным, а всем тем, кого Господь возлюбит в Своей доброте; Он ведь не принимает в лоно Свое кого попало, а избирает сам угодных ему, а избранник Его творит Ему хвалу добродетелями своими. Избирает же Он нередко людей простых и незаметных, чтобы не слишком возгордились те, кому благородство и высокое положение приносят почести в свете. Ведь и в Писании сказано: не будем радоваться добродетели нашей, возрадуемся только тому, что имена наши занесены в Книгу Бытия, где их не сотрут ни Смерть, ни Ад, ни грехи наши.

Не было ни одной дамы, которая бы не прослезилась от жалости к несчастной, сумевшей умереть столь достойно. И каждая в душе думала, что, если с ней приключится нечто подобное, она постарается последовать примеру мученицы.

Тогда госпожа Уазиль, видя, что все напереерыв восхищаются этой женщиной и воздают ей хвалу, сказала Сафредану:

⁴⁹ *Хирурги* – самый распространенный тип врача того времени; такой лекарь умел пустить кровь, вправить вывих, перевязать рану, но не более.

– Вы должны сейчас же рассказать что-нибудь, чтобы рассмешить нашу компанию, вы один только можете загладить ошибку, которую я совершила, заставив всех плакать. Передаю вам слово, чтобы вы рассказали третью новеллу.

Сафредан, который горел желанием рассказать что-нибудь, что доставило бы удовольствие всей компании, а в особенности одной из дам, вначале стал было отговариваться тем, что среди присутствующих есть люди и старше, и опытнее его, которым надлежало бы быть первыми, но потом сказал, что, коль скоро уж ему выпал этот жребий, он поторопится исполнить то, чего от него хотят, ибо, если ему придется говорить после них, он окажется в еще более трудном положении.

Новелла третья

Королева Неаполитанская отомстила супругу своему, королю Альфонсу, который ей изменял, изменив ему сама с мужем своей соперницы, и любовная связь ее с ним продолжалась до конца их дней, причем король никогда о ней не подозревал

Благородные дамы, поелику я сам не раз завидовал счастьем того, о ком будет сейчас идти речь, я должен сказать вам, что в городе Неаполе в царствование короля Альфонса⁵⁰, известного своим распутством, жил некий молодой человек, столь красивый, обходительный и благородный, что один весьма почтенный дворянин выдал за него замуж свою дочь, которая не уступала ему ни в добродетели, ни в красоте; и жили они очень дружно до дня карнавала, когда король, надев маску, по обыкновению ходил из дома в дом и каждый старался принять его как можно лучше. И вот, когда он зашел в дом того молодого дворянина, о котором я только что говорил, его встретили там еще более радушно, чем в других домах, потчевали самыми изысканными яствами и услаждали слух его пением и музыкой. Принимала же его такая красавица, какой король не видывал в жизни. А когда празднество окончилось, она вместе со своим мужем спела такую прелестную песенку, что красота ее стала как будто еще притягательнее. Видя столько совершенств, соединившихся вместе в ней одной, король пленился этою женщиной и, в душе несколько не радуясь тому, что супруги нежно любят друг друга, стал думать, как бы отбить красавицу у мужа. Однако это было делом нелегким. И вот король затаил в своем сердце страсть и от всех ее самым тщательным образом скрывал.

Чтобы чаще видеть предмет своей любви, он стал устраивать празднества для неаполитанских синьоров и дам и каждый раз приглашал на них молодого дворянина и его супругу. А когда человек чего-либо сильно хочет, он готов поверить тому, что желание его исполнится. Так вот и королю казалось, что взгляды этой красавицы уже начинают ему отвечать и единственное, что мешает им обоим, — это присутствие мужа. Чтобы удостовериться, что это действительно так, он дал ее мужу какое-то поручение в Рим и услал его туда недели на три. Едва только тот уехал, жена, у которой еще свежа была память о нем, стала по нем тосковать. Видя это, король принялся утешать ее, обращаясь к ней с ласковыми речами и поднося ей бесчисленные подарки. И дело кончилось тем, что женщина эта не только позабыла о своем горе, но даже была как будто довольна тем, что муж ее далеко. Не прошло и трех недель, как она со всею страстью влюбилась в короля и мысль о возвращении ее супруга стала для нее таким же источником огорчений, каким в первые дни была разлука с ним. А чтобы любовники могли встречаться и впредь, они условились, что, как только муж уедет к себе в поместье, жена тут же даст знать королю, который явится к ней тайком, и таким образом доброе имя ее — а им красавица дорожила больше, чем совестью, — будет вне подозрений.

Надежда эта наполняла сердце ее радостью, и, когда муж ее вернулся, она так ласково его приняла, что, хотя он уже прослышал о том, что во время его отсутствия король не раз навещал его жену, он был далек от того, чтобы в чем-либо ее заподозрить. Но все тайное становится явным: начав сомневаться в честности жены, муж принялся тщательно ее выслеживать, и то, что он узнал, только подтвердило его догадки. Однако, опасаясь, что, если он выдаст себя, виновник его несчастья найдет нужным расправиться с ним, молодой дворянин почел за

---

⁵⁰ *Альфонс* — речь идет о короле Неаполя Альфонсе I Великодушном (ок. 1396–1458), из Арагонской династии; стал неаполитанским королем в 1443 г., до этого правил Арагоном и Сицилией под именем Альфонса V. Был женат на дочери короля Кастилии Генриха (Энрике) III (1379–1406) инфанте Марии.

благо не подавать виду, что узнал о своей беде, и решил, что лучше уж сносить ее молча, чем рисковать жизнью из-за женщины, которая его нисколько не любит.

Глубоко огорченный всем, что узнал, он решил воздать королю по возможности тем же. Он знал, что обида имеет больше власти над женщиной, чем любовь, особенно если у этой женщины благородное и гордое сердце. И вот, явившись как-то раз к королеве, он взял на себя смелость сказать ей, что сожалеет о том, что король, ее муж, не любит ее так, как она этого заслуживает. Королева, до которой уже дошли слухи об увлечении короля женою этого дворянина, ответила:

– Я не могу одновременно и пользоваться почестями, и вкушать наслаждение. Я отлично знаю, что, хотя меня и окружают почести, наслаждение достается не мне, а другой. Но зато у той, которая его вкушает вместо меня, нет не только никаких почестей, но не осталось и чести.

Хорошо понимая, кого она имеет в виду, молодой человек сказал ей:

– Государыня, почет, который все воздают вам, родился вместе с вами. Вы происходите из такого знатного дома, что, будь вы не только королевой, но даже императрицей, и это бы ничего не прибавило к вашему исконному благородству. Но красотой своей, обаянием и возвышенностью души вы заслужили право вкушать наслаждение, и женщина, которая отнимает у вас то, что принадлежит только вам, больше всего вреда наносит этим себе самой. Ибо во имя сомнительной славы, которая в действительности является ее позором, она лишает себя таких наслаждений, каких ни одна из ваших подданных никогда не вкушала, да и сами вы, может быть, тоже. И уверяю вас, государыня, что если бы король снял с головы своей корону, то в глазах женщины у него не было бы ни малейшего преимущества передо мной. Даже больше: для того чтобы усладить такую благородную даму, как вы, он, пожалуй, был бы не прочь поменяться со мною наружностью.

– Хотя король, может быть, и не так крепко сложен, как вы, – рассмеялась королева, – любовь его доставляет мне такую радость, что я предпочитаю ее всему на свете.

– Государыня, – возразил молодой дворянин, – если бы это действительно было так, вы не внушали бы мне ни малейшей жалости, ибо я знаю, что любовь ваша, нашедши отклик в сердце короля, удовлетворила бы вас сполна. Но Господь вас сохранил от этого, ведь если бы вы нашли в своем супруге все, что хотели, он стал бы вашим Богом здесь, на земле.

– Должна вам признаться, – сказала королева, – что любовь моя к нему так велика, что другой такой ему нигде не найти.

– Простите меня, государыня, – отвечал ей молодой дворянин, – но вы ведь не измеряли силу чужой любви. Осмелюсь сказать, что есть сейчас на свете человек, который вас любит, и любовь его столь сильна и столь велика, что ваша не может с нею сравниться. И оттого что он видит, что ваша любовь к королю обманута, чувство его к вам все растет и растет, и стоит вам только снизойти к нему, как вы будете вознаграждены за все, что вы потеряли.

Слушая его слова и видя, как он переменялся в лице, королева начала догадываться, что все, что он говорит, идет из самых глубин его сердца. Теперь она поняла, почему он всегда так старался чем-нибудь услужить ей, поняла, что настоящей причиной его постоянной грусти, которую она приписывала одному только горю, была его страсть к ней самой. Какое-то внутреннее чувство, которое всегда сопутствует любви, если это настоящая любовь, убедило ее в том, что было скрыто от всех.

И, глядя на молодого дворянина, который был гораздо стройнее и красивее ее мужа, и зная, что он брошен женой точно так же, как она брошена королем, томимая тоскою и ревностью к мужу и тронутая любовью несчастного, она вздохнула и, заплакав, сказала:

– О господи! Неужели же жажда мести сделает со мною то, что было не под силу сделать ничьей любви!

Услыхав эти слова, молодой человек ответил:

– Государыня, сладка не та месть, которая убивает врага, а та, которая несет жизнь истинному другу. По-моему, пора уже вам узнать правду и забыть о напрасной и неразумной любви, которую вы питаете к тому, кто сам вас нисколько не любит. Только подлинная любовь способна избавить вас от постоянных опасений, которым не должно быть места в сердце возвышенном и благородном. Давайте же позабудем сейчас о вашем высоком положении и подумаем лучше о том, что никто на свете не был так предательски обманут самым любимым человеком, как вы и я. Отомстим им обоим, и не столько для того, чтобы им воздать по заслугам, сколько для того, чтобы предаться любви, которую я уже больше не в силах сдержать. И я думаю, что, если только сердце у вас не такое, как камень или алмаз, не может быть, чтобы вы не ощутили хоть самой малой искорки от огня, который разгорается во мне тем больше, чем больше я стараюсь от вас его скрыть. И если жалость к человеку, который умирает от любви к вам, не может заставить вас возгореться к нему такой же любовью, то пусть тогда это будет жалость к самой себе. Ужели красота ваша недостойна любви всех самых благородных людей на свете – а ведь человек, ради которого вы отвергли всех остальных, жестоко пренебрег вами.

Слова эти сильно взволновали королеву, и, боясь, что краска на лице выдаст ее душевное смятение, она позволила молодому дворянину взять себя под руку, и они вышли с ним в сад и долго потом гуляли вместе. Но она так и не сказала ему ни слова. Видя, однако, что она уже начинает поддаваться его влиянию, молодой человек дождался, пока они вышли в глухую аллею, где никто их не мог увидеть. Там-то он и высказал ей всю свою любовь, которую столько времени вынужден был таить в сердце. Королева уступила его настояниям, и оба они насладились сладостью мести, ибо сдерживать себя далее у них уже не было сил. И они решили, что теперь, когда молодой дворянин поедет в свое поместье и заметит, что король отправляется из замка в город, он каждый раз будет возвращаться в замок, чтобы свидеться с королевой. Так они сумеют обмануть обманщиков, и в то время как те будут думать, что наслаждению предаются только они одни, двое других точно так же вкусят это наслаждение в полной мере. Условившись обо всем, они расстались; королева вернулась в свои покои, а молодой дворянин к себе домой; оба были так всем довольны, что позабыли о своих прежних невзгодах. И если раньше каждый из них боялся встреч короля с его любовницей, то теперь страх этот уступил место желанию, чтобы они непременно встречались, и молодой дворянин все чаще стал теперь уезжать в свое поместье, которое было в расстоянии получаса езды от дома. Едва только король узнавал об этом, он сразу же отправлялся к его жене, а муж, дождавшись наступления темноты, прокрадывался в замок и проводил там ночь с королевой, причем умел быть настолько осторожным, что по-прежнему оставался никем не замеченным. И жили они так очень долго. Но король был человеком слишком известным для того, чтобы любовь его могла оставаться скрытой, в конце концов его тайна сделалась достоянием всех, и многие стали жалеть обманутого супруга. Кое-кто из молодых людей не прочь был иногда, правда, посмеяться над его смешным положением, наставляя ему сзади рога. Он отлично это замечал, но ему это было даже приятно, ибо рога эти в его глазах стояли королевской короны. Как-то раз, когда король был в доме своей возлюбленной, оба они взглянули одновременно на висевшую на стене оленью голову и, смеясь, сказали друг другу, что голове этой как нельзя лучше пристало быть в этом доме. Молодой дворянин оказался, однако, достаточно находчивым и сделал под этой оленьей головой надпись:

Io porto le corna, ciascun lo vede;
Ma tal le porta, che non lo crede⁵¹.

⁵¹ Я ношу рога – все это видят; но есть человек, который носит их, не подозревая об этом (*ит.*).

Когда королю довелось снова побывать в их доме, он обратил внимание на только что сделанную подпись и спросил, что означают эти слова. Тогда хозяин дома сказал ему:

– Если тайна короля сокрыта от оленя⁵², не следует и тайну оленя раскрывать королю. Но только знайте, что не у всех, кто носит рога, они бывают заметны, ибо рога эти подчас так нежны, что не могут испортить ничьей прически, легче же всего их носить тому, кто не обращает на них никакого внимания.

Король понял из этих слов, что его подданный о чем-то уже догадался, но ему и в голову не пришло, что тот наслаждается ласками королевы.

Ведь чем больше та была довольна жизнью, которую вел ее муж, тем больше она притворялась огорченной и грустной. Так вот все они и прожили долгие годы – до тех пор, пока старость не вернула их на свои места.

– Вот, благородные дамы, история, которую я с большой охотой рассказываю вам здесь, чтобы впоследствии, если мужья наставят вам вдруг козлиные рога, вы сами бы им наставили оленьи.

Эннасюита засмеялась и сказала:

– Сафредан, я убеждена, что если бы вы полюбили кого-нибудь сейчас так, как умели любить когда-то, вам непременно в конце концов нацепили бы рога величиною с развесистый дуб, чтобы отплатить вам той же монетой. Но теперь, когда волосы у вас седеют, страстям вашим пора бы уgomониться.

– Сударыня, – ответил Сафредан, – хотя та, кого я люблю, уже лишила меня моей последней надежды, а годы лишили меня прежнего пыла, желания мои остаются такими же, какими были. Но коль скоро вы решились попрекнуть меня чувством столь благородным, я передаю вам слово, для того чтобы четвертую новеллу рассказали вы сами, – тогда все мы воочию увидим, с помощью какого примера вы докажете мне, что я был не прав.

Во время этого разговора одна из присутствующих засмеялась, ибо знала, что Сафредан в действительности не настолько уж сильно любит ту, которая приняла все эти слова на свой счет, и отнюдь не собирается носить из-за нее рога и терпеть огорчение и позор. А когда Сафредан заметил, что та, которая смеялась, догадалась обо всем, он остался очень доволен и замолчал, предоставив слово Эннасюите, которая начала так:

– Благородные дамы, для того чтобы Сафредан и все наше общество знали, что далеко не все дамы походят на королеву, о которой он только что нам рассказал, и что не все дерзкие любовники достигают своей цели, а также чтобы не скрыть от вас, как вела себя одна женщина, которая решила, что для человека, посягнувшего на ее честь, неудача сама по себе страшнее смерти, я расскажу вам одну историю, участников которой я не назову, потому что все это было совсем недавно и я боюсь огорчить их родных, которые до сих пор еще живы.

---

⁵² ...тайна короля сокрыта от оленя... – В оригинале здесь игра слов, основанная на одинаковом звучании слов «олень» (cerf) и «слуга» (serf).

Новелла четвертая

Один молодой дворянин⁵³, познакомившись с сестрой своего сеньора, знатнейшей дамой Фландрии, женщиной ни от кого не зависимой, которая была дважды замужем и уже дважды овдовела, решил попытать счастья, предложив ей свою нежную дружбу. Получив от нее отказ, он попытался завладеть ею силой, но она решительно этому воспротивилась. Никому ничего не сказав о намерениях и поступках молодого человека, она последовала совету своей придворной дамы и перестала оказывать ему то внимание, к которому он привык. Таким образом, молодой дворянин поплатился за свою дерзость и лишился возможности встречаться с любимой женщиной, что ему раньше удавалось чаще, чем кому бы то ни было

Во Фландрии жила одна дама, происходившая из самого знатного рода этой страны. Она похоронила двоих мужей и, будучи бездетной, жила одиноко. Овдовев, она переехала к брату, который ее очень любил. Брат ее был женат на дочери короля. Молодой принц проводил жизнь в удовольствиях, любил охоту, всевозможные развлечения и женщин, как это свойственно юности, что, разумеется, не могло быть по вкусу его жене. Поэтому он всячески старался, чтобы жена его проводила побольше времени в обществе его сестры, которая была женщиной очень общительной и веселой и в то же время добродетельной и благоразумной. В доме этого принца находился один дворянин, который знатностью своей, красотой и хорошими манерами превосходил всех остальных. Дворянин этот, видя, что принцесса, сестра его сеньора, – дама с живым и веселым характером, решил предложить ей нежную дружбу, но в ответ получил от нее самый решительный отказ. Ответ ее был вполне достоин принцессы и женщины целомудренной, но, так как юноша был красив и благороден, она простила ему его неслыханную дерзость. Она дала ему понять, что беседа с ним ей приятна, но вместе с тем несколько раз повторила, чтобы он никогда больше не обращался к ней с подобными предложениями. Боясь окончательно потерять ее расположение и честь, которую она ему оказывала, принимая его у себя, он обещал ей, что никогда больше не заговорит с ней об этом.

Однако страсть его все больше разгоралась, и в конце концов он позабыл о своем обещании. Он, правда, не отважился обратиться к ней снова с теми же просьбами, ибо ему памятен был тот жестокий урок, который он от нее получил. Но он подумал, что если только он застанет ее где-либо в уединенном месте, то ее молодость и пышущее здоровьем тело, может быть, окажутся его союзниками и она пожалеет и его, и себя.

Чтобы добиться успеха, он сказал как-то принцу, что неподалеку от его поместья есть отличные леса и если с наступлением весны у него будет желание поохотиться на оленей, то лучшего места ему не сыскать. Принц, который питал большую симпатию к молодому дворянину и к тому же был страстным охотником, принял его приглашение и приехал к нему в его

---

⁵³ ...молодой дворянин... – прототипом этого персонажа был французский военачальник Гийом Гуфье де Бониве (ок. 1488–1525). Героиней новеллы, как полагали современники, была сама Маргарита.

замок, который был очень красив и содержался в большом порядке, ибо дворянин этот был самым богатым человеком в округе. В одном крыле дома он поселил принца с супругой, а в другом – ту, которая была ему дороже всего на свете. Отведенную для нее комнату он постарался отделать как можно лучше, стены ее были завешаны гобеленами, а пол устлан коврами, под которыми невозможно было заметить устроенный возле самой кровати люк. Люк этот вел в нижнюю комнату, где жила его мать, которой было уже много лет и которая постоянно болела. Старушка сильно кашляла и, боясь, что может побеспокоить своим кашлем принцессу, помещавшуюся над ней, перешла на это время в комнату сына, предоставив ему свою. По вечерам она обычно заходила к принцессе и приносила ей варенье и разные сласти. В эти часы туда обычно поднимался и сам хозяин дома. А так как он пользовался особым расположением принца, то ему разрешалось присутствовать при утреннем и вечернем туалете принцессы⁵⁴, что с каждым разом все больше разжигало его страсть.

Однажды вечером молодой дворянин так долго пробыл в комнате принцессы, что ее стало уже клонить ко сну, и она его отпустила. Придя к себе, он переоделся в свою самую парадную рубашку, надушил ее, а на голову надел щегольской ночной колпак. Поглядев на себя в зеркало, он решил, что он неотразим и что нет такой женщины, которая бы устояла перед его обаянием и красотой. И, уже предвкушая удачный исход задуманного им предприятия, он улегся в постель, не собираясь, однако, оставаться в ней особенно долго, ибо и желание, и надежда подсказывали ему, что ночь эту он проведет в другой постели, что будет для него и приятнее, и почетнее. После того как слуги его отправились спать, он встал и запер за ними дверь. И он долго прислушивался к каждому шороху, стараясь узнать, все ли затихло в комнате, где жила принцесса. Удостоверившись, что она мирно поживает, он принялся осуществлять свой заветный план и потихоньку приотворил люк, края которого были так искусно обиты сукном, что он открывался без малейшего шума. И, поднявшись по лестнице в комнату своей любимой, которая уже спала, он очутился у самой ее постели. В одну минуту, забыв о благородном происхождении этой дамы и о том, как он ей обязан, не испросив ее позволения и пренебрегши всякой учтивостью, он улегся возле нее и раньше, чем она успела обнаружить его присутствие, крепко сжал ее в своих объятиях. Но она была женщиной сильной: высвободившись из его рук, она принялась кричать, спрашивая, кто он такой, принялась его бить, кусать и царапать. Боясь, что она будет звать на помощь, он попытался заткнуть ей рот простынею, что ему, однако, не удалось, ибо, как только она увидела, что он не щадит сил, чтобы ее обесчестить, она не пожалела своих, чтобы справиться с ним, и стала громко звать придворную даму, спавшую в той же комнате, пожилую и достойную женщину, которая тут же вскочила с постели и, как была, в одной рубашке кинулась к своей госпоже.

Молодой дворянин, увидев, что замысел его не удался, и очень боясь, что принцесса его узнает, поспешил скрыться, спустившись по той же лесенке вниз. Пылкие желания и надежды, с которыми он поднимался вверх, сменились отчаянием. Он зажег свечу, посмотрел на себя в зеркало и, увидев, что лицо его покрыто следами укусов и царапинами и залито кровью, так же как и его рубашка, на которой крови теперь было больше, чем золотых вышивок, подумал:

«О моя красота! Ты теперь получила сполна по заслугам, ведь это ты ввела меня в соблазн, ты внушила мне мысль совершить невозможное, и, вместо того чтобы вкусить еще большую радость, я теперь повергнут в несказанное горе. Я ведь уверен, что если только она узнает, что я нарушил данное ей обещание и позволил себе совершить это безрассудство, я потеряю все ее расположение и то предпочтение, которое она всегда мне оказывала, принимая меня у себя в доме чаще, чем всех остальных. Что делать, я все это заслужил: мне ведь вовсе не

⁵⁴ ...присутствовать при... туалете принцессы... – Речь идет об обычае, широко распространенном в XVI–XVII вв. при дворе и в высшем обществе: во время утреннего туалета знатных дам было позволено присутствовать их многочисленным приближенным.

следовало добиваться ее любви тайком и пытаться овладеть силой ее целомудренным телом. Вместо этого я должен был смиренно и терпеливо ожидать, пока любовь моя одержит победу и принцесса оценит по достоинству и красоту мою, и мое обращение с нею. Ибо если нет любви, то никакие достоинства человека вообще ничего не стоят». Так он провел всю ночь в слезах, в скорби и в безмерном раскаянии. А поутру, понимая, что с таким исцарапанным лицом он не может появиться к столу, он притворился больным и, велев сказать, что у него нестерпимо болят глаза от света, выждал, пока гости его уехали.

Принцесса, вышедшая из борьбы победительницей, была уверена, что никто из придворных не осмелился бы совершить столь дерзкий поступок, и не сомневалась, что это был именно он, любимец ее брата, который однажды уже признавался ей в своей страсти. Обыскав вместе со своей придворной дамой⁵⁵ все уголки комнаты и не обнаружив никаких следов, она в гнев воскликнула:

– Уверяю вас, что это не кто иной, как хозяин этого дома. Пусть же завтра брат мой увидит на его лице доказательства моего целомудрия.

Видя ее негодование, придворная дама сказала:

– Ваша светлость, это хорошо, что вы так дорожите своей честью и для того, чтобы еще больше укрепить ее, готовы принести в жертву того, кто не пожалел ее именно потому, что так сильно вас любит. Но нередко человек думает, что сохраняет свою честь, в то время как в действительности он ее теряет. Поэтому прошу вас, госпожа моя, расскажите мне все от начала и до конца.

Когда же принцесса рассказала ей обо всем, что произошло, придворная дама спросила ее:

– А вы уверены, что он ничего не получил от вас, кроме царапин и тумачков?

– Разумеется, – заверила ее принцесса, – и, если он не обратится к хорошему хирургу, я убеждена, что завтра же следы их выступят на его лице.

– Ну, раз так, ваша светлость, – сказала придворная дама, – мне думается, что скорее всего вам следует благодарить Бога, а не помышлять об отмщении. Можете не сомневаться в том, что, коль скоро он нашел в себе смелость пуститься на такой рискованный шаг и сейчас терпит огорчение от постигшей его неудачи, любая смерть была бы для него только избавлением от страданий. А уж если вы хотите отомстить ему, то лучше, чем вы, это сделает сама его любовь к вам и тот позор, который его сейчас постиг! Остерегайтесь следовать в этом его примеру, ибо, вместо того чтобы обрести величайшее из наслаждений, он получил самые ужасные неприятности, какие только могут выпасть на долю благородного человека. Так вот и честь ваша, которую вы думаете этим возвеличить, напротив, легко может пострадать. Ведь стоит вам только на него пожаловаться, как все узнают то, что сейчас знаете только вы и он. А вы можете быть совершенно спокойны – сам он никому ничего не расскажет. Если же брат ваш велит его судить, как вы того хотите, и беднягу приговорят к смертной казни, сразу же распространится молва, что он сумел склонить вас к взаимности. Вряд ли люди поверят, что мужчина отважился на подобный поступок, если женщина сама не дала ему к этому повод. Вы молоды, хороши собой и ведете открытую светскую жизнь. Нет такого придворного, который бы не заметил, как радушно вы принимаете у себя того самого дворянина, которого сейчас подозреваете в этом недобром умысле. И каждый про себя рассудит, что если он дерзнул на такой опасный шаг, то дело здесь не обошлось и без вашей вины. И тогда честь ваша, которая позволяет вам сейчас ходить с высоко поднятой головой, будет поставлена под сомнение всеми теми, кто об этом узнает.

Слушая все разумные доводы, которые ей приводила придворная дама, принцесса должна была признать, что та права и что ее действительно могут легко осудить за то радушие и

---

⁵⁵ ...придворной дамой... – Это Бланш де Турнон дам де Шатийон (род. ок. 1490), придворная дама Маргариты.

внимание, которое она все время оказывала молодому дворянину. И она попросила придворную даму посоветовать ей, как поступить. Тогда та сказала:

– Ваша светлость, коль скоро, зная мою преданность вам, вы соизволили выслушать мой совет, мне кажется, вы должны в сердце своем возрадоваться тому, что самый красивый и самый благородный из дворян, какого мне только приходилось видеть за всю мою жизнь, не сумел ни любовью своей, ни силой столкнуть вас со стези истинной добродетели. И вы должны теперь возблагодарить Господа и признать, что в этом отнюдь не ваша заслуга. Ибо немало есть женщин более строгой жизни, нежели вы, которые уступали настояниям мужчин, менее достойных любви, чем он. И теперь вы должны особенно остерегаться всяких новых излияний любви, ибо есть среди женщин и такие, кому в первый раз удается справиться с искушением, но кто во второй раз ему поддается. Помните, ваша светлость, что любовь слепа и она способна ослепить человека так, что дорога, которая кажется ему наиболее надежной, оказывается наиболее скользкой. И мне думается, что вы не должны говорить ни слова о том, что было, ни ему, ни кому-либо другому. И даже если бы он сам захотел что-нибудь вам сказать, сделайте вид, что не слышите. Этим вы избежите сразу двух опасностей: во-первых, вы перестанете кичиться в душе победой, которую вы над ним одержали; во-вторых, вы не будете поддаваться невольному соблазну, возвращаясь мыслями к вещам столь приятным для плоти, а ведь даже самым целомудренным женщинам подчас бывает трудно потушить в себе искорки этой плоти, как они ни стараются это сделать. И сверх этого, ваша светлость, для того чтобы он не возомнил, что поведение его вам доставило удовольствие, я считаю, что вам больше не следует быть к нему такой благосклонной, какой вы бывали раньше. Пусть он поймет, что поступком своим он вас прогневил и что только вашей безмерной доброте он обязан тем, что вы удовлетворились победой, которую вам даровал Господь, и не стали мстить своему обидчику. Да поможет вам Господь пребывать и впредь в этой чистоте душевной, которую Он вам ниспослал, и вы, зная, что Он – источник всякого блага, будете еще больше Его любить и служить Ему еще лучше, чем вы служили прежде.

Решив последовать совету своей придворной дамы, принцесса уснула, и сон ее был безмятежен, в то время как молодому дворянину горе его не давало смежить очей.

На другой день, когда принц собрался уезжать и вызвал к себе своего любимца, чтобы с ним проститься, ему сказали, что он так плохо себя чувствует, что не может вынести яркого света и звуков человеческой речи. Принц был сильно этим обеспокоен и решил его проведать. Однако, узнав, что тот уснул, будить его не стал и так и уехал, не простившись с ним и увезя с собою жену и сестру. Когда принцесса узнала, что хозяин дома объявил себя больным и даже не вышел попрощаться ни с принцем, ни с дамами, она окончательно уверилась, что не кто иной, как он, причинил ей ночью столько волнений и теперь боится показать следы царапин, оставшиеся у него на лице. И хотя после этого принц несколько раз посылал узнать, поправился ли он от своей болезни, молодой человек все еще не решался явиться ко двору, пока не успел залечить все свои раны, кроме одной – той, которую любовь и горе нанесли его сердцу. Когда же он наконец вернулся ко двору и предстал перед посрамившей его красавицей, лицо его залилось краской, и он, слывший человеком отменной храбрости, смущался теперь каждый раз, когда виделся с нею. Это лишний раз убедило принцессу, что она была права в своих подозрениях, и понемногу она стала удалять его от себя, причем достаточно явно, чтобы он это мог заметить. Он же, боясь, как бы с ним не поступили еще хуже, старался сделать вид, что не замечает, как она к нему охладела, и, затаив любовь свою в сердце, терпеливо сносил заслуженную им кару.

– Я рассказала вам, благородные дамы, историю, которая может вселить страх в сердца тех, кто зарится на чужое, в то время как добродетель этой молодой принцессы и здравый смысл ее придворной дамы могут послужить примером для всех женщин и придать им уверенность

в своей силе. Если с кем-либо из вас случится нечто подобное, вы теперь уже знаете, как надо себя вести.

– А мне кажется, – возразил Иркиан, – что герой вашего рассказа был до такой степени малодушен, что о нем не стоило бы даже и вспоминать. Ведь коль скоро ему представился подобный случай, ни присутствие старухи, ни упорство принцессы не должны были заставить его отказаться от своего замысла; и надо сказать, что и любовь-то его, должно быть, была недостаточно сильна, если в сердце оставалось еще место для страха и стыда.

– А что же было делать этому несчастному, если против него были две женщины? – спросила Номерфида.

– Убить старуху, – сказал Иркиан. – И если бы молодая увидела, что помощи ей ждать больше неоткуда, она в конце концов была бы вынуждена ему отдаться.

– Убить! – воскликнула Номерфида. – Вы что же, хотите, чтобы любовник сделался убийцей? Раз вы такого мнения, то вы человек опасный.

– Если бы я очутился на его месте, – вскричал Иркиан, – я счел бы для себя позором остановиться на полпути.

– Неужели вам кажется странным, что принцессе, воспитанной во всей строгости, удалось защитить себя от мужчины, который был один? – сказал Жебюрон. – Раз так, то вас, должно быть, еще больше удивит другой случай, когда простая женщина спасла себя от преследования двоих мужчин.

– Жебюрон, – сказала Эннасюита, – прошу вас, возьмите на себя труд рассказать нам пятую новеллу. Вы ведь, должно быть, можете сообщить нам кое-что интересное об этой несчастной женщине.

– Что же, если вы избираете меня рассказчиком, – ответил Жебюрон, – я расскажу вам одну историю, которую знаю, потому что сам был в местах, где она приключилась, и всех там об этом расспросил; из рассказа моего вы увидите, что разумом и добродетелью наделены не одни только принцессы и что настоящая любовь и изобретательность свойственны иногда вовсе не тем, в ком мы рассчитываем их найти.

Новелла пятая

Двое монахов-францисканцев из Ниора, переезжая реку возле порта Кулон⁵⁶, решили с помощью силы овладеть лодочницей, которая их перевозила. Но женщина эта оказалась честной и достаточно хитрой и, сделав вид, что соглашается на то, чего они от нее хотят, очень ловко их обманула и отдала в руки судьи, который отправил их к настоятелю монастыря, чтобы они понесли там заслуженное наказание

В Кулонском порту, неподалеку от Ниора, жила некая лодочница, которая во всякое время перевозила людей с одного берега на другой. И вот однажды ей пришлось перевозить двух монахов из Ниорского монастыря, и, кроме них троих, в лодке никого больше не было. А так как переправа эта – одна из самых длинных во всей Франции, то, чтобы не дать своей спутнице соскучиться, монахи стали уговаривать ее разделить их любовь, на что та отвечала так, как и следовало ожидать, – отказом. Но ни усталость после долгого пути, ни холод, которым веяло от воды, ни стыдливый отказ этой женщины не охладили их страсти, и они решили завладеть ею силой, а если она воспротивится их ласкам, столкнуть ее в реку. Но женщина, которая была столь же добродетельна и разумна, сколь оба они бесстыдны и коварны, сказала:

– Поверьте, что я вовсе не так упряма, как вам это показалось; я попрошу вас только исполнить две мои просьбы, и тогда вы увидите, что исполнение вашей доставит мне не меньше радости, чем вам обоим.

Монахи тут же поклялись именем своего патрона, святого Франциска, что готовы исполнить все, о чем она их попросит.

– Прежде всего дайте мне клятвенное обещание, что вы никому об этом не расскажете, – потребовала она.

Монахи ей это пообещали и, не задумываясь, поклялись.

Тогда она сказала:

– Развлекаться со мною вы будете по очереди, мне ведь стыдно показываться вам обоим вместе. Решите только, кто из вас будет первым.

Монахи нашли, что просьба ее совершенно законна, и тот из них, кто был помоложе, согласился, чтобы старший был первым. И как только они пристали к маленькому островку, женщина сказала младшему из монахов:

– Святой отец, читайте покамест ваши молитвы, а мы с вашим приятелем поедem сейчас на другой островок. И если он вернется оттуда довольный мною, мы потом оставим его здесь и поедem туда с вами.

Младший соскочил на землю и стал ждать возвращения своего товарища, которого лодочница повезла на другой островок. Когда лодка подошла к берегу, женщина сделала вид, что привязывает ее к дереву, и сказала монаху:

– Друг мой, подите-ка выберите местечко поудобнее.

Святой отец сошел на берег и стал искать, где бы им было поудобнее прилечь. Но едва только женщина увидела, что он ступил на землю, как она мгновенно оттолкнула лодку ногой

---

⁵⁶ Кулон — имеется в виду современный городок Кулонж-сюр-Л’Отиз в департаменте Дё-Севр, недалеко от Ниора (в провинции Пуату).

и уплыла в ней дальше по реке, оставив и того и другого монаха на пустынных островках, и только крикнула что есть мочи:

– Ждите теперь, пока Ангел Господень придет вас утешить, от меня вы уже ничего не дождетесь.

Несчастные монахи, сообразив, что их обманули, стали на колени у самой воды и молили не срамить их. Они заверили свою спутницу, что, если она довезет их до места, они ни о чем ее больше просить не будут. Она же, отъезжая от них все дальше, крикнула им в ответ:

– Это уж было бы верхом глупости с моей стороны: вырваться из ваших рук, а потом опять к вам вернуться.

Возвратившись в деревню, она позвала своего мужа и судейских, чтобы те схватили этих двух разъяренных волков, к которым она чуть было не попала в пасть и от которых сам Господь Бог ее спас. Мужчины отправились на островки, и за ними последовала вся деревня, ибо всем жителям от старого до малого хотелось непременно принять участие в этой ловле.

Перепуганные монахи, видя, сколько на них двинулось народу, спрятались на островках, причем каждый напоминал собой Адама, представшего нагим перед очами Господа. От стыда за совершенный ими грех и от страха перед расплатой они были едва живы и тряслись, будто в лихорадке. Но это не помешало прибывшим схватить их и посадить в тюрьму под одобрительные возгласы и хохот толпы.

– Вот что за люди эти святые отцы, – говорили одни, – они проповедуют нам целомудрие и честь, а потом бесчестят наших собственных жен.

Другие же говорили:

– Это гробы повапленные⁵⁷, которые внутри полны мерзости и гнили.

А еще кто-то крикнул:

– Истинно, дерево познается по плоду своему⁵⁸.

И должно быть, все тексты Евангелия, где говорится о лицемерах, были пущены в ход, чтобы опозорить этих захваченных в плен насильников. И так продолжалось до тех пор, пока не прибыл настоятель монастыря, который уговорил судью выдать их ему, обещав, что накажет обоих негодяев так, как лица светские наказать не посмели бы. Он обещал, что они отслужат столько месс и прочтут столько молитв, сколько он их заставит. Судья исполнил его просьбу и выдал ему арестованных, которых тот препроводил к себе в монастырь и так хорошо их проучил, что с тех пор они каждый раз, переезжая реку, осеняли себя крестным знаменiem и направляли помыслы свои к Господу Богу.

– Прошу вас, благородные дамы, подумайте, если простая лодочница оказалась настолько сообразительной, что обманула двух столь коварных мужчин, то насколько же умнее должны быть те, кто прочел множество книг и у кого перед глазами был достойнейший образец. Достаточно ведь уже тех примеров женской добродетели, которые они видели, чтобы для женщины благородного воспитания добродетели эти стали не заслугой, а простою привычкой. Ведь коль скоро даже те женщины, которые ничего этого не знают, кому за целый год не приходится и двух раз сходить в церковь, чтобы послушать хорошую проповедь, чья жизнь уходит целиком на то, чтобы заработать себе кусок хлеба, – коль скоро даже такие находят в себе силу sobлюсти целомудрие, то это означает, что добродетель всегда пребывает в их простых сердцах, ибо Дух Божий творит свои высокие дела в сердцах людей слабых и неразумных. Несчастлива та из жен-

---

⁵⁷ *Это гробы повапленные...* – Цитата из Евангелия от Матфея (XXIII, 27): «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобляетесь окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты» (повапленные – окрашенные).

⁵⁸ *...дерево познается по плоду своему.* – Цитата из Евангелия от Луки (6: 44): «Ибо всякое дерево познается по плоду своему; потому что не собирают смолк с терновника и не снимают винограда с кустарника».

щин, которая не хранит своего сокровища: сбереженное, оно несет ей великую честь, растраченное – покрывает позором.

– Мне думается, Жебюрон, – сказала Лонгарина, – что отвергнуть любовь монаха – это не такая уж большая заслуга. Гораздо труднее было бы его полюбить.

– Лонгарина, – ответил Жебюрон, – женщины, которые не привыкли иметь таких поклонников, каких, например, имеете вы, не станут пренебрегать и монахами. Среди них ведь есть люди статные, сильные, живется им привольно, и они от этого здоровее, чем, например, такие, как мы, которые всю жизнь бегают в упряжке. Они обольстительны, как ангелы, и наглы, как дьяволы. Поэтому женщины, которые другого ничего не видели, поистине добродетельны, если они умеют вырваться из их лап.

– Вы можете говорить что вам угодно, – воскликнула Номерфида, – но я бы скорее бросилась в реку, чем согласилась лечь спать с монахом.

– Вы, должно быть, хорошо плаваете, – смеясь, сказала Уазиль.

Номерфиде это замечание показалось дерзким, и, решив, что Уазиль отнеслась к ней неуважительно, она гневно сказала:

– Я знаю женщин, которые отказывали мужчинам гораздо более приятным, чем какой-нибудь монах, и не трубили об этом по всему свету.

– Они еще меньше трубили тогда, когда уступали их просьбам, – добавила Уазиль, которую этот гнев рассмешил.

– Я вижу, что Номерфиде не терпится что-нибудь рассказать, – вступился Жебюрон, – и я хочу предоставить ей это право, чтобы она поделилась с нами тем, что знает.

– Все, что здесь говорилось, – сказала Номерфида, – так мало меня трогает, что не вызывает во мне ни радости, ни зависти. Но уж коль скоро вы предоставили мне слово, я попрошу вас выслушать мой рассказ, чтобы вы знали, что если, как мы только что видели, находятся женщины, которые не дают себя соблазнить, есть и другие, которые легко поддаются соблазну. А так как мы поклялись говорить только правду, я не хочу ничего скрывать, ибо точно так же, как добродетель этой лодочницы не приносит чести другим женщинам, если они не следуют ее примеру, так и порочность какой-либо другой особы женского пола никак не может служить к посрамлению всех остальных.

Новелла шестая

Старый камердинер герцога Алансонского, кривой на один глаз, предупрежденный о том, что жена его вступила в любовную связь с одним молодым человеком, решил узнать, действительно ли это так. Он сказал жене, что уезжает из города на несколько дней, а сам меж тем неожиданно вернулся. Однако жена догадалась, что муж ее возвратился, и таким образом он, думая, что ему удалось обмануть ее, был сам обманут

У Карла⁵⁹, покойного герцога Алансонского, был старый камердинер, кривой на один глаз. Он был женат на женщине значительно моложе его. А так как его господа были к нему очень привязаны, он не мог особенно часто отлучаться из дворца и видаться с женой столько, сколько ему хотелось. И вот женщина эта, забыв честь и стыд, полюбила одного молодого человека. Молва об этом распространилась по городу; дошла она в конце концов и до мужа. Однако он не хотел верить сплетням, потому что жена неизменно встречала его ласкою и любовью.

Но однажды он все-таки решил убедиться, действительно ли это так, – и, если это будет в его силах, отомстить той, которая ввергла его в такой позор. Для этого он сказал жене, что уезжает куда-то на два-три дня. Едва только он уехал, та позвала своего возлюбленного, но не прошло и получаса, как муж вернулся и стал отчаянно стучать в дверь. Она догадалась, что это он, и сказала об этом своему другу, который так испугался грозившей ему опасности, что стал проклинать и виновницу его беды, и свою любовь к ней. Но женщина успокоила его, сказав, что она сумеет помочь ему выйти сухим из воды, и попросила только, чтобы он поскорее оделся. Тем временем муж продолжал колотить в дверь и громко звать жену. Она же, притворившись, что не узнает его стук, закричала, как будто обращаясь к слугам: «Что ж это вы не уговорите людей, там, за дверью? Разве в такой поздний час ходят в порядочные дома? Будь здесь мой муж, уж он бы вам показал!»

Муж, услышав голос своей жены, стал еще громче кричать:

– Жена, открывай! Неужели ты заставишь меня проторчать тут до самого утра!

Когда она увидела, что друг ее совсем одет, она открыла дверь и встретила своего супруга словами:

– Ах, милый мой муженек, как я рада, что ты вернулся! Мне приснился чудесный сон, и мне было так хорошо, как никогда еще не бывало. Мне приснилось, что ты стал видеть обоими глазами.

А сама в это время, обнимая и целуя его, закрыла ему рукой здоровый глаз и стала спрашивать:

– Посмотри-ка, может быть, и в самом деле ты лучше стал видеть?

И пока муж ее пребывал в полной темноте, она успела выпроводить своего возлюбленного на улицу. Однако старик сразу же сообразил, что здесь дело нечисто, и сказал ей:

– Клянусь тебе, жена, теперь я больше никогда не буду тебя выслеживать. Я ведь хотел тебя обмануть, а вышло, что обманула меня ты, да еще как здорово. Ну, да Бог тебе судья. Ни одному мужчине на свете все равно никогда не совладать с женским коварством. Разве только

---

⁵⁹ У Карла... – Речь идет о первом муже Маргариты – Карле, герцоге Алансонском (1489–1525).

убить негодницу на месте. Но коль скоро вся моя ласка ничему тебя не научила, может быть, тебя исправит то презрение, которое я отныне буду к тебе питать.

С этими словами он покинул дом, оставив жену в большом горе, и вернулся только много времени спустя, когда за нее вступились друзья и родные и сама она пролила много слез, моля его смириться над нею.

– Теперь вы видите, благородные дамы, до чего ловка и хитра становится женщина, когда ей надо бывает избежать опасности. А если она так быстро нашла способ скрыть содеянное ею зло, то, по-моему, для того, чтобы уберечься от зла или чтобы сотворить добро, она может стать еще более хитроумной. Ибо мне не раз приходилось слышать, что сильнее всего бывают те, кто направляет свои силы на добрые дела.

– Вы можете сколько хотите рассуждать о хитрости и об уме, – сказал Иркиан, – но я уверен, что если бы подобный случай произошел с вами, вы не сумели бы так ловко спрятать своего друга.

– Ну где же мне это суметь, скажите уж прямо, что вы считаете меня самой глупой женщиной на свете.

– Этого я не говорил, – возразил Иркиан, – я просто считаю, что вашей натуре свойственно скорее прийти в смятение от скандала, чем проявить находчивость и как-нибудь его замять.

– По-вашему, у всех, как у вас, только и дела что думать о том, как одно перекрыть другим... – сказала Номерфида. – Но в конце-то концов, если все чем-то перекрывать, то получится крыша на крыше, а на той еще одна крыша. А от такой тяжести как бы и весь дом не развалился! Но если вы думаете, что вы, мужчины, в таких случаях похитрее женщин, я уступлю вам свое место, чтобы седьмую новеллу рассказали вы. И уж если примером вы изберете себя, то я уверена, что вы научите нас многим хитростям.

– Я здесь вовсе не для того, – сказал Иркиан, – чтобы изображать себя хуже, чем я есть на самом деле. И без этого ведь находятся люди, которые болтают про меня всякие небылицы.

И он поглядел при этом на жену, которая сразу же воскликнула:

– Пожалуйста, рассказывайте все так, как оно есть, и ради меня ничего не изменяйте. Мне ведь легче выслушать рассказ о ваших уловках, чем испытывать все эти хитрости на самой себе, хоть ни одна из них не может сколько-нибудь повлиять на мою любовь к вам.

– Поэтому я и не жалею, когда вы бываете ко мне несправедливы, – ответил Иркиан. – Ведь чем лучше мы узнаем друг друга, тем крепче будут узы нашей любви. И все же я не настолько глуп, чтобы начать рассказывать что-нибудь такое из своей жизни, что могло бы вас огорчить. А то, что я расскажу, действительно приключилось с одним моим другом.

Новелла седьмая

Один ловкий и хитрый купец обманывает старуху и спасает честь ее дочери

В городе Париже жил некий купец, который был влюблен в дочь своей соседки. Впрочем, на самом деле влюблена была она, а он только делал вид, что души в ней не чает, чтобы отвлечь внимание окружающих от той, кого он действительно любил любовью возвышенной и благородной. А девушка, которую он обманывал, до такой степени была от него без ума, что, не в пример многим другим, которые знали, как вести себя с мужчинами, не считала возможным ни в чем ему отказать. Вначале купец этот сам искал встреч с ней, но потом она уже готова была приходить туда, где он назначал ей свидание. Мать ее, женщина очень строгих правил, заметила это и раз и навсегда запретила ей даже разговаривать с ним, сказав, что иначе она отдаст ее в монастырь. Но чувство этой девушки к своему возлюбленному пересилило ее страх перед матерью, и она только еще больше стала томиться по своему любимому. И вот однажды, когда, придя к ней в дом, он застал ее одну в гардеробной, он решил, что это весьма подходящее место для их свидания, и завел с ней самые нежные разговоры. Но одна из служанок, увидав, что они уединились вдвоем, побежала сообщить об этом матери, которая пришла в ярость и тотчас же кинулась туда. Дочь ее, услышав, что она идет, залилась слезами и сказала своему возлюбленному:

– Увы, друг мой, сейчас ты поймешь, как дорого обходится мне моя любовь к тебе. Матушка увидит сейчас своими глазами то, чего она всегда опасалась и что подозревает уже давно.

Купец, однако, нимало не растерялся и, выпустив девушку из своих объятий, сразу же направился навстречу ее матери и со всем жаром страсти, которую в нем только что пробудила ее дочь, обнял недоумевающую старуху и повалил на кушетку. Та была несказанно этим поражена.

– Что с вами такое? – пробормотала она. – Да вы с ума сошли!

Но он продолжал обнимать ее и прижимать к себе, как будто это была самая пленительная девушка на свете. И если бы старуха не кричала так громко и все слуги немедленно не кинулись ей на помощь, ее, несомненно, постигла бы та самая участь, от которой она больше всего на свете старалась уберечь свою дочь. Только силой ей удалось вырваться из рук купца, и она до конца жизни так и не узнала, что заставило его так ее мучить. А тем временем дочь ее убежала в соседний дом, где в это время справляли свадьбу, и впоследствии, вспоминая этот случай, она не раз хохотала со своим другом над недогадливой матерью.

– Таким образом, благородные дамы, купец этот оказался достаточно хитер, чтобы обмануть эту почтенную особу и спасти доброе имя ее дочери. Но если бы вы только знали, о ком идет речь! И если бы вы видели, как выглядел соблазнитель и сколь велико было изумление старухи, вам нелегко было бы удержаться от смеха. Мне же хочется только доказать этим, что мужчины бывают в нужную минуту не менее хитры и сообразительны, чем женщины, чтобы вы, благородные дамы, не боялись им иногда довериться. Заметьте же, что иногда вы сами не догадаетесь, что надо сделать, чтобы спасти вашу честь, а мужчина сообразит все гораздо скорее.

– Право же, Ирман, история ваша очень забавна, и купец ваш необычайно сообразителен, – сказала Лонгарина, – только нехороший это пример для девушек. Правда, среди них, может быть, и есть такие, которые сочтут его достойным подражания, но надеюсь, сами вы не настолько глупы и не захотите, чтобы жена ваша или женщина, честь которой вам дорога,

играла в такую игру. А я думаю, что никто ведь так близко не знает женщин и так ревниво не оберегает их честь, как вы.

– Клянусь вам, – сказал Иркиан, – что если бы нечто подобное приключилось с моей женой – и так, что я бы ничего об этом не знал, – я бы продолжал ее уважать, как уважал раньше. И я поистине не знаю, удалось ли кому-нибудь поступить столь умело и так ловко спрятать концы в воду, что дело обошлось без больших неприятностей.

Парламанта не удержалась и сказала:

– Разумеется, человек, известный своими дурными поступками, всегда будет на подозрении. Но блажен тот, кого ни в чем нельзя заподозрить.

– Никогда не бывает огня без дыма, но зато дым мне много раз пришлось видеть и там, где не было никакого огня, – возразила ей Лонгарина. – Ведь люди дурные готовы искать зло где угодно, только не там, где оно есть на самом деле.

– Вот что, Лонгарина, – воскликнул Иркиан, – вы так хорошо говорили, отстаивая честь женщин, которых понапрасну в чем-то подозревают, что я предоставляю вам право рассказать восьмую новеллу. Надеюсь, что вы не заставите нас плакать так, как это сделала госпожа Уазиль, столь горячо хвалившая добродетельных женщин.

– Если вы непременно хотите, чтобы я вас рассмешила, как это не раз бывало, – сказала Лонгарина, заливаясь смехом, – то знайте, что посмеяться над женщинами вам не придется. Я расскажу вам, как легко всегда бывает их обмануть, когда они начинают ни с того ни с сего ревновать своих мужей, но при этом воздам должное их здравому смыслу, который порой толкает их самих на обман.

Новелла восьмая

Некий Борне, задумав изменить жене, которая была ему всегда верна, и решив поразвлечься со служанкой, рассказал об этом намерении своему другу, который пожелал принять участие в этой забаве. И вышло так, что Борне был убежден, что спит со служанкой, тогда как в действительности это была его собственная жена, и он, ничего не подозревая, поделился со своим приятелем удовольствием, на которое только он один имел право, и сам наставил себе рога, уберегиши, однако, свою жену от позора

В графстве Алэ жил некий молодой человек по имени Борне, который женился на женщине весьма добродетельной и всегда высоко ценил ее ничем не запятнанную честь, как, я полагаю, ценят ее в своих женах и все присутствующие здесь мужья. Но хоть он и желал, чтобы жена оставалась ему верна, он нимало не считал себя обязанным отвечать ей тем же и прельстился собственной служанкой, причем удовольствия от этого он, по всей вероятности, мог испытать не больше, чем людям приносит подчас небольшое разнообразие в пище. У него был сосед, человек одинакового с ним положения, по имени Сандра́, портной и любитель играть на барабане, и между ними была такая дружба, что они делили все, кроме жен. Само собой разумеется, Борне посвятил приятеля в свои намерения относительно служанки, и тот их не только одобрил, но и постарался помочь осуществить его план, надеясь впоследствии получить и свою долю. Служанка же решительно отказалась уступить просьбам своего господина и, видя, что тот никак не дает ей прохода, рассказала обо всем его жене и попросила ту отпустить ее к родителям, ибо она не в силах больше терпеть подобную муку.

Госпожа ее, которая очень любила своего супруга и не раз уже подозревала его в измене, очень обрадовалась, что ей удастся наконец поймать его с поличным. И вот что она сказала служанке:

– Будь с ним добрее, моя милая, поговори с моим муженьком поласковее, а потом назначь-ка ему ночью свидание у меня в гардеробной. А как только он придет, дай мне знать, да смотри, чтобы никто ничего не проведал.

Служанка исполнила в точности все, что велела ее госпожа. Супруг ее был так счастлив, что ему захотелось на радостях отблагодарить приятеля, а тот упросил его поделиться с ним удовольствием, которое его ожидало. Обещание было дано, и назначенный час настал. Хозяин отправился в гардеробную, чтобы свидеться там, как он полагал, со служанкой. Но жена его, отказавшись от прав хозяйки ради удовольствия послужить, расположилась в гардеробной на том самом месте, где должна была находиться служанка, и встретила вошедшего с притворным удивлением и страхом, свойственным девушкам, так что супруг ее ни о чем не мог догадаться.

И уж не знаю, кто из них двоих чувствовал себя счастливее – он ли, считая, что обманывает свою жену, или она при мысли, что проучила мужа за его неверность. Пробыв с нею не столько, сколько ему хотелось, но столько, сколько он мог выдержать, ибо был он уже не очень молод, Борне вышел из дома и, увидев приятеля, стал хвастаться перед ним тем, что нашел товар лучше, чем ожидал.

Тогда приятель его сказал:

– А обещание ты свое помнишь?

– Беги туда поскорее, – сказал Борне, – а то она поднимется и уйдет, или, чего доброго, жена моя ее позовет.

Приятель его сразу же разыскал мнимую служанку, которая все еще лежала на прежнем месте и, думая, что это возвращается ее муж, не отказала ему в том, о чем он ее просил (я имею в виду, что он просил молча, ибо заговорить с ней он не решился). И задержался он там дольше, чем ее муж; женщина осталась очень довольна и приятно удивлена, так как не слишком-то ее баловали такими ночами. У нее, однако, хватило выдержки промолчать, ибо она задумала на следующий день напомнить мужу обо всем и как следует над ним посмеяться. На рассвете приятель Борне поднялся с кровати и напоследок поиграл с ней еще немного, а уходя, снял у нее с пальца обручальное кольцо. А в этих краях женщины очень суеверны и почитают тех, кто свято хранит обручальное кольцо до самой смерти. Если же одна из них случайно его потеряет, то это считается большим позором, как будто она действительно изменила мужу. Поэтому женщина эта очень обрадовалась, что в эту ночь муж снял у нее с пальца кольцо, решив, что у нее есть теперь против него улика.

– Ну что? – спросил Борне, когда приятель его возвратился.

Тот ответил, что он тоже очень доволен и что, если бы не страх, что с наступлением утра его там обнаружат, он остался бы у нее и подольше. Оба мужчины легли отдыхать и проспали долго. А на следующий день, одеваясь, Борне заметил вдруг на пальце приятеля кольцо, как две капли воды похожее на то, которое он подарил жене в день свадьбы, и спросил, откуда оно у него взялось. Когда же он услышал, что тот снял его с пальца служанки, изумлению его не было границ. В отчаянии он стал биться головой об стенку, восклицая:

– Черт побери! Неужели это я сам себе умудрился наставить рога, жена ведь ничего даже и не знает?

Тогда приятель, стараясь его успокоить, сказал:

– Но может быть, твоя жена просто почему-нибудь отдала кольцо в этот вечер служанке?

Муж ничего на это не ответил и сейчас же отправился домой. Там он нашел жену похорошевшей, помолодевшей и такой веселой, какой он никогда ее не видел. Она была довольна тем, что спасла честь служанки и убедилась в неверности супруга и все это ей удалось сделать за одну ночь. Видя на лице ее такую радость, муж подумал: «Если бы она знала, как мне сегодня повезло, ей, пожалуй, было бы не до веселья». И, поговорив с ней о том о сем, он взял ее за руку и обнаружил, что на ней нет кольца, которое она раньше никогда не снимала. Он обомлел и дрожащим голосом спросил ее:

– Куда ты дела кольцо?

Она же, очень довольная тем, что сразу навела его на разговор, который ей не терпелось с ним завести, сказала:

– Ах ты, негодяй этакий! Скажи-ка мне лучше, у кого ты снял его с пальца? Ты думал, что у моей служанки, ты ведь расточал ей столько любви, сколько я в жизни от тебя не видала. В первый раз, когда ты пришел и лег со мной в постель, ты возгорелся к ней такой страстью, что, казалось, сильнее любить уже невозможно. А после того как ты выходил и вернулся снова, ты стал уже настоящим дьяволом и не знал ни удержу, ни меры. О несчастный! Подумай только, как ты был ослеплен, что пришел в такой восторг от моего тела, которое уже столько лет принадлежит тебе и которому ты до этого времени никогда не отдавал должного. Выходит, что ты наслаждался вовсе не красотой служанки и не телом ее, а тем вожделением, которое ты в себе разжег и которое ослепило и оглушило тебя так, что ты бы, наверное, и козу в чепчике принял за красивейшую девушку на свете. Пора бы тебе, муженек, взяться за ум и получать удовольствие от ласки жены, женщины как-никак порядочной, и не меньше, чем ты его получил, будучи уверен, что перед тобой какая-то поганая девка. Все это подстроила я, для того чтобы отвадить тебя от твоих проказ и чтобы в старости мы могли жить с тобою в дружбе и в душевном покое. А если ты и впредь намерен вести себя так, как вел до сих пор, мне легче

будет навек расстаться с тобой, чем видеть, как день ото дня гибнет твоя душа, твое тело и твои лучшие силы. Если же ты признаешь, что ошибался, и станешь с этих пор жить, как велит нам Господь, выполняя все заветы Его, я прощу тебе все твои прежние грехи, ибо хочу, чтобы Господь простил и меня, неблагодарную, за то, что я люблю Его не так горячо, как должна бы.

Несчастный супруг был в отчаянии оттого, что он предпочел ей, женщине такой красивой, умной и целомудренной, другую, которая несколько его не любила, и – что еще того хуже – заставил жену согрешить так, что она даже об этом не знала, приобщив другого к наслаждению, которое принадлежало только ему одному, и, наставив себе сам рога, сделался теперь навек посмешищем в глазах всех. Но, видя, что жена его и так уже достаточно огорчена и его изменой, и страстью, которую пробудила в нем служанка, он решил не говорить ей о своей вероломной проделке. Вместо этого он попросил у нее прощения и, обещав, что больше никогда не будет ей изменять, отдал ей кольцо, которое ему вернул приятель, а того попросил, чтобы он никому никогда не рассказывал о постыдном происшествии, которое с ним приключилось. Но так как все тайное рано или поздно становится явным, истина все равно очень скоро всплыла, и за Борне так и осталось прозвище роконосца, которое он стяжал, хоть репутация его жены несколько от этого не пострадала.

– Мне кажется, благородные дамы, что, если бы каждому, кто наносит жене такое оскорбление, грозило такое же наказание, Иркани и Сафредану пришлось бы призадуматься.

– Вот как! – воскликнул Сафредан. – Скажите на милость, Лонгарина, неужели в нашей компании нет больше женатых людей, кроме меня и Иркани?

– Разумеется, есть и другие, но на такие проделки способны только вы двое.

– Где же это вы видели, чтобы мы приставали с любовью к служанкам?

– Если бы те из них, кого это близко коснулось, захотели рассказать всю правду, нашлась бы, верно, не одна, которой именно из-за этого пришлось оставить службу раньше положенного срока.

– Нечего сказать, – вмешался Жебюрон, – вы очень любезны: обещав рассмешить нас всех, вы вместо этого только рассердили наших бедных друзей.

– Мне это все равно, – сказала Лонгарина, – пусть только они не хватаются за шпаги. Чем сильнее будет их гнев, тем больше мы потом посмеемся над ними.

– Но подумать только, – воскликнул Иркани, – если бы наши жены на минуту поверили этой даме, она способна была бы перессорить самых нежных супругов, какие только есть среди нас.

– Я отлично знаю, кому я все это говорю, – сказала Лонгарина, – жены ваши настолько умны и так вас любят, что, надели вы их даже оленьими рогами, они все равно будут убеждать и весь мир, и самих себя, что это венок из роз.

Слова эти до того рассмешили всю компанию и даже тех, к кому они относились, что к этому никто уже больше ничего не мог добавить.

Но Дагусен, который за все это время не вставил ни слова, не стерпел и сказал:

– Как, однако, неразумен человек, когда от добра, которое он имеет, он ищет другого. Мне не раз приходилось видеть, как, не довольствуясь тем, что у него есть, и гонясь за бóльшим, человек терял и то, что имел, и люди эти ни в ком не вызывали жалости, ибо непостоянство всегда достойно осуждения.

– Ну а что же тогда делать человеку, который так и не нашел себе жены по вкусу? – вмешался в разговор Симонто. – Неужели, если он будет искать ее, где только может, вы назовете это непостоянством?

– Поелику никому не дано знать, где находится та счастливая половина, которая способна слиться с другой так, что их нельзя будет отличать друг от друга, – сказал Дагусен, – надо, чтобы каждый умел упрочить тот выбор, который сделала за него любовь. И так, чтобы потом

никакая случайность не могла поколебать ни сердца его, ни воли. Ведь если окажется, что та, кого вы полюбили, как две капли воды похожа на вас и хочет всего того, что хотите вы, в действительности вы будете любить не ее, а только себя.

– Вы не правы, Дагусен, – возразил Иркиан, – это заблуждение – думать, что мы должны любить женщин независимо от того, любят они нас или нет.

– Иркиан, – ответил Дагусен, – я хочу только сказать, что, если, любя, мы обольщаемся красотой, добронравием и благосклонностью женщины и гонимся за наслаждением, почетом или корыстью, такая любовь долго длиться не может. Ведь если исчезнет то, на чем зиждется наша любовь, и от самой этой любви тотчас же не останется и следа. Но я твердо убежден, что если у того, кто любит, одна только цель – любить, то чувство это будет жить всегда в его сердце и ему легче будет умереть, чем перестать любить.

– Клянусь честью, – воскликнул Симонто, – вы, должно быть, никогда не были влюблены, ведь если бы вы сами ощутили в сердце огонь любви, как другие, вы не стали бы нам живописать сейчас «Республику»⁶⁰ Платона, которая существует только в книге, а в жизни себе не находит места.

– Нет, я любил, – вскричал Дагусен, – люблю и сейчас и буду любить всю жизнь. Но я очень боюсь, что если я буду выказывать перед вами мою любовь, это может сделать ее менее совершенной, и я не хочу, чтобы та, чьей взаимности я ищу, узнала о моем чувстве. Я не смею даже об этом думать – из страха, что глаза мои выдадут мою тайну. И чем тщательнее я скрываю это пламя в сокровенных глубинах сердца, тем больше наслаждаюсь сознанием того, что любовь моя совершенна.

– Готов поклясться, – сказал Жебюрон, – что вам действительно очень хочется, чтобы вас полюбили.

– Не стану этого отрицать, – ответил Дагусен, – но ведь, когда меня полюбят так, как сам я люблю сейчас, любовь моя не сможет от этого возрасти; так может ли она уменьшиться из-за того, что сейчас я не люблю так сильно, как сам люблю?

В это время Парламента, которая догадалась, о ком идет речь, сказала:

– Берегитесь, Дагусен! Я знала таких, как вы, которые готовы были скорее умереть, чем выдать то, что у них на сердце.

– По-моему, это самые счастливые люди на свете, – сказал Дагусен.

– Разумеется, – согласился Сафредан, – и достойные того, чтобы их причислили к лику праведников, о которых поется в церкви: «Non loquendo, sed moriendo confessi sunt»⁶¹. Мне столько раз приходилось слышать о людях, которые умирают от любви, но за всю жизнь я не видел, чтобы кто-нибудь из них действительно умер. И притом, коль скоро сам я благополучно избежал смерти, несмотря на все мучения, которые причинила мне моя любовь, я никогда не поверю, что и кто-либо другой может от нее умереть.

– Эх, Сафредан! – воскликнул Дагусен. – Подумайте только, в ком ищите вы эту любовь? Да, это верно: тот, кто думает так, как вы, не умирает от любви. Но я знаю немало людей, которые умерли не от какого-либо другого недуга, а только оттого, что любили кого-то великой любовью.

– Ну, раз вам известны такие истории, – сказала Лонгарина, – я передаю вам слово, чтобы вы рассказали нам какую-нибудь из них поинтереснее, и пусть она будет девятой новеллой этого дня.

---

⁶⁰ «Республика» — один из важнейших диалогов Платона, в котором излагается теория идеального государства (другое название – «Государство»).

⁶¹ Не словами, но смертью своей исповедуют [Бога] (лат.).

– А для того чтобы вы уверовали, что те чудеса, о которых я собираюсь вам рассказать, не вымысел, а сущая правда, – сказал Дагусен, – я буду говорить о том, что случилось всего три года тому назад.

Новелла девятая

Некий дворянин, без памяти влюбленный в молодую девушку, скрывает от нее свое чувство и в конце концов погибает, к большому огорчению предмета своей любви

Между Дофинэ и Провансом жил некий дворянин, у которого не было иного богатства, кроме красоты, благородства и чести. Он любил одну девушку, имя которой я не хочу называть, чтобы не причинить огорчения ее родителям, людям весьма почтенным и знатным, но поверьте, что все, о чем будет здесь говориться, действительно было. Будучи ниже ее по происхождению, молодой человек не решался открыть ей свою любовь. А любовь эта была так возвышенна и самозабвенна, что он скорее согласился бы умереть, нежели чем-либо задеть ее честь. Понимая, что он ее недостоин, он запретил себе думать, что когда-либо сможет на ней жениться. И, ничего от нее не добиваясь, он продолжал втайне любить ее самой высокой любовью, на какую только был способен. И длилось это так долго, что в конце концов девушка не могла об этом не догадаться. Видя, как он беззаветно предан ей и сколько в его чувстве бескорыстия и прямоты, она была польщена любовью столь достойного человека и относилась к нему с таким расположением, что он чувствовал себя счастливым и на большее не рассчитывал.

Но злобе человеческой, которой ненавистен всякий покой, захотелось разрушить эту благочестивую и счастливую жизнь. Нашлись злонамеренные люди, которые сказали матери этой девушки, что они боятся, как бы молодой человек не навлек на их дом беду, ибо дочь ее, вероятно, очень к нему привязана, если позволяет себе так часто с ним встречаться. Мать, нисколько, впрочем, не сомневавшаяся в порядочности этого дворянина, в котором она была уверена так же, как и в своих собственных детях, крайне огорчилась, услышав, что о нем так дурно говорят, и в конце концов, опасаясь, что все эти сплетни не доведут до добра, попросила его на какое-то время перестать бывать у них в доме. Молодому человеку было нелегко на это согласиться, ибо он отлично видел, что ему не в чем себя упрекнуть и он никак не заслуживает подобной кары. Однако, чтобы заставить злые языки замолчать, он уехал и не появлялся у них в доме до тех пор, пока поднявшийся вокруг него шум окончательно не улегся. Тогда он вернулся и стал снова бывать в доме своей любимой, где его принимали столь же приветливо, как и раньше. Но однажды, будучи там, он услышал, что молодую девушку собираются выдать замуж за человека, который, как он полагал, ничуть его не богаче, и подумал, что это несправедливо, ибо сам он знает ее гораздо дольше, чем ее жених. Он опечалился и стал просить своих друзей поговорить с девушкой, считая, что если выбор зависит от нее самой, то во всяком случае она отдаст предпочтение ему. Однако и мать этой девушки, и все родные решительно выбрали другого, ибо тот все же оказался намного его богаче. Известие это очень огорчило несчастного молодого человека, который был уверен, что вместе с ним страдает и его возлюбленная. Он занемог от тоски, стал с каждым часом хиреть и вскоре переменялся так, что его невозможно было узнать. Его красивое лицо стало бледным, как у покойника, и видно было, что дни его сочтены и он ждет только смерти.

Но, несмотря ни на что, он старался возможно чаще видеться с любимой девушкой, а когда силы совсем его оставили и он уже больше не мог подняться с постели, он не захотел, чтобы возлюбленная его об этом знала, дабы не причинять ей лишних страданий. И, предаваясь так в одиночестве отчаянию и скорби, он перестал пить и есть, лишился сна и покоя и так похудел, что стал на себя не похож. Мать девушки от кого-то проведала о его болезни. Сама она была женщиной очень доброй и к тому же искренне его любила, и если бы все родные девушки держались того же мнения, что и она, то они несомненно предпочли бы честность и благородство этого молодого человека всем богатствам другого. Но родственники со стороны

отца не хотели об этом и слышать. И все же она вместе с дочерью навестила несчастного. Тот уже еле дышал и в то самое утро исповедовался и причастился, считая, что умирает и больше никого не увидит. И вот, когда он действительно был уже на волосок от смерти, к нему явилась та, которая была для него жизнью, и за миг словно воскресила его. Он почувствовал такой прилив сил, что соскочил с постели и воскликнул:

– Что заставило вас прийти сюда, зачем вы явились к тому, кто одной ногой уже в могиле и в чьей смерти виновны вы?

– Подумайте, что вы говорите! – изумилась мать девушки. – Возможно ли, чтобы мы были причиной смерти того, кого мы так любили! Прошу вас, объясните нам, как вы решились произнести такие страшные слова.

– Сударыня, – сказал он, – полюбив вашу дочь, я скрывал свое чувство сколько мог. Сказав, что я хочу жениться на ней, родители мои сказали больше, чем я хотел, а теперь вот беда, которая со мною стряслась, лишила меня последней надежды. А ведь, мечтая об этой женитьбе, я больше всего мечтал отнюдь не о радости, которую она бы доставила мне. Просто я был уверен, что никто на свете не будет так холить и любить вашу дочь, как я. Видеть, как она теряет то благо, которое могла бы иметь от лучшего и преданнейшего друга, для меня мука еще более тяжкая, чем мысль о грозящей мне смерти. Ведь жить мне хотелось только ради нее. А раз жизнь моя не может быть употреблена ей на пользу, то потерять эту жизнь не столь уж большое несчастье.

Услыхав эти речи, мать и дочь принялись утешать его. Мать сказала ему:

– Мужайтесь, друг мой, я обещаю вам, что, если Господь возвратит вам здоровье, дочь моя станет вашей женой. Сама она тоже здесь, и я велю ей поклясться, что это будет так.

Дочь ее, заливаясь слезами, старалась заверить его, что исполнит данное матерью обещание. Однако несчастный хорошо понимал, что, если бы вдруг здоровье вернулось к нему, она все равно никогда бы не стала его женой и все, что говорится в эту минуту, говорится только для того, чтобы немного его подбодрить. И он сказал, что, если бы ему довелось услышать эти слова месяца три назад, он был бы самым здоровым и счастливым человеком во всей Франции. Но сейчас уже поздно: ему больше не во что верить и не на что надеяться. А когда он увидел, что они все же стараются вселить в него веру, он им сказал:

– Коль скоро вы обещали мне счастье, которого я теперь никогда не смогу вкусить, даже если бы я хотел от всей души, ибо сейчас я уже совсем ослабел, я попрошу вас о чем-то гораздо меньшем, о чем при иных обстоятельствах никогда бы не дерзнул просить.

Обе женщины поклялись, что исполнят все, что он захочет, и стали уговаривать ничего от них не таить.

– Умоляю вас, – сказал он, – позвольте мне заключить в свои объятия ту, кого вы мне обещаете в жены, и велите ей обнять меня и поцеловать.

Девушка, не привыкшая к подобного рода ласкам, смутилась и стала было отказываться. Но мать, видя, что и чувства, и силы стали уже оставлять его, приказала ей немедленно исполнить все, о чем он просил.

Дочь ее подошла к постели умирающего и сказала:

– Будьте счастливы, друг мой!

Несчастный простер к ней свои исхудавшие руки и, собрав последние остатки сил, обнял ту, которая была причиной его смерти. А потом, запечатлев своими бескровными холодными губами на ее губах долгий поцелуй, прошептал:

– Любовь, которую я питал к вам, так велика и так чиста, что вне брака я не мечтал ни о каком ином блаженстве, чем то, которое ныне вкушаю. Именно потому, что я обрел его и расстаюсь с ним, я с радостью отдаю душу свою Творцу, который Сам есть совершенная любовь и совершенное милосердие, который знает, сколь высока эта моя любовь и сколь праведно мое

желание. И сейчас вот, держа в руках то, что мне дороже всего на свете, я молю Его, чтобы Он принял дух мой в Свои руки.

С этими словами он снова ее обнял, и с такою страстью, что его ослабевшее сердце уже не выдержало последнего напряжения, и силы его окончательно оставили. Радость любви была столь безгранична, что душа его вместе с нею покинула свою оболочку и улетела к Творцу. И несмотря на то, что бездыханное тело становилось все холоднее и холоднее, любовь, которую девушка всегда скрывала ото всех, вспыхнула вдруг в ней с такою силою, что матери и слугам стоило большого труда вырвать девушку из объятий ее возлюбленного, которого они потом похоронили со всеми подобающими почестями. А на похоронах несчастная так плакала, так рыдала, так иступленно кричала, что казалось, она только теперь поняла, как его любила, и хотела вознаградить его после смерти за те муки, которые причинила ему при жизни. И потом, как мне довелось узнать, хотя ее и выдали замуж, чтобы она хоть сколько-нибудь утешилась в своем горе, сердце ее больше уже никогда не вкушало радости.

– Мне думается, господа, что этого примера более чем достаточно, чтобы вы поверили, что настоящая любовь, когда она остается скрытой и держится в тайне, может привести человека к гибели. Вы все отлично знаете родственников обоих этих влюбленных. Поэтому сомневаться в истинности того, что я рассказал, не приходится, и в то же время человеку, который сам не испытал ничего подобного, поверить этому трудно.

При этих последних словах дамы прослезились.

– Свет еще не создавал такого дурака! – воскликнул Иركان. – Что же, по-вашему, нам следует погибать из-за женщин, в то время как они созданы исключительно для нашего блага? Мы еще, оказывается, должны бояться потребовать от них то, чем сам Господь Бог велит им улаживать нас. Я не говорю уже о себе самом и о людях женатых. С меня, например, женщин хватает, у меня их даже больше, чем надо. Я говорю о тех, кто в этом нуждается, кто, на мой взгляд, настолько глуп, что боится женщин, вместо того чтобы внушить им страх. Посмотрите, как эта несчастная девушка жалела о совершенной ею глупости! Ведь уж раз она способна была обнимать мертвое тело (что, вообще-то говоря, отвратительно) и раз ее так растрогал умирающий, она бы ни за что не оттолкнула его здорового и цветущего, если бы в свое время у него нашлось достаточно смелости, чтобы овладеть ею.

– И все-таки, – заметила Уазиль, – любовь этого юноши была так высока, что заслуживает всяческой похвалы. Быть влюбленным и сохранить целомудрие – это же просто чудо.

– Госпожа моя, – сказал Сафредан, – для того чтобы подтвердить слова Иркана, с которыми я вполне согласен, прошу вас, помните, что Фортуна всегда помогает смельчакам и что нет ни одного мужчины, любимого женщиной – пусть только он домогается этой любви настойчиво и умело, – который в конце концов не получил бы не только то, на что он рассчитывал, но и гораздо больше. И лишь неведение и безрассудный страх заставляют мужчин упускать множество удобных случаев, оправдывая малодушие, которым вызваны все эти неудачи, добродетелью своих возлюбленных. А ведь стоит только по-настоящему напасть, и самая неприступная крепость сдастся.

– Послушайте, – сказала Парламента, – меня, право, удивляет, как вы смеее говорить такие вещи. Или ваши возлюбленные не бывали к вам привязаны, или вы обращались к недостойным предметам любви. Иначе вы никогда бы не стали думать, что все женщины одинаковы.

– Сударыня, – ответил Сафредан, – что касается меня, то в любви мне всю жизнь так не везет, что и похвалиться-то мне совершенно нечем. Но, однако, я был бы не прав, если бы во всех неудачах моих винил одну только женскую добродетель и забыл о том, что сам я подчас

бывал недостаточно ловок и осторожен. Людям же ученым я объясню мою мысль словами «Романа о Розе»⁶²:

Нам дозволено судьбою
Счастье с женщиной любовью.

Вот почему я совершенно уверен, что мужчина, которого полюбила какая-нибудь женщина, если он достаточно сообразителен, всегда сумеет добиться того, чего хочет.

– А что, если я вам расскажу, – возразила Парламанта, – о женщине, которой хотел овладеть один мужчина? Она по-настоящему его любила, но, несмотря на то что он очень настойчиво добивался победы над нею, она сохранила честь, победив сердце свое, и плоть, и самую любовь, и волю своего возлюбленного. Смотрите, не придется ли вам тогда признать, что такие вещи на самом деле случаются в жизни.

– Ну разумеется, придется, – ответил Сафредан.

– Право же, все вы были бы совсем маловерными, если бы подвергли сомнению то, о чем я сейчас расскажу.

– Сударыня, – попросил тогда Дагусен, – я показал вам всем на примере, какую бывает любовь добродетельного мужчины, а теперь, умоляю вас, если вы знаете также и женщину, которая может соперничать с ним в добродетели, расскажите нам о ней, чтобы мы закончили этим наш день, и не смущайтесь, если рассказ ваш окажется слишком длинным, – мы ведь еще располагаем достаточным временем, чтобы рассказать немало интересных историй.

– Раз вы мне даете возможность говорить сегодня последней, – сказала Парламанта, – я не стану тратить времени на лишние разговоры. Повесть, которую я хочу рассказать, настолько достоверна и настолько хороша, что мне не терпится, чтобы вы ее узнали. И несмотря на то, что сама я не была очевидицей событий этой повести, я узнала о них из уст моего самого большого и близкого друга; он рассказал ее, чтобы прославить ею человека, которого он очень любил. Но он просил меня, ежели мне доведется кому-нибудь рассказывать эту историю, изменить в ней все имена. Итак, все, о чем будет идти сейчас речь, – сущая правда, кроме имен участников и названий мест и страны, где все это произошло.

---

⁶² «Роман о Розе» — обширная аллегорическая поэма, написанная в первой половине XIII в. Гильомом де Лоррисом и продолженная во второй половине столетия Жаном де Менем (ум. ок. 1305 г.). «Роман о Розе» был очень популярен в XIII–XV вв. (сохранилось более пятидесяти его списков). Он не утратил популярности и в эпоху Возрождения; в 1527 г. Клеман Маро выпустил его новое издание.

Новелла десятая
Флорида воспротивилась бесстыдным домогательствам
Амадура, который очень настойчиво ее
преследовал, и, после того как добродетель ее
восторжествовала, овдовев, постриглась в монахини

В графстве Аранда⁶³, в Арагоне, жила некая дама. Она была женою графа Арандского и овдовела, еще будучи совсем молодой, оставшись с сыном и дочерью, которую звали Флоридой. Дама эта приложила все старания, чтобы из своих детей сделать людей достойных и благородных, какими и полагается быть знатным сеньорам. К тому же род ее по праву считался одним из знатнейших во всей Испании. Ей нередко приходилось ездить в Толедо, где в то время находился испанский король⁶⁴, а приезжая в Сарагосу, город, близ которого она жила, она подолгу оставалась при дворе королевы, где ее окружали всегда уважением и почетом. Однажды, когда дама эта по обыкновению направилась к королю, который пребывал в Сарагосе, в своем замке Альхаферия⁶⁵, ей пришлось проезжать деревней, принадлежавшей вице-королю Каталонии⁶⁶. Затянувшаяся война, которую Испания вела тогда с Францией, не позволяла ему покинуть Перпиньян⁶⁷ – город, расположенный на самой границе.

Но как раз в это время был заключен мир⁶⁸, и вице-король вместе со своими полководцами счел возможным поехать к королю, дабы засвидетельствовать ему свое почтение. Зная, что графиня Арандская будет проезжать через его земли, вице-король выехал ей навстречу – не только потому, что она была родственницей короля, но и потому, что его связывала с ней многолетняя дружба. В свите же вице-короля Каталонии было немало доблестных дворян, которые участием в продолжительных войнах приобрели такую известность, что каждый почитал за счастье познакомиться с ними. Вместе с другими там оказался некий Амадур, и, хотя ему было не больше восемнадцати или девятнадцати лет, это был человек такого обаяния и такого ума, каких из тысячи рождается только один. Способности его были так велики, что ему уже можно было доверить государственные дела. Надо сказать, что ум его сочетался с такою необычайной и подкупающей красотой, что люди просто не сводили с него глаз. Сверх этого он обладал таким даром речи, что никто не знал, чему отдать предпочтение: манерам его, красоте или красноречию. Но еще большее уважение он заслужил своей отвагой, молва о которой распространилась повсюду, хоть он был совсем еще молод. Он столько раз уже имел случай показать свою доблесть, что не только в Испании, но и во Франции и в Италии чттили его заслуги – он ведь уже был участником самых кровопролитных битв, а когда на родине его воцарялся мир, он не успокаивался и тут же отправлялся в чужие страны, где он пользовался уважением и любовью друзей и врагов.

Юноша этот был очень привязан к своему военачальнику и остался с ним в том месте, куда теперь приехала графиня Арандская. И вот, увидев, до чего хороша собою ее дочь Фло-

⁶³ Аранда — город недалеко от Сарагосы.

⁶⁴ Испанский король — Фердинанд II Католик, король Арагона; в 1469 г. женился на Изабелле Кастильской, благодаря чему возникло Испанское королевство, объединившее Арагон и Кастилию.

⁶⁵ Замок Альхаферия — крепость близ Сарагосы, построенная арабами; здесь короли Арагона устроили свою резиденцию.

⁶⁶ Вице-король Каталонии — Генрих (Энрике) Арагонский, граф Рибаторский.

⁶⁷ Перпиньян — столица Руссильона, графства, принадлежавшего в то время Испании.

⁶⁸ ...в это время был заключен мир... — Речь идет, видимо, о перемирии, заключенном французским королем Карлом VIII и королем Испании Фердинандом II в 1497 г. Возможно также, что речь идет о соглашении в Блуа (1505), согласно которому овдовевший к тому времени Фердинанд II должен был жениться на племяннице французского короля Людовика XII Жермене де Фуа (ок. 1488–1538).

рида, которой тогда было всего лишь двенадцать лет, он подумал, что это самая замечательная девушка, какую он когда-либо видел, и что за ее благосклонность он охотно отдал бы все блага и все радости, которыми его наделяли другие женщины. Он долго не мог оторвать от нее глаз и влюбился в нее, несмотря на все доводы разума, говорившего ему, что она для него слишком знатна и так еще молода, что с ней рано говорить о любви. Однако надежда все же одержала верх над его нерешительностью, и он пришел к убеждению, что время и терпение помогут ему добиться успеха. Чувство, которое столь неожиданно и властно воцарилось в сердце Амадура, обещало помочь ему отыскать все средства для осуществления этой цели. А чтобы преодолеть самое значительное затруднение – большое расстояние, отделявшее Флориду от местности, где он жил, и невозможность часто видеться с нею, – юноша решил жениться и этим раз и навсегда порвать все связи с барселонскими и перпиньянскими дамами, которые ему всегда воздавали должное, стараясь ни в чем ему не отказывать. Беспрестанные войны заставили его так часто бывать на этой границе, что он стал больше походить на каталонца, чем на испанца, хотя родом он был из Толедо. Происходил он из богатого и довольно знатного дома и сам не имел большого состояния только потому, что был младшим сыном в семье. Может быть, именно по этой причине Амур и Фортуна, видя, что родные его о нем позабыли, решили вознаградить его, чтобы с помощью своих дарований он обрел наконец то, в чем отказывали ему законы страны. Он был настолько искусен в военном деле, пользовался такой любовью всех сеньоров и принцев, что чаще, чем просить о какой бы то ни было милости, ему приходилось отказываться от тех, которыми его осыпали.

Графиня, о которой я говорил, тоже приехала в Сарагосу и была там приветливо встречена королем и всеми придворными. Вице-король Каталонии не раз приезжал выразить ей свое почтение, и Амадур никогда не упускал случая сопутствовать ему только ради того, чтобы увидеться с Флоридой, ибо без этого у него не было ни малейшей возможности поговорить с нею. И чтобы в этом обществе о нем узнали, он обратился к дочери одного старого дворянина, жившего по соседству с домом графини. Девушку эту звали Авантурада, и она была в такой близкой дружбе с Флоридой, что отлично знала все, что творится у нее в сердце. Амадур видел, что имеет дело с девушкой очень порядочной, у которой к тому же было три тысячи дукатов годового дохода, и стал вести себя так, как будто хочет на ней жениться. Авантурада готова была согласиться, но, зная, как беден молодой человек и как богат ее отец, решила, что последний никогда не согласится на этот брак, если только графиня Арандская им в этом не поможет. Она пришла к Флориде и сказала:

– Взгляните на этого испанского дворянина: он часто заговаривает со мной. Я убеждена, что он хочет на мне жениться. А вы ведь знаете моего отца, он ни за что на это не согласится, если только графиня, ваша мать, и вы сами не употребите все силы, чтобы его уговорить.

Флорида, горячо любившая свою подругу, обещала ей, что возьмет все хлопоты на себя и поступит так, как будто дело касается ее самой. Тогда Авантурада представила ей Амадура, и, когда тому довелось поцеловать ей руку, он едва не упал в обморок от счастья. И оказалось, что у того, кто славится своим красноречием на всю Испанию, в присутствии Флориды язык словно присох к небу, что несказанно поразило молодую красавицу, ибо, несмотря на свои двенадцать лет, она уже слыхала, что во всей стране нет человека, который был бы красноречивей Амадура. И, видя, что он не в силах вымолвить ни слова, она заговорила с ним первая, сказав:

– Ваша слава, сеньор Амадур, так велика, что вы хорошо известны и в этом обществе. А каждому, кто вас знает, хочется доставить вам какое-либо удовольствие. Поэтому, если только я в силах что-либо для вас сделать приятное, я готова исполнить любую вашу просьбу.

Амадур был до такой степени восхищен красотой девушки, что не мог даже как следует поблагодарить ее за эти слова. Но как Флорида ни была изумлена, не получив никакого ответа, она приписала это молчание отнюдь не силе его любви, а скорее, пожалуй, какой-то глупой причуде и рассталась с ним, не сказав ему больше ни слова.

Зная, что даже в столь юные годы Флорида являет уже собою образец добродетели, Амадур сказал влюбленной в него девушке:

– Не удивляйтесь, если присутствие Флориды лишило меня дара речи. Добродетели этой девочки и ее разумные речи до такой степени поразили меня, что я не знал, что сказать. Вы ведь, наверное, знаете, Авантурада, все ее тайны, так скажите мне, есть ли среди придворных хоть один, кто не пленен ею, ибо знать ее и оставаться к ней равнодушным могут только тупые животные или люди с каменным сердцем.

Авантурада, которая уже любила Амадура больше всего на свете, не стала ничего от него скрывать и сказала ему, что действительно Флорида всеми любима, но обычаи этой страны таковы, что мало кто решится заговорить с ней. Однако до тех пор никто еще не пытался свататься к ней, если не считать двух испанских принцев, которые оба имели намерение на ней жениться. Это были сын Энрике Арагонского⁶⁹ Альфонс и юный герцог Кардонский⁷⁰.

– Скажите мне, пожалуйста, кому же из них двоих она отдает предпочтение? – спросил Амадур.

– Она настолько скромна, – ответила Авантурада, – что никогда не захочет в чем-либо послушаться своей матери; однако, по всей видимости, сын Энрике Арагонского нравится ей гораздо больше. Но матери ее не хочется, чтобы дочь так далеко от нее уезжала, и ей хотелось бы, чтобы она вышла замуж за герцога Кардонского. Я знаю, что вы человек рассудительный, и поэтому, если бы вы захотели, вы могли бы сегодня же сами проверить истинность моих слов. Сын Энрике Арагонского получил воспитание при этом дворе, он очень хорош собой, и среди всех принцев мира не сыскать более достойного юноши. И нам, молодым девушкам, кажется, что, если бы он попросил руки Флориды, свадьба эта состоялась бы и они стали бы самой блестящей парой во всей Испании. Знайте, что, хотя оба они еще совсем юны – ей всего двенадцать лет, а ему пятнадцать, – любят они друг друга уже три года. Поэтому, если вы хотите завоевать ее расположение, советую вам сделаться его другом и служить ему верой и правдой.

Амадур очень обрадовался, узнав, что его даме сердца кто-то нравится, и в нем пробудилась надежда, что когда-нибудь он станет если не мужем ее, то во всяком случае кавалером, ибо добродетель ее сама по себе его не смущала и он боялся только, что она вообще никого не полюбит. После этого разговора Амадур стал искать случая увидаться с сыном Энрике Арагонского и, будучи ему представлен, очень скоро завоевал его расположение, ибо был очень искусен во всех забавах, которым предавался принц. Особенно же он был ловок в верховой езде, фехтовании и прочих играх, знать которые надлежит каждому юноше.

Война в Лангедоке⁷¹ возобновилась, и Амадур должен был со своим военачальником возвратиться туда. Он очень огорчился, ибо теперь у него уже не было надежды вернуться в эти места и вновь увидеть Флориду. И вот перед самым отъездом он решил поговорить со своим братом, который был мажордомом⁷² испанской королевы. Он рассказал ему, что в доме графини Арандской он встретил молодую девушку по имени Авантурада и полюбил ее, и, уезжая, попросил брата сделать все от него зависящее, чтобы свадьба эта совершилась, прибегнув для этого к помощи королевы и короля, которые были к нему расположены, а также всех своих друзей. Мажордом, горячо любивший брата и ценивший его большие заслуги, обещал ему, что сделает все, что может. Обещание свое он исполнил, и в конце концов старик-отец, как он ни был упрям и скуп, внял просьбам графини Арандской и в особенности прелестной Флориды, которые непрерывно расхваливали достоинства Амадура. К ним присоединился и подраставший брат Флориды, который уже научился воздавать должное людям доблестным. После того

⁶⁹ ...сын Энрике Арагонского... – Речь идет о доне Альфонсе Арагонском, графе Рибаторского, герцоге Сегорбском, последнем наследнике-мужчине кастильского трона. Родился в 1445 г. уже после смерти своего отца.

⁷⁰ ...юный герцог Кардонский. – Видимо, речь идет о сыне Рамона Фолька V, графа Кардоны.

⁷¹ Лангедок — старинная провинция южной Франции, примыкает с запада к Провансу.

⁷² Мажордом – королевский дворецкий.

как родители жениха и невесты согласились на брак, мажордом послал за своим братом, прося его воспользоваться наступившим перемирием и приехать ко двору короля.

Как раз в это время король Испании переехал в Мадрид, решив, что климат этого города более полезен для его здоровья, и там, вняв совету своих приближенных и просьбе графини Арандской, он дал свое согласие на брак наследницы герцогов де Мединасели и юного графа Арандского. Помимо того что союз этот был в интересах королевского дома, король хотел этим показать свое расположение к графине Арандской. Свадьба была назначена в Мадриде, в королевском дворце. На ней присутствовал и Амадур, настойчиво ухаживавший за Авантурадой и в конце концов женившийся на этой девушке, которая любила его до безумия, но к которой сам он не испытывал никаких чувств, кроме благодарности, ибо брак этот для него был удобным поводом видеться с настоящей избранницей его сердца, о которой он думал и день и ночь. После женитьбы он получил возможность запросто бывать в доме графини Арандской, и никто уже не обращал на это внимания, не считая его посторонним мужчиной. И хотя ему в то время было всего-навсего двадцать два года, он был так умен, что графиня Арандская посвящала его во все свои дела и требовала, чтобы сын и дочь принимали его и слушали во всем его совета. Добившись такого влияния в доме графини, молодой человек продолжал вести себя очень благоразумно и осмотрительно, ничем не выдавая своих чувств, так что даже та, кого он любил, ничего не подозревала. Но так как она была очень близка с его женой и любила ее больше всех остальных подруг, она стала вполне откровенной и с ним и не скрывала от него своих мыслей. И вот однажды она рассказала ему, как страстно она любит сына герцога Арагонского. Амадур же хотел только одного – быть с нею как можно больше – и для этого готов был все время выслушивать ее признания. Ему было все равно, о чем она ему станет рассказывать, лишь бы разговор их тянулся подольше. Но после свадьбы ему удалось побыть там всего лишь месяц, а потом он снова должен был возвращаться на войну и больше чем на два года расстаться с женой, которая за все это время ни разу не покинула родных мест.

Амадур часто ей писал, и больше всего в его письмах было обращений к Флориде, которая постоянно ему отвечала, вставляя своей рукою несколько слов в письма подруги, что каждый раз побуждало Амадура в свою очередь отвечать ей. Но при этом Флорида ничего не подозревала и любила его, как брата. Амадур несколько раз приезжал домой, но всегда ненадолго, и в течение пяти лет ему не удалось даже и двух месяцев видеться с Флоридой. Но, несмотря на дальность разделявшего их расстояния и на длительную разлуку, чувство его все росло. И вот однажды, когда он приехал повидаться с женою, он не застал графини в Мадриде. Оказалось, что король Испании отправился в Андалузию и увез с собою юного графа Арандского, который к этому времени вырос уже настолько, что мог носить шпагу. Графиня же Арандская жила тогда у себя в поместье на границе Арагона и Наварры. Она очень обрадовалась приезду Амадура, с которым не виделась больше трех лет. Все встретили его очень приветливо, и графиня распорядилась, чтобы за ним ухаживали, как за ее собственным сыном. В беседах с ним она рассказала ему обо всех домашних делах и во многом испрашивала его совета. Очень скоро он завоевал в ее доме такой авторитет, что всюду, куда бы он ни поехал, его встречали с распростертыми объятиями, а мудрость и сдержанность его были таковы, что люди могли доверить ему любую тайну, точно он был ангел или святой. Флорида, питавшая самые дружеские чувства к его жене и к нему самому, старалась увидеться с ним каждый раз, когда к этому представлялся случай, ничего не подозревая о его намерениях. Она нисколько не смущалась его присутствием, ведь в сердце у нее не было никакого чувства к нему и общество его ей было просто приятно. Амадур был в большом затруднении, он боялся, как бы кто-нибудь из людей искушенных не догадался о его любви, прочтя эту любовь в его взгляде. Ибо когда Флорида бывала наедине с ним и ей не приходило в голову никаких дурных мыслей, скрытое в его сердце пламя бушевало так, что лицо его заливалось густою краской, а из глаз сыпались искры. И вот в конце концов, для того чтобы никто ничего не мог заметить, он принялся уха-

живать за одной блистательной дамой по имени Полина, которая в то время почиталась такой красавицей, что не было, пожалуй, мужчины, который не поддался бы ее чарам. Красавица эта, до которой дошли вести о том, каким успехом пользовался Амадур у перпиньянских и барселонских дам и как он завоевал сердца самых красивых и самых знатных из них, особенно же о его победе над графиней Паламосской, которая считалась красивейшей из испанок, и над многими другими, сказала ему, что очень сожалеет о том, что после столь блестящих успехов он выбрал себе такую некрасивую жену. Убедившись, что она хочет помочь этой беде, Амадур стал очень ласково разговаривать с нею, дабы притворными речами скрыть свое настоящее чувство. Но женщина эта была хитра и очень опытна в делах любви, и признания Амадура ее не удовлетворили. Догадавшись, что сердце его в этом не участвует, она заподозрила, что он решил воспользоваться ею как удобной ширмой для сокрытия своих истинных чувств, и стала выслеживать его шаг за шагом, стараясь прочесть в его взгляде то, что таилось у него в сердце. Но глаза его так хорошо умели хранить тайну, что все ограничилось одним только скрытым подозрением. Амадуру, впрочем, нелегко было себя сдерживать, ибо Флорида, которая даже не подозревала обо всех этих хитростях и обманах, нередко совершенно запросто обращалась к нему в присутствии Полины, и влюбленному стоило каждый раз большого труда не выдать себя. И вот для того, чтобы это не могло случиться, он как-то раз, когда они стояли с Флоридой у окна, спросил ее:

– Дорогая моя, умоляю вас, посоветуйте мне, что лучше сделать: сказать или умереть.

Флорида, не задумываясь, ответила:

– Я всегда советую моим друзьям говорить, а не умирать, ибо сказанное словом можно еще бывает исправить, а потеряв жизнь, вернуть ее уже невозможно.

– Значит, вы мне обещаете, – сказал Амадур, – что не огорчитесь тем, что услышите от меня, и, как бы слова мои вас ни удивили, не станете перебивать меня, пока я не доскажу всего до конца?

– Говорите все, что хотите, – ответила Флорида, – ведь если слова ваши меня поразят, все равно никто, кроме вас, не сумеет меня успокоить.

Тогда он начал так:

– Сеньора, если я до сих пор еще не рассказал вам о моей безграничной любви к вам, то на это есть две причины: во-первых, мне хочется доказать вам эту любовь, служа вам долгие годы; во-вторых, боюсь, что вы сочтете неслыханной дерзостью, если я, простой дворянин, обращусь с этими словами к девушке столь высокого звания. К тому же, даже если бы я сделался принцем и сравнился бы с вами, ваше благородное сердце не позволило бы, чтобы с подобным заверением любви к вам обращался кто-нибудь другой, кроме юного сына Энрике Арагонского, которому уже принадлежит ваше сердце. Но знайте, сеньора, что точно так же, как во время войны необходимость вынуждает иногда сжигать дома, уничтожать свои же собственные посева, чтобы только не дать врагу ими завладеть, так же вот и я беру на себя смелость сорвать еще не совсем созревший плод, который я берег до поры, чтобы наши с вами враги не овладели им и не употребили его во зло вам. Знайте, сеньора, что тогда, когда вы были еще девочкой, я решил посвятить свою жизнь служению вам и что с тех пор прилагаю все усилия, чтобы заслужить вашу благосклонность. Только ради этого я и женился на девушке, которая, как я знал, была вашей самой близкой подругой. А зная вашу любовь к сыну Энрике Арагонского, я постарался служить ему, чем только мог, и не упускал случая быть ему полезным. Я хотел сделать все, что только будет в моих силах, чтобы угодить вам. Вы видите, что я сумел завоевать расположение вашей матери и молодого графа, вашего брата, и всех тех, кто вам дорог, вплоть до того, что у вас в доме меня принимают не как слугу, а как родного сына. И все мои усилия в течение целых пяти лет были направлены только на то, чтобы я мог всю жизнь прожить под одной кровлею с вами. Поймите, сеньора, я не из тех, кто хотел бы этим путем добыть от вас что-то иное, кроме высокой радости видеть вас. Я знаю, что сделать

вас своей женой я не могу, а если бы даже и мог, то не хотел бы, ибо знаю, что любите вы другого и только он один должен стать вашим законным супругом. И я настолько далек от мысли склонить вас на порочную связь, как делают те, кто хочет за свою долгую службу получить эту позорную для всякой женщины награду, что я предпочел бы видеть вас мертвой, нежели недостойной любви. И я ни за что не хотел бы, чтобы добродетель ваша хоть сколько-нибудь умалилась, какое бы наслаждение мне от этого ни довелось испытать. Единственная награда, о которой я собрался просить вас, – это быть по-прежнему ко мне благосклонной, не лишая меня ваших милостей и верить мне, как никому другому. Я прошу вас помнить, что, если ради спасения вашей чести или ради чего бы то ни было вам понадобится жизнь дворянина, я от чистого сердца готов отдать вам свою и вы можете быть всегда уверены во мне: все хорошее, что я совершу в моей жизни, будет совершено из любви к вам. А если ради женщин менее достойных, чем вы, я уже совершил немало деяний, за которые заслужил уважение людей, то будьте уверены, что, когда я буду делать что-либо ради вас, я найду в себе столько сил, что даже самое невозможное станет для меня легким. Если же вы оттолкнете меня от себя, мне останется только бросить мое оружие и отказаться от доблести, которая мне тогда ни на что не будет нужна. И вот сейчас я молю вас, сеньора, исполнить эту мою справедливую просьбу и поступить так, как подскажет вам ваша честь и совесть, которые не могут в ней отказать.

Это неожиданное признание как громом поразило молодую девушку. Она покраснела и опустила глаза. Но потом, поразмыслив, она сказала:

– Амадур, для чего это вам понадобилось произносить сейчас такую длинную речь? Не для того ли, чтобы просить то, что у вас уже есть? Я боюсь, что за всеми вашими высокими словами скрывается какой-то хитрый план и что, воспользовавшись моей неопытностью, вы хотите меня обмануть. Поэтому я просто не знаю, что вам на это ответить. Отказать вам в дружбе, которую вы мне предлагаете, значило бы совершенно изменить мое отношение к вам, ибо до сих пор я доверяла вам так, как никому на свете. Ни совесть моя, ни честь не противятся вашей просьбе, ни даже та любовь, которую я питаю к сыну Энрике Арагонского, – я ведь собираюсь выйти за него замуж, а вы далеки от мысли сделать меня своей женой. В самом деле, ведь нет ничего, что помешало бы мне удовлетворить ваше желание, кроме опасения, вкравшегося сейчас в мою душу. И опасение это вызвано тем, что я не знаю, что побудило вас обратиться ко мне с такими речами. Ведь у вас уже есть то, чего вы хотите, почему же вы говорите об этом так горячо?

Амадур не остался в долгу и ответил:

– Сеньора, речь ваша исполнена благоразумия, и своим доверием ко мне вы оказываете мне такую большую честь, что если бы я не удовольствовался этим благом, то я был бы недостойн всех остальных. Но поймите, сеньора, тот, кто хочет воздвигнуть прочное здание, должен прежде всего заложить надежный фундамент. Вот почему, стремясь служить вам до гробовой доски, я должен не только изыскивать средства, чтобы оставаться всегда подле вас, но и воспрепятствовать тому, чтобы кто-либо узнал о той безумной любви к вам, которая таится у меня в сердце. Хоть любовь эта так чиста, что о ней можно было бы рассказать всем на свете, всегда найдутся люди, способные превратно толковать самые высокие чувства. И тогда те же самые чувства становятся поводом для низких сплетен. Я рассказал вам сейчас обо всем этом и поторопился сделать это оттого, что Полина, которая почувствовала, что я не могу разделить ее любовь, стала относиться ко мне с большим подозрением и следить за каждым моим шагом. Когда же вам случается неожиданно говорить со мной в ее присутствии, я каждый раз боюсь, что выдам себя вдруг каким-нибудь движением и это даст ей потом повод заподозрить то, чего между нами на самом деле нет, и я прихожу в еще большее смущение, от которого хотел бы себя уберечь. Поэтому я решил просить вас, чтобы в ее присутствии, равно как и в присутствии других таких же злонамеренных женщин, вы не заговаривали со мною столь неожиданно; мне ведь легче умереть, чем узнать, что кто-то разгадал мою тайну. И я никогда

не стал бы говорить вам об этом, если бы сердцу моему не была дорога ваша честь, ведь я и так все это время счастлив тем, что вы меня любите и доверяете мне. И я прошу только, чтобы вы и впредь дарили мне это счастье.

Флорида осталась очень довольна его объяснением, и при этом в сердце ее прокралось какое-то новое, дотоле ей неведомое чувство. Выслушав его до конца и увидев все благородство его побуждений, она ответила, что честь ее и добродетель подсказывают ей правильный ответ и что она соглашается исполнить его просьбу. Каждый, кто когда-либо любил, поймет, как был обрадован Амадур. Но, следуя его совету, Флорида зашла слишком далеко, она начала опасаться не только Полины, но и других женщин и стала поэтому совсем избегать встреч с Амадуrom. Вместе с тем, пребывая в этой вынужденной разлуке с ним, она с огорчением замечала, сколь часто он видится с Полиной, которая была так хороша собой, что естественно было думать, что он ее любит. И чтобы чем-нибудь развеять свою печаль, она проводила долгие часы с Авантурадой, которая уже сильно ревновала мужа к Полине. Она жаловалась на него Флориде, и та старалась утешить ее, как могла, но вместе с тем сама страдала от того же недуга. Амадур очень скоро заметил странное поведение Флориды и решил, что она отдаляется от него не только по его просьбе, но и потому, что на него за что-то сердита. И вот однажды, вернувшись из монастыря, где он был за вечерней службой, он спросил ее:

– Сеньора, почему вы так переменялись ко мне?

– Очевидно, потому, что вы этого хотели, – ответила Флорида.

Догадавшись об истинной подоплеке этой обиды и решив проверить свою догадку, он сказал:

– Сеньора, я сделал все, что мог, для того чтобы Полина ни в чем вас не могла заподозрить.

– Вы нашли отличный способ служить и своим, и моим интересам, – ответила она, – сами вы получаете удовольствие, и одновременно это помогает вам оберегать мою честь.

Из этих слов Амадур понял, что она считает, что встречи с Полиной ему приятны. Он пришел в отчаяние и, не будучи в силах сдержать своего гнева, воскликнул:

– Ах, сеньора, не ожидал я, что вы так скоро начнете терзать меня и разрывать мне сердце! Ведь нельзя было придумать для меня худшее наказание, чем заставить меня проводить долгие часы в разговоре с той, которая мне совсем не мила! Но коль скоро вы недовольны тем, что я делал ради вас одной, я больше ни за что не стану говорить с ней, и будь что будет! А для того чтобы скрыть мой гнев – так, как я прежде скрывал мою радость, – я куда-нибудь уеду и не вернусь до тех пор, пока настроение ваше не изменится. Впрочем, я надеюсь, что получу какие-нибудь распоряжения от моего военачальника, и, вернувшись на войну, постараюсь сражаться до тех пор, пока вы не поймете, что, кроме вас одной, у меня здесь нет никого, кто был бы мне дорог.

Сказав эти слова, он не стал дожидаться ответа и тут же уехал. Флорида была всем этим несказанно опечалена и ни в чем не могла найти утешения. Любовь, которую она гнала от себя, вспыхнула в ней с новой силой, и, раскаиваясь в своих словах, она стала беспрестанно писать Амадуру письма, прося его поскорее вернуться. И через несколько дней, когда гнев его немного утих, он возвратился в поместье графини.

Я не сумею сейчас в точности передать вам все, что они с Флоридой говорили друг другу, чтобы рассеять возникшие подозрения, но, так или иначе, Амадур вышел победителем из этого спора – Флорида дала ему слово, что впредь не будет верить никаким рассказам о его любви к Полине, и призналась, что теперь хорошо поняла, какую нестерпимую мукой было для него часами говорить с этой женщиной или с любой другой – и все только для того, чтобы защитить честь единственной, которую он любил.

Когда любовь победила эту взаимную подозрительность и оба влюбленных стали еще больше радоваться каждой своей встрече, пришло известие, что король Испании двинул все

свои войска в Сальс⁷³. Разумеется, Амадур, привыкший всюду быть первым, не замедлил отправиться туда же. Но надо сказать, что на этот раз уезжал он с необычными для него сожалением и тоскою. Он был огорчен разлукой с любимой и боялся, что к его возвращению в доме могут произойти перемены: он видел, что немало принцев и родовитых вельмож домогалось любви Флориды, которой к тому времени исполнилось уже пятнадцать или шестнадцать лет. Он невольно думал о том, что за время его отсутствия она может выйти замуж и тогда он уже не будет иметь случая с ней видаться, если только графиня Арандская не предложит его жене Авантураде стать компаньонкой ее дочери. Он так умело повел дело, что Флорида обещала ему, что, за кого бы она ни вышла замуж и куда бы ни уехала, она всюду возьмет с собой Авантураду, и графиня дала на это свое согласие. А так как в это время шел разговор о том, чтобы выдать Флориду в Португалию, то было решено, что Авантурада поедет туда вместе с нею и никогда ее не покинет. С этим Амадур и уехал, оставив жену свою в обществе графини и до глубины души опечаленный разлукой с любимой. Флорида же после отъезда своего верного слуги старалась жить самой добродетельной и чистой жизнью, надеясь этим завоевать репутацию благороднейшей дамы и быть достойной такого доблестного кавалера, каким был Амадур.

Как только Амадур прибыл в Барселону, его, по обыкновению, окружили местные дамы, но все они нашли в нем большие перемены и дивились, что женитьба может так до неузнаваемости изменить человека. Все, что раньше привлекало его внимание, теперь вызывало в нем одно раздражение. Даже графиню Паламосскую, женщину, которая прежде очень ему нравилась, он на этот раз не удостоил своим посещением и пробыл в Барселоне совсем недолго – как будто он все время спешил куда-то, где ждут только его одного. Когда же он прибыл в Сальс, началась долгая и кровопролитная война между двумя королями. Но я не собираюсь сейчас рассказывать ни об этой войне, ни о славных подвигах Амадура, ибо иначе рассказ мой затянется и я не успею окончить его до самого вечера. Знайте только, что доблестью он превзошел всех своих соратников. Герцог Нахера⁷⁴, прибывший в Перпиньян с двумя тысячами людей, просил Амадура принять командование его войском, и тот так хорошо справился с порученной ему обязанностью, что во время сражений то и дело слышны были крики «Нахера!»

В это время король Туниса, долгое время воевавший с испанцами, услышав, сколь ожесточенно короли испанский и французский сражались на границах Перпиньяна и Нарбонны, решил, что сейчас настал самый удобный момент, чтобы ударить по врагу, и двинул к берегам Испании множество судов⁷⁵, чтобы успеть побольше всего разграбить и разрушить. Когда в Барселоне заметили, сколько мавританских кораблей вышло в море, об этом сразу же сообщили в Сальс вице-королю каталонскому, который тут же направил герцога Нахеру в Паламос. Когда мавры увидели, как сильно укреплен этот город, они сделали вид, что прошли мимо, а потом, около полуночи, возвратились и высадили на берег столько солдат, что им удалось окружить герцога Нахеру и захватить его в плен.

Амадур, который был все время настороже, услышав шум, сразу же собрал столько войска, сколько мог, и так стойко защищался, что врагам не скоро удалось сломить его. Но под конец, когда он узнал, что герцог Нахера взят в плен и что турки приняли решение поджечь Паламос и сжечь его, Амадура, живым вместе с его воинами в доме, где он укрепился, предпочел сдаться в плен, чтобы тем самым сохранить жизнь многих достойных людей, которые оказались с ним там. К тому же он надеялся, что впоследствии его выкупят из плена и когда-нибудь он еще сможет увидеть Флориду. Он сдался в плен некоему турку по имени Дорлин, военачальнику тунисского короля. Тот отвел его к самому королю, который хорошо его при-

⁷³ Сальс – крепость в Восточных Пиренеях, недалеко от Перпиньяна.

⁷⁴ Герцог Нахера – речь идет о доне Педро Манрике де Лара, графе Тревиньо; титул герцога Нахеры он получил от Фердинанда и Изабеллы.

⁷⁵ ...король Туниса... двинул к берегам Испании множество судов... – Речь идет о нападении мавританского флота на берег Каталонии в 1503 г.

нял, но вместе с тем приказал очень зорко стеречь, ибо он понимал, что в руках его настоящий испанский Ахилл.

Амадур провел на службе у короля тунисского около двух лет. Вести об их пленении долетели до Испании, и родные герцога Нахеры горько его оплакивали. Но для тех, кто выше всего ставил честь своей страны, потерять Амадура значило больше. О постигшей его участи узнали и в доме графини Арандской. Жившая там несчастная Авантурада была в это время тяжело больна. Графиня подозревала, что Амадур любит ее дочь, но в душе уже примирилась с этой любовью и старалась не подать виду, что догадывается о ней, ибо была очень привязана к Амадуру, считая его образцом благородства и чести. Узнав о его несчастной участи, она позвала Флориду и потихоньку рассказала ей о случившемся. Флорида отлично владела собой и только ответила, что, конечно, это большая потеря для всего их дома и что ей особенно жаль его бедную жену, которая сейчас к тому же больна. Но, видя, что мать заливается слезами, она решила, что и сама должна немного поплакать вместе с ней, дабы притворное равнодушие не выдало ее настоящих чувств. После этого графиня еще не раз заговаривала с ней об Амадуре, но так и не могла узнать, что творится у нее в сердце. Я не стану рассказывать о том, сколько раз Флорида отправлялась в святые места, сколько времени она проводила в постах и молитвах за Амадура. Находясь в Тунисе, Амадур пользовался каждым случаем, чтобы писать о себе своим друзьям, и через одного очень надежного человека известил Флориду о том, что он здоров и надеется ее увидеть; для несчастной весть эта была единственным утешением в ее тоске. Но знайте, что ей было также позволено писать ему, и ее частые письма вселяли в Амадура бодрость и силу.

Вскоре графиню Арандскую потребовали в Сарагосу, куда в это время прибыл король со своим двором. Там находился и юный герцог Кардонский, который так настойчиво уговаривал короля и королеву помочь ему, что оба они обратились к графине, прося ее дать согласие на брак герцога с ее дочерью. Графиня ни в чем не хотела ослушаться королевской семьи и согласилась, полагая, что дочь ее настолько молода, что во всем покорится матери. Когда приготовления уже были сделаны, графиня сказала Флориде, что выбрала для нее эту партию, ибо считает ее наиболее подходящей. Девушка, зная, что – коль скоро решение уже принято – отказываться нельзя, ответила матери, что, ежели Господь того хочет, она готова исполнить Его волю, и решила, что самое лучшее для нее не оплакивать свою участь, а повиноваться материнскому желанию, оказавшемуся для нее столь неожиданным. За этой бедой последовала и другая – она узнала, что сын Энрике Арагонского смертельно болен. Однако она не дала почувствовать, как ей это тяжело, ни матери, ни кому другому, и ей стоило такого труда сдерживать проступавшие слезы, что у нее хлынула кровь из носа; ей сделалось совсем плохо, и жизнь ее какое-то время висела на волоске. Однако, несмотря ни на что, ее выдали замуж за нелюбимого человека, жизнь с которым ей была хуже смерти. После свадьбы Флорида уехала с мужем в герцогство Кардонское и увезла с собой Авантураду, которой она не раз, сетуя на суровость матери, изливала свою тоску по любимому. Что же касается Амадура, то, если она и говорила о нем, то единственно для того, чтобы утешить свою наперсницу. Сама же в душе решила не думать ни о чем, кроме Господа Бога и своей чести, и так хорошо умела скрывать свое горе, что никто даже не заметил, что супруг ее был ею не любим.

Так прошло много времени. Жизнь для Флориды была тягостнее смерти. Она написала об этом верному Амадуру. Зная, сколь благородна и чиста душою Флорида и как она любила сына Энрике Арагонского, Амадур решил, что долго ей теперь не прожить, и оплакивал ее так, как оплакивают тех, чьи дни сочтены. Это новое горе переполнило чашу его страданий. Он охотно бы согласился всю жизнь оставаться в рабстве, лишь бы Флорида вышла замуж за того, кого она полюбила. И, думая о том, как она страдает, он забывал свое собственное страдание. Через одного из своих новых друзей он узнал, что король тунисский намеревается посадить его на кол или заставить отказаться от своей веры, ибо хочет сделать из него правоверного

мусульманина и оставить потом при своем дворе. Он тут же рассказал об этом своему господину, и тот отпустил его на волю под честное слово, назначив, однако, за него одного такой огромный выкуп, что сам не был уверен, что Амадур, будучи человеком небогатым, сумеет его внести. И, отпустив его, он скрыл это от своего повелителя. Явившись ко двору короля Испании, Амадур стал разыскивать своих прежних друзей, прося их заплатить обещанный выкуп, и сразу же вслед за тем отправился в Барселону, где в это время находился приехавший по какому-то делу юный герцог Кардонский вместе со своею матерью и Флоридой. Едва только жена Амадура Авантурада услышала о возвращении мужа, она рассказала об этом Флориде, которая очень обрадовалась, но сделала вид, что радуется только за свою подругу. Однако, боясь, чтобы кто-нибудь не заметил перемены в ее лице и чтобы люди, которые ее не знают, не подумали о ней чего-либо дурного, она отошла к окну и стала смотреть на дорогу, откуда он должен был появиться. А как только она заметила его приближение, она выбежала вниз, на лестницу, где было так темно, что никто не мог увидеть, как зарделось ее лицо. Там она встретила Амадура, обняла его, повела в свои покои и представила его там своей свекрови, которая его никогда не видела. И стоило ему прожить у них два дня, как семья герцога и все домочадцы полюбили его не меньше, чем его любили в доме графини Арандской.

Я не стану пересказывать вам все то, чем Флорида поделилась тогда с Амадуrom, и перечислять те обиды, которые она претерпела за время его отсутствия и на которые ей было теперь кому пожаловаться. Поплавав вволю над тем, что ее выдали замуж против ее желания, и над потерей любимого человека, которого уже не вернуть, она решила искать утешения в любви к Амадуру и в верности ему – вначале, правда, не осмеливаясь ему об этом сказать. Но Амадур обо всем уже догадывался сам и постарался сразу же воспользоваться случаем и снова напомнить о своей великой любви к ней. И вот, когда он уже почти добился того, что она стала считать его не столько своим слугой, сколько верным и преданным другом, произошло неожиданное событие, окончившееся весьма печально: король вызвал к себе Амадура по какому-то делу. Испугавшись близкой разлуки, жена его потеряла сознание и упала на лестнице, причем так сильно расшиблась, что заболела и больше уже не встала. Флорида, потерявшая с ее смертью свое последнее утешение, плакала по ней так, как плачут, когда лишаются сразу всех родных и друзей. Но еще больше опечалился сам Амадур – он ведь не только потерял подругу жизни; ее смерть лишала его возможности видаться с Флоридой. Мысль эта повергла его в безутешную печаль, и он стал думать о том, что ему остается только умереть. Старая герцогиня Кардонская часто его навещала и приводила ему рассуждения различных философов о смерти, с тем чтобы он мог терпеливо перенести свою утрату. Однако ничто не могло ему помочь, ибо страдания от смерти Авантурады превращались в настоящую пытку, когда он думал о том, что ему грозит теперь новая разлука с любимой. После того как Амадур похоронил жену, у него больше уже не было причин медлить с выездом к королю, и его охватило такое отчаяние, что он едва не потерял рассудок. Флорида думала, что может утешить его, но в действительности после каждой встречи с ней он только еще больше страдал. И вот однажды, проговорив с ним несколько часов подряд, она постаралась успокоить его и обещала устроить все так, что они будут видаться часто. На следующий день Амадур должен был уже уезжать, а он был еще настолько слаб, что не мог встать с постели. И он умолил ее прийти к нему вечером, после того как все разойдутся. Флорида обещала, не подозревая даже, до каких крайностей может дойти обезумевшая любовь. Прослужив ей верой и правдою столько лет и не получив от нее ничего взамен, кроме сдержанности, о которой я уже рассказывала, Амадур был доведен до отчаяния. Он весь исстрадался от любви, которую ему все время приходилось скрывать, и теперь, потеряв последнюю надежду, которая у него доселе еще оставалась, решил поставить на карту все и либо навсегда расстаться с Флоридой, либо овладеть ею и вознаградить себя за все свои муки счастливыми минутами, которые, как ему казалось, он заслужил. Он велел завесить свою постель, так что те, кто приходил к нему в комнату, не могли увидеть его лица, и

в этот вечер, вопреки обыкновению, так жаловался всем на свои страдания, что окружающие были убеждены, что он не проживет более суток.

Вечером, после того как все посетители уже разошлись, явилась Флорида, которую даже муж ее уговаривал пойти навестить больного. Она надеялась, что принесет ему утешение, признавшись в своей любви и заверив, что будет любить его, насколько ей это позволит ее честь. Но вместо этого, едва только она села в кресло у его изголовья и увидала на лице его слезы, она залилась слезами сама. Видя, как молодая женщина удручена предстоявшей разлукой, Амадур решил, что, пока она пребывает в смятении, ему будет легче совершить то, что он задумал, и поднялся с кровати. Полагая, что он еще слишком слаб, Флорида попыталась ему помочь. А он стал перед ней на колени и сказал:

– Неужели я должен теперь потерять вас навеки?

И, произнеся эти слова, он совсем обессилел и упал в ее объятия. Флорида подняла его и старалась его поддержать, делая все, что могла, чтобы его успокоить. Но средство, которое она употребила, чтобы облегчить его страдание, заставило его страдать еще больше. Продолжая притворяться еле живым и не говоря ни слова, он стал тянуться к тому, что ревниво оберегает женская честь. Разгадав его намерения, Флорида сначала не верила своим глазам, ибо знала его как человека благородного. Она только спросила, что он такое задумал. Но Амадур боялся высказать свою просьбу вслух, чтобы не услышать в ответ исполненные целомудрия слова, и молча продолжал свое дело. Флорида, которая все еще никак не могла поверить, что это посягательство на ее честь, решила, что он просто помутился умом. Поэтому она громко позвала одного из придворных, находившегося в это самое время в соседней комнате. Тогда Амадур, обезумевши от отчаяния и совершенно лишившись сил, упал на кровать, и произошло это все так стремительно, что вошедший придворный решил, что он уже испустил дух.

– Укусную примочку, скорее, – закричала Флорида, поднявшись с кресла.

И когда придворный вышел, она обратилась к Амадуру с такими словами:

– Амадур, вы, должно быть, сошли с ума! Что это вы задумали сделать?

Амадур, которого любовь совершенно лишила рассудка, ответил:

– Неужели за всю мою долгую службу вы платите мне такой жестокостью?

– Так вот, значит, как вам дорога моя честь, о которой вы столько всего говорили! – сказала она.

– Ах, сеньора, – воскликнул Амадур, – можно ли было любить вашу честь больше, чем любил ее я, ведь до тех пор, пока вы не вышли замуж, я сумел заставить замолчать свое сердце и не дать вам почувствовать всей силы моих желаний. Но теперь вы замужем, и все так легко можно скрыть. Неужели я и теперь должен просить у вас то, что принадлежит мне по праву? Ибо и сами вы полюбили меня за эту мою любовь. Тот, кому первому досталось ваше сердце, так мало уделял внимания вашему телу, что потерял и то и другое. Тот же, кто владеет сейчас вашим телом, недостойн владеть вашим сердцем, а раз так, то, значит, у него нет прав и на ваше тело. А ведь я, сеньора, целых шесть лет переносил ради вас столько страданий и столько горя! Разве не мне по праву принадлежат и тело, и сердце той, ради которой я забывал о себе самом и о своем собственном сердце? Если же вы хотите сделать вашей защитницей совесть, то помните, что, когда и тело, и сердце охвачены любовью, в них нет места греху. И даже если отчаяние заставит влюбленного лишить себя жизни, грехом это счесть нельзя, ибо страсть может сделать человека безумцем. Самые тяжкие муки – это муки любви, и ничто так не ослепляет нас, как любовь. А раз так, то можно ли почитать грешником того, кем движет неукротимая сила? Я покидаю вас – и без надежды когда-либо вас увидеть. Но если перед моим отъездом я получил бы все то, что заслужил моей безграничной любовью, я увез бы с собою достаточно сил, чтобы терпеливо снести всю горечь этой долгой разлуки. Если же вам не будет угодно исполнить сейчас мою просьбу, вы очень скоро будете иметь случай убедиться, что ваша суровость стала причиной моей несчастной и самой жалкой смерти.

Флорида, опечаленная, пораженная тем, что слышит такие речи от человека, в котором она не могла даже заподозрить подобного безумия, сказала ему, заливаясь слезами:

– Увы, Амадур, где же все те благородные чувства, о которых вы говорили мне, когда я была еще девушкой? Неужели в этом-то и состоит честь и совесть, которые вы превозносили при мне столько раз, убеждая меня, что лучше умереть, чем потерять их? Разве вы позабыли о добродетельных женщинах, противостоявших бурной страсти, которых вы сами же приводили мне в пример, и о презрении, с каким вы всегда говорили о тех, кто поддается безумству? Я никак не могу представить себе, Амадур, что вы настолько переменились и в вашем сердце не осталось больше ни Бога, ни совести, ни уважения к моей чести. Но если все действительно так, как вы говорите, то я должна только благодарить Господа Бога за то, что Его доброта предупредила несчастье, которое мне сейчас грозило, и ваши слова открыли мне ваше сердце, которое я за столько лет так и не сумела узнать. Ибо, расставшись с сыном Энрике Арагонского не потому только, что он женился на другой, но потому, что я знала, что он любит другую, и выходя замуж за человека, полюбить которого я не могу, как бы я ни старалась это сделать, и который остается для меня совершенно чужим, я думала о вас и мечтала отдать безраздельно вам одному и сердце мое, и любовь, дабы наша дружба зиждилась на том высоком достоинстве, которое я видела в вас и которого, как мне казалось, я с вашей помощью достигла сама: любить свою честь и совесть больше, чем жизнь. И, положившись целиком на благородство ваше, которое я считала каменной твердыней, я пришла сюда в уверенности, что камень этот незыблем. И что же, Амадур, за единое мгновение вы открыли мне глаза: оказалось, что здание свое я строила не на гладком и прочном камне, а на зыбком песке и на куче отвратительной грязи. А немало ведь уже сил было положено на то, чтобы воздвигнуть обитель, в которой я собиралась жить всю мою жизнь, и вот вы пришли и сразу разрушили все. Что же, теперь вы должны навсегда расстаться с надеждой, которую я столько времени поддерживала в вас, и понять, что, где бы я ни была, вы не только не должны более искать встречи со мною, но даже и писать мне – и не должны ожидать, что я когда-либо изменю это мое решение. Мне очень горько вам это говорить, но я пришла сюда, чтобы поклясться вам в самой чистой дружбе, а сейчас, после всего того, что случилось, в сердце моем для вас больше нет места. К тому же обман ваш так жестоко меня сразил, что теперь жизнь моя неминуемо станет короче и конец моих дней будет отмечен печалью. А сейчас мне остается только сказать вам: прощайте – и навсегда!

Я не берусь передать вам, какой мукой было для Амадура выслушивать эти слова, ибо представить себе его горе может только тот, кто сам нечто подобное испытал. Когда он увидел, что произнес свой жестокий приговор, она хочет уйти, он схватил ее за руку: он знал, что если сейчас не заставит ее изменить то дурное мнение, которое у нее сложилось о нем, он потерял ее навсегда. И, придав своему лицу напускную торжественность, он сказал:

– Сеньора, всю жизнь мне хотелось встретить женщину, которая была бы достойна моей любви. И так как мне все время не удавалось найти такую, я решил испытать вас, чтобы узнать, заслуживаете ли вы не только моей любви, но и моего уважения. Сейчас я в этом убедился, и я благодарю за это Господа, который научил меня любить истинное совершенство, и прошу вас простить мне мою дерзкую и безрассудную выходку – ведь, в конце концов, она прославила вашу честь; я же, к своему великому удовольствию, удостоверился в том, в чем мог еще сомневаться.

Флорида теперь только начинала понимать, сколь коварны мужчины. Но как ей ни было трудно поверить в порочность Амадура, которая в ней, увы, уже не вызывала сомнений, ей было еще труднее поверить в его благие намерения, которых в действительности он не имел, и она сказала:

– Дай Бог, чтобы в словах ваших была правда! Но я ведь уже замужем и достаточно всего знаю, чтобы ясно понимать, на какой поступок толкнула вас страсть, которая вас ослепила.

Ведь если бы Господь не поддержал меня, я уверена, что вы довели бы свое дело до конца. А так не может поступить тот, кто хочет испытать добродетель. Но не будем больше говорить об этом. Если раньше я по своему легкомыслию считала вас человеком честным, то хорошо, что я узнала наконец настоящую правду и теперь эта правда избавила меня навсегда от вашего общества.

С этими словами Флорида вышла из комнаты и, вернувшись к себе, всю ночь провела в слезах. Перемена, происшедшая в Амадуре, причинила ей безмерную боль, и сердце ее разрывалось от муки, в которую его повергла любовь. Ибо, несмотря на то что разум заставлял ее отказаться от него и навеки позабыть об этой любви, сердце, распоряжаться которым мы не вольны, никак с этим не могло согласиться. И вот, видя, что она все равно не может любить его меньше, чем любила прежде, и зная, что не что иное, как любовь, было причиной его недостойного поведения, она решила, что, вняв голосу любви, будет по-прежнему любить его всем сердцем, но вместе с тем, повинувшись велению чести, скроет в своем сердце эту любовь и от него самого, и от всех на свете.

На другой день Амадур уехал, глубоко опечаленный всем, что случилось. Однако мужество его, которому равного не было в мире, не позволило ему впасть в отчаяние, и он стал думать о том, как увидиться еще раз с Флоридой и добиться ее прощения. Направившись к королю испанскому, который в то время находился в Толедо, он поехал туда через графство Арандское, чтобы по дороге проведать графиню. Прибыв в замок поздно вечером, он застал графиню совершенно больной, и причиной ее болезни была разлука с дочерью. Увидев Амадура, она обняла его и поцеловала, как родного сына, ибо была очень к нему привязана. Давно уже догадавшись, что он любит Флориду, графиня стала расспрашивать его о дочери, и он постарался рассказать ей все, что мог, — умолчав, однако, о том, что между ними только что произошло. Он даже признался ей в своей привязанности к Флориде, о которой та никогда ничего ей не говорила, и попросил графиню как можно чаще писать ему о ней и взять ее поскорее к себе. На следующий день он уехал и, побыв у короля столько, сколько этого потребовали дела, отправился на войну. Но он настолько переменился и так плохо выглядел, что местные дамы, равно как и военные и все те, с кем он постоянно встречался, его просто не узнавали. Одевался он во все черное, и одежда его была сшита из фризского сукна, слишком грубого для обычного траура, который он носил по жене, в то время как в сердце его таилась другая печаль. Так Амадур прожил года три, а может быть, и четыре, больше не возвращаясь ко двору короля. А графиня Арандская, до которой дошли слухи, что Флорида вся исхудала от тоски, послала за ней и стала просить ее к ней приехать. Но Флорида уже узнала, что Амадур рассказал ее матери о своей любви и что та, будучи женщиной благонамеренной, разумной и преисполненной доверия к Амадуру, одобрила его чувство. Флориду это привело в смущение: она увидела, что мать ее настолько уважает Амадура, что, если она ей расскажет всю правду, это может изменить ее отношение к нему, чего она ни за что не хотела, ибо чувствовала себя достаточно сильной, чтобы самолично наказать его за его безумство, не прибегая для этого к помощи кого-либо из родных. С другой стороны, она понимала, что, если вести себя при всех так, как будто Амадур не совершил ничего дурного, и мать ее, и все друзья поставят ее в такое положение, что ей придется ласково его принимать, а этим она может дать ему повод дурно думать о ней. Но, узнав, что Амадур далеко, она не стала особенно препятствовать желанию матери и по ее просьбе написала ему несколько писем. Однако это были письма, в которых ясно сквозила покорность и меньше всего было собственной воли. Поэтому насколько он раньше радовался каждому новому ее письму, настолько теперь читать их стало для него мукой.

Года через два, через три, после того как он совершил столько подвигов, что их невозможно было бы все описать, Амадур придумал новую хитрость, чтобы овладеть Флоридой. О сердце ее он уже не мечтал, считая его потерянным навсегда, — речь шла о том, чтобы одержать победу над врагом, каковым теперь для него она стала. Страсть его была так велика, что он не

слышал голоса рассудка и даже позабыл о страхе смерти, ибо жизнь свою он ставил на карту. И вот что сделал Амадур. Он был в большой чести у верховного главнокомандующего, и тот послал его к королю, чтобы обсудить с ним тайный план нападения на местечко Левкату⁷⁶; Амадур решил, что еще до переговоров с королем расскажет об этом предприятии графине Арандской и испросит у нее совета.

И он направился прямо в поместье графини, где, как ему было известно, в то время находилась Флорида; перед этим же послал к графине одного из своих друзей, чтобы известить ее о своем приезде, причем просил ее принять его у себя тайком и ночью – так, чтобы никто ничего не узнал. Графиня очень обрадовалась и тотчас же рассказала об этом Флориде, велел ей уйти в спальню мужа, раздеться и лечь в постель, для того чтобы можно было отослать всю прислугу, и сказала, что потом сама ее позовет. Флорида еще не вполне оправилась от страха, который ее однажды заставил испытать Амадур, но она ничего не сказала матери, а сразу же пошла в молельню, где она помолилась Господу нашему и, прося помочь ей сохранить сердце от злых помыслов, вспомнила, что Амадур нередко восхищался ее красотой, которая нисколько не уменьшилась и теперь, несмотря на то что она так долго болела. И вот, решив, что лучше нанести урон своей собственной красоте, лишь бы не дать ей разжечь нечистое пламя в сердце столь благородного человека, взяла находившийся в молельне камень и, с силою ударив им себя по лицу, обезобразила свои черты. А для того чтобы не подумали, что она сделала это нарочно, она, выходя из молельни, будто бы споткнувшись, упала и ударилась об пол лицом. Она стала громко кричать, и явившаяся на ее зов графиня увидела синяки у нее под глазом и под губой. Флориду тут же перевязали, и повязка закрыла ей все лицо.

Потом графиня отвела ее к себе и попросила, пока она еще занята делами, принять Амадура у нее в кабинете. Флорида повиновалась, полагая, что Амадур не один. Но когда двери за ней затворились и она увидела, что осталась вдвоем с ним, она обезумела от испуга. Он же был вне себя от радости, решив, что теперь-то он наконец осуществит свое давнее желание и сумеет добиться ее любви, а если она ему откажет, то захватит ее силой. Он немного поговорил с ней и, когда увидел, что она столь же неприступна, как и была, и ничто на свете не может заставить ее изменить однажды принятое решение, в отчаянии воскликнул:

– Флорида, клянусь Богом, все ваше упорство бесполезно. Если любовь, терпение, смирение и мольбы мои бессильны сломить вас, то, клянусь, я не пощажу сил, чтобы овладеть тем, без чего я все равно потеряю всю мою силу.

Взглянув на него, Флорида ахнула: глаза его были безумны, лицо, на котором всегда играл только нежный румянец, было налито кровью. Взгляд его был неистов и страшен. Казалось, что какое-то пламя вспыхнуло у него в сердце и перекинулось на лицо. Охваченный яростью, он сжал своими крепкими могучими руками нежные и слабые руки Флориды. А та, видя, что она теперь пленница, что бежать ей некуда и нечем себя защитить, сделала последнюю попытку спасти себя, воззвав к истокам его прежней любви и надеясь, что во имя этой любви он оставит свои жестокие замыслы.

– Амадур, – воскликнула она, – пусть даже вы считаете меня своим врагом, именем той благородной любви, которая, как я когда-то думала, теплилась в вашем сердце, прошу вас, прежде чем подвергать меня мучениям, выслушайте меня!

Когда она увидела, что он ее слушает, она продолжала так:

– Ах, Амадур, скажите же, что заставляет вас так домогаться того, что все равно не удовлетворит вас, а мне причинит только безмерное горе? В дни моей ранней юности, в пору расцвета моей былой красоты, ваша страсть могла еще находить себе оправдание. Но мне становится страшно при мысли, что теперь, когда я уже не девочка, когда со мной случилась беда и я так на себя не похожа, вы снова добиваетесь того же самого, хоть и знаете, что ничего не добь-

---

⁷⁶ *Левката* – деревня в Пиренеях, недалеко от Сальса.

тес. Я ведь уверена, что вы нисколько не сомневаетесь в том, что решение мое бесповоротно. А раз так, то вы и силой не добудете того, чего вам от меня хотелось. Взгляните только на мое лицо, оно ничем не напомнит вам о своей былой красоте, и вам даже не захочется подойти к нему ближе. А если в вас еще сохранилась крупца прежней любви, то можно ли себе представить, чтобы ваша бешеная страсть не сменилась самой простою жалостью? К этой-то жалости и к вашему благородству, которое я столько раз имела возможность испытывать, я и взываю сейчас и молю вас: пощадите меня, не мешайте мне жить спокойной и чистой жизнью, которую по вашему же совету я себе избрала. А если ваша бывшая любовь уже превратилась в ненависть и вы хотите сделать меня несчастнейшей из женщин не из любви ко мне, а из жажды мести, то, могу вас уверить, этому все равно никогда не бывать. Этим вы добьетесь только того, что о вашем злом умысле узнает та, которая пока еще о вас самого высокого мнения. Если же это случится, то поверьте – вам, может быть, придется ответить за все жизнью.

Не дав ей договорить, Амадур вскричал:

– Пусть же смерть наконец избавит меня от этой муки! Что же касается вашего лица, то, если не ошибаюсь, вы сами этого пожелали. А мне это не мешает хотеть того, чего я хочу. Ведь если бы мне достались одни только ваши кости, я бы до гроба не расставался с ними.

Когда Флорида увидела, что ни разумные речи, ни мольбы, ни слезы ни к чему не приводят и что он настолько упорен и злобен в своей жестокости, что у нее уже не хватает сил, чтобы с ним бороться, она решила прибегнуть к помощи, которой она боялась больше, чем смерти, и жалобным, полным отчаяния голосом, громко, как только могла, стала призывать графиню. Та, слыша, что дочь ее кричит не своим голосом, до смерти перепугалась и тотчас же прибежала. Амадур, которому в действительности вовсе не так уж хотелось умирать, как он говорил, вовремя успел отскочить, и вошедшая в комнату графиня нашла его уже около двери и довольно далеко от Флориды.

– Что случилось, Амадур? – спросила графиня. – Скажите мне правду.

На это изобретательный Амадур, который был бледен и весь оцепенел от страха, ответил:

– Ах, сеньора, посмотрите только, что случилось с Флоридой! Я никак не могу опомниться от ужаса. Как вы уже знаете, я надеялся на ее благосклонность ко мне. Теперь я понял, что все надежды мои были напрасны. Мне кажется, сеньора, что раньше еще, с самого детства, она была всегда и добродетельной, и скромной. Но ведь раньше она никогда не считала за грех взглянуть на мужчину и поговорить с ним. А сейчас она не допустила даже, чтобы я на нее взглянул. А когда я все-таки заглянул ей в лицо и увидел, как оно изменилось, мне показалось, что я все это вижу во сне. Когда же я попросил разрешения поцеловать ей руку так, как это у нас принято, она почему-то мне отказала. Должен вам признаться, сеньора, что я поступил нехорошо, и прошу вас простить меня за эту вольность – я кинулся к ней, схватил ее руку и поцеловал ее, больше ни о чем ее не прося. А она, как видно, решила меня за это казнить, если вдруг начала так громко вас призывать на помощь. Я не знаю, что заставило ее это сделать, – должно быть, она испугалась, подумав, что я домогаюсь большего, чем хочу показать. Но, что бы то ни было, графиня, я признаю, что во всем виноват я сам. Судьбе было угодно, чтобы из числа всех ее слуг я, самый преданный, лишился вдруг ее милостей. Но я и с вами и с ней останусь таким, каким был, и прошу вас, коль скоро я столь незаслуженно потерял ее расположение, теперь не лишать меня вашего.

Графиня, которая то верила его словам, то начинала в них сомневаться, подошла к дочери и спросила ее:

– Почему ты стала звать меня так громко?

На это Флорида ответила, что она испугалась, – и, сколько потом графиня ни расспрашивала ее об этом, она больше ничего не сказала, ибо считала, что, если она сумела ускользнуть из рук своего врага и замысел его не удался, он этим одним за все уже наказан сполна.

После того как графиня долго говорила сама с Амадуrom, ей захотелось узнать, как он теперь будет держать себя, и она предоставила ему возможность поговорить при ней с Флоридой. Но долго с ней разговаривать он не стал, дав ей понять, что благодарен ей за то, что она не рассказала обо всем матери, и попросил только, чтобы теперь, когда она изгнала его из своего сердца, она по крайней мере не допустила бы, чтобы место это занял кто-либо другой. На это она ответила:

– Если бы я располагала каким-либо другим средством защиты, кроме крика, – поверьте, никто бы не услышал моего голоса. Вместе с тем я этого никогда бы не сделала, если бы вы не вздумали применить силу. Что же касается вашей второй просьбы, то не бойтесь, что я смогу полюбить кого-то другого. Ведь если я разочаровалась в сердце, которое я считала самым благородным на свете, я теперь уже никогда не поверю, что благородство это можно найти в ком-то другом. И приключившаяся со мною беда будет порукой тому, что впредь я буду свободна от всех волнений, которые вселяет в сердце любовь.

Сказав это, она ушла. Мать, которая все это время пристально на нее смотрела, ничего не могла понять. Уразумела она только одно – что у дочери ее не осталось больше никаких чувств к Амадуру, что она возненавидела все, что любила. В глазах графини это было верхом безрассудства, и с этого дня она решительно изменила свое отношение к Флориде: целых семь лет она с нею не разговаривала. За это время Флорида, которая прежде боялась оставаться в обществе мужа, перестала избегать его – настолько сурова была к ней мать. Но, видя, что ничто не помогает, Флорида решила обмануть Амадура. Для этого она на день или два притворилась необычно милостивой к нему и посоветовала ему завязать дружбу с одной дамой, которой она, по ее словам, рассказывала об их любви. Лоретта – так звали эту даму – состояла при королеве Испании. Амадур поверил обманщице и, надеясь, что таким путем он сможет вернуть себе ее расположение, стал ухаживать за Лореттой, которая была замужем за одним из больших военачальников испанского короля. Лоретта, крайне польщенная тем, что приобрела столь прославленного в боях кавалера, не стала скрывать своей радости, и молва об этом разнеслась повсюду. Услыхала обо всем и графиня Арандская, приехавшая в то время ко двору короля, и с этих пор перестала гневаться на Флориду. Но вот однажды Флорида узнает, что военачальник, муж Лоретты, вспылал такою ревностью, что решил во что бы то ни стало убить Амадура. А так как, несмотря на все свое притворство, она не хотела ему никакого зла, она тотчас же предупредила его о грозящей ему опасности. Но тот сразу же вернулся к своим прежним помыслам и ответил Флориде, что, если только ей будет угодно каждый день проводить по три часа в его обществе, он больше не скажет Лоретте ни единого слова. Однако Флорида на это не могла согласиться.

– Но если вы не хотите дать мне жизнь, то зачем же вы предостерегаете меня от смерти? – спросил Амадур. – Или только для того, чтобы терзать меня мучениями, которые для меня страшнее, чем тысяча смертей? Так знайте, сколько бы раз мне ни удавалось избежать смерти, я буду искать ее и в конце концов найду, ибо только тогда сердце мое обретет покой.

В это время пришло известие, что Гранада⁷⁷ затевает войну с Испанией. И случилось так, что испанский король отправил воевать принца, своего сына, и вместе с ним коннетабля Кастильского и герцога Альбу, двух старых и умудренных опытом вельмож. Герцог Кардонский и граф Арандский не захотели оставаться в стороне и попросили короля, чтобы он их отправил на войну. Король оказал им должное уважение и удовлетворил их просьбу, а сопроводить их на поле брани поручил Амадуру, который за время войны прославил себя великими подвигами и являл настоящие чудеса храбрости. В заключение должна вам сказать, что за свою величайшую отвагу он заплатил жизнью: ибо мавры сначала завязали бой, а потом, увидав, сколь велико войско христиан, сделали вид, что обратились в бегство. Испанцы бросились их

⁷⁷ Гранада – арабское королевство на территории Испании; было отвоевано у мавров Фердинандом II в 1492 г.

преследовать. Но старик коннетабль и герцог Альба, подозревая, что со стороны мавров это не что иное, как военная хитрость, воспротивились намерению принца перейти реку и удержали его от этого рискованного поступка. Однако граф Арандский и герцог Кардонский, несмотря на запрещение, погнались за врагами. Когда мавры увидели, что преследователи их не столь уж многочисленны, они перешли в наступление и, ударив одновременно с двух сторон, уложили наповал герцога Кардонского, а графа Арандского так тяжело ранили, что он остался на поле битвы без признаков жизни. В это время подоспел Амадур. Он был в такой ярости, что стал крушить врага направо и налево; отбив бездыханные тела обоих военачальников, он приказал отвезти их в стан принца, который оплакивал их, как родных братьев. Когда тела освидетельствовали, оказалось, что граф Арандский еще дышит. Тогда его положили на носилки и отвезли в его замок, где он потом еще долго лежал больной, но в конце концов поправился. Тело же герцога было отвезено в Кардону. И в то время, когда Амадур старался вырвать эти два тела из рук врага, он так мало думал о себе самом, что дал себя окружить большому числу мавров. И, памятуя о том, что возлюбленная его не захотела отдаться ему, он также не захотел сдаваться врагу живым. А поелику однажды он уже нарушил из-за нее законы чести, он не захотел изменять чести своей и христианской вере, ибо знал, что, если его пленником приведут к королю Гранады и он не откажется от веры своих отцов, его ждет жестокая казнь. И он решил, что ни живым, ни мертвым не сдастся врагу. И вот, поцеловав крест на рукоятке шпаги, он поразил себя этой шпагой насмерть. Так погиб бедный Амадур; все скорбели о нем, и скорбь эту он вполне заслужил. Слух о его смерти облетел всю Испанию. Узнала об этом и Флорида, которая в это время была в Барселоне, ибо муж ее, герцог Кардонский, завещал похоронить себя именно там. А после того как она подобающим образом похоронила мужа, она, ничего не сказав ни матери, ни свекрови, приняла монашество, избрав себе в супруги того, кто спас ее от чрезмерно страстной любви Амадура и от тоски, которая не покидала ее в замужестве. И отныне помыслы свои она устремила к Богу и полюбила Его столь горячо, что после долгих лет монашеской жизни вручила Ему душу свою в той превеликой радости, которую вкушает жена, готовясь после разлуки свидеться с мужем.

– Я отлично знаю, благородные дамы, что эта длинная новелла придется кое-кому из вас не по вкусу. Но тот, кто мне ее рассказал, был бы доволен, если бы она была еще длиннее и если бы я попросила вас, следуя примеру добродетельной Флориды, не быть столь жестоко-сердными, как она, и не считать, что мужчины столь уже добродетельны, дабы, убедившись в обратном, не обрекать их потом на жестокую смерть, а себя самих – на лишенную радости жизнь.

После того как все внимательно ее слушали и долго потом молчали, Парламанта сказала Иркани:

– Разве вам не кажется, что женщина эта была прижата к стене и что она оказала достойное сопротивление?

– Нет, – ответил Иркан, – ибо когда женщина кричит, это еще не значит, что она сопротивляется. А вот если бы они очутились в таком месте, где крика ее никто бы не услышал, неизвестно еще, как бы она тогда поступила. К тому же, если бы любовь Амадура была сильнее, чем его страх, он бы так поспешно не отступил. Я и сейчас остаюсь при твердом убеждении, что какой угодно мужчина, по-настоящему любящий женщину и любимый ею, неизменно достигнет удачи, если только он как надо берется за дело. Вместе с тем я должен похвалить Амадура за то, что, как-никак, он частично исполнил свой долг.

– Какой долг? – недоуменно спросила Уазиль. – Неужели же тот, кто вместо того чтобы выказывать своей возлюбленной послушание и уважение, хочет завладеть ею силой, исполняет свой долг?

– Госпожа моя, – сказал Сафредан, – когда возлюбленные наши наподобие судей сидят в какой-нибудь гостиной или зале, мы преклоняем перед ними колена; мы боязливо приглашаем их на танцы, бережно ухаживаем за ними, мы стараемся предвосхитить каждое их желание. Мы так боимся чем-либо их огорчить и так хотим всем, чем можем, служить им, что те, кто нас видит со стороны, преисполняются жалости к нам и нередко даже считают, что мы попросту глупы, что мы совсем обезумели и себя не помним, и воздают должное нашим дамам, которые выглядят такими смелыми и с таким достоинством разговаривают с нами, что одним видом своим внушают мужчинам страх, почтение и любовь. Но стоит нам остаться с ними наедине, когда все решает только любовь, как мы видим, что они – женщины, а мы – мужчины. И тогда возлюбленная становится сразу подругой, а кавалер превращается в друга. Не об этом ли говорят известные стихи:

Тому, кто ловок, ей служа,
Служанкой станет госпожа.

У них не больше чести, чем у мужчин, ибо мужчинам дано и укреплять в них эту честь, и совсем их ее лишать. Они равнодушно глядят на то, с каким терпением мы переносим наши любовные муки. Но именно за эти-то муки нам следует вознаградить себя, когда честь уже ни при чем.

– Но вы позабываете о настоящей чести, – возразила Лонгарина, – когда человек сам бывает удовлетворен собою. Ибо пусть даже все на свете твердят мне, что я женщина честная, – если я знаю, что на самом деле это не так, всякая хвала способна только усугубить мой стыд и повергнуть меня в еще большее смущение. Вместе с тем, если уделом моим станет хула и я буду знать, что я ни в чем не виновна, сама хула эта станет для меня источником радости, ибо главное – это то, как человек сам оценивает свои поступки.

– Послушайте, – сказал Жебюрон, – вопреки тому, что все вы сейчас говорили, мне кажется, что Амадур был честнейшим и благороднейшим из людей, и, хотя имена в вашем рассказе вымышлены, мне кажется, я догадался, о ком шла речь. Впрочем, коль скоро Парламента не захотела сообщить нам его настоящего имени, я тоже не стану его называть. Но ежели это действительно тот, кого я имею в виду, то знайте, что сердце его никогда не ведало страха и всегда было преисполнено любви и отваги.

– Мне кажется, что мы так интересно провели сегодняшний день, – сказала Уазиль, – что, если все остальные принесут нам столько же радости, время пройдет совсем незаметно. Взгляните, солнце уже на закате, в монастыре давно уже звонят в колокол, призывая нас к вечерней службе, а я вам об этом даже не стала напоминать, видя, что вам больше хочется дослушать последнюю часть этого рассказа, чем слушать вечерню.

После этих слов все поднялись и, придя в монастырь, увидели, что монахи ждут их уже более часа. Прослушав вечерню, они пошли ужинать и в течение всего вечера продолжали еще обсуждать слышанные днем истории, и каждый старался извлечь из потаенных уголков своей памяти то, что знал, чтобы сделать следующий день столь же занимательным, как и этот. А потом, поиграв на лугу в различные игры, все отправились спать, веселые и довольные своим первым днем.

Конец первого дня

День второй
Во второй день каждый рассказывает
то, что ему пришло на ум

Вступление

На следующее утро, как только все встали, нашей компании захотелось поскорее вернуться туда, где накануне они получили столько удовольствия. У каждого был уже приготовлен свой рассказ, и ему не терпелось поделиться с остальными тем, что он знает. После того как они прослушали чтение и толкование госпожи Уазиль и мессу, во время которой каждый возносил помыслы свои к Богу, прося Его помочь им осуществить задуманное, они отправились обедать, вспоминая многое из того, что рассказывали друг другу накануне.

Пообедав, они отдохнули в отведенных им комнатах и в назначенный час пришли на ту же лужайку. День был такой ясный, что казалось, само солнце благоприятствует их затее. И когда вся компания расселась на зеленом ложе, Парламента сказала:

– Вчера я рассказывала последняя, и поэтому сегодня выбирать рассказчика должна я. А так как вчера мы начали с госпожи Уазиль, как с самой почтенной и самой мудрой из нас, я предоставляю сейчас слово самой юной – я вовсе не хочу сказать самой безрассудной, – и я уверена, что, если все мы последуем ее примеру, мы не задержим начало вечерни так, как это случилось вчера. Итак, Номерфида, сегодня распоряжаться нами будете вы. Только, прошу вас, не заставляйте нас начинать этот день слезами.

– Просить меня об этом не приходится, – ответила Номерфида, – ибо одна из нас уже подсказала мне мой выбор, и теперь история эта так крепко засела у меня в голове, что при всем желании я не могла бы рассказать ничего другого. Если же случится так, что рассказ мой вас опечалит, то это будет значить, что сами вы по своей натуре склонны предаваться грусти.

Новелла одиннадцатая

Госпоже де Ронсекс, гостившей в Туарском монастыре, так спешно понадобилось пойти в известное место, что, не успев разглядеть, прибрано там или нет, она второпях угодила прямо в нечистоты и перепачкала и зад свой, и платье. Рассчитывая, что кто-нибудь из женищин поможет ей, она стала звать на помощь. Но вместо дам явились их кавалеры, которые застали ее обнаженной и в таком непривлекательном виде, в каком ни одна женщина ни за что не захотела бы показаться мужчине

В доме госпожи де ла Тремойль жила некая дама по имени Ронсекс. И вот однажды, когда вместе с хозяйкой дома они гостили во францисканском монастыре в Туаре⁷⁸, даме этой понадобилось незамедлительно пойти туда, куда вместо себя никто не может послать другого. Она позвала было с собой одну молодую девушку, Ламот, но та была столь скромна и стыдлива, что не решилась составить ей компанию. И таким образом госпоже Ронсекс пришлось одной войти в это довольно темное помещение, которым пользовались все монахи, причем так усердно, что и само сиденье, и пол вокруг были запачканы возлияниями Бахусу и плодами Цереры⁷⁹, принявшими несколько измененный вид, после того как они побывали в желудках монахов. Бедная дама так спешила, что едва успела поднять юбку перед тем, как сесть, и по несчастной случайности попала в самый грязный угол этого помещения. Она перепачкала нечистотами и бедра, и зад и со всех сторон была так облеплена этой гадостью, что не решалась не только сойти с места, но даже и пошевелиться, боясь, что от малейшего ее движения все станет еще хуже. И она принялась изо всех сил кричать:

– Ламот, милая, беда со мной! Пропала я!

Девушка, которая еще раньше слыхала о злонамеренных проделках монахов этого монастыря, решила, что кто-нибудь из них спрятался там в темноте и теперь напал на несчастную даму, и побежала туда со всех ног, зовя за собою всех, кого встречала дорогой, и громко крича:

– Бегите скорее спасти госпожу Ронсекс, она в отхожем месте, и на нее напали там монахи!

Все поспешили за ней и увидели несчастную госпожу Ронсекс, которая действительно звала на помощь, ожидая, что кто-нибудь из женщин поможет ей обтереть налипшую грязь. Боясь перепачкать платье, она подняла его, и весь зад ее был обнажен. На крик ее сбежались все приехавшие с ними в монастырь кавалеры, которые и увидели это необычайное зрелище: вместо насильников-монахов глазам их предстал вымазанный в нечистотах зад. Сколько тут было смеха и сколько ей пришлось натерпеться стыда! Ведь вместо женщин, которые очистили бы ее от грязи, на помощь ей прибежали мужчины, которые увидели ее обнаженной, в самом позорном для женщины виде. И стыд перед мужчинами оказался сильнее страха перед вонючими нечистотами, и она опустила платье, отчего перепачкала в испражнениях и свое белье, которое до этого было еще чисто. А едва только она выбралась из этого отвратительного места, ей пришлось все с себя снимать и переодеваться во все чистое, прежде чем начать собираться

---

⁷⁸ Туар — небольшой городок в департаменте Дё Севр; в описываемое время принадлежал семейству ла Тремойлей.

⁷⁹ Церера — богиня плодородия у древних римлян.

в дорогу. Она очень была рассержена той услугой, которую ей оказала Ламот, но, узнав, как бедная девушка перепугалась, думая, что со спутницей ее случилось нечто гораздо худшее, перестала сердиться и посмеялась над этим происшествием вместе со всеми.

– Не правда ли, благородные дамы, рассказ этот и не длинен, и вовсе не грустен – вы сейчас услышали от меня как раз то, чего вы хотели.

Все стали весело смеяться.

– Хотя в этом рассказе и много всякой гадости и грязи, – сказала Уазиль, – достаточно знать тех, о ком идет речь, чтобы увидеть, что ничего непотребного в нем нет. Только хотела бы я посмотреть, какое выражение лица было в эту минуту у Ламот и у той, кому она так хорошо услужила! Но раз уж вы сумели так быстро завершить свой рассказ, то передайте слово кому-нибудь, кто бы рассказал нам историю подлиннее.

– Если вы хотите, чтобы кто-то исправил мою ошибку, – ответила Номерфида, – я передаю слово Дагусену: он так скромен, что скорее умрет, чем расскажет какую-нибудь пакость.

Дагусен поблагодарил ее за то, что она так высоко оценила его рассудительность, и начал так:

– История, которую я решил вам сейчас рассказать, повествует о том, как любовь ослепляет самые возвышенные и благородные сердца и как трудно одержать верх над злобой, сколько бы сил вы ни положили на борьбу с ней.

Новелла двенадцатая

Герцог Флорентийский, которому никак не удавалось добиться взаимности некой молодой девушки, доверился ее брату, прося его помочь ему в этом деле. Тот сначала никак не соглашался, но потом сказал, что исполнит его просьбу. Вместо этого, однако, он убил герцога в постели в ту минуту, когда тот был уверен, что желание его наконец осуществится и упорство неприступной красавицы сломлено. Таким образом, молодой человек не только спас честь и жизнь сестры, но также и избавил свое отечество от тирана

Лет десять тому назад городом Флоренцией правил герцог из рода Медичи⁸⁰, женатый на Маргарите, побочной дочери императора. А так как жена его была еще слишком юной, то он не жил с нею в супружестве, а терпеливо ждал, пока она достигнет более зрелого возраста, и старался ее беречь. А тем временем влюблялся в живших в этом городе дам, посещая их по ночам, в то время как жена его мирно спала. Однажды внимание его привлекла девушка, которая была очень хороша собой, благородна и скромна. Это была сестра одного дворянина, которого герцог любил, как самого себя, и который пользовался в доме у него такою властью, что все его слушались беспрекословно, как и самого герцога. А так как у герцога не было от него никаких тайн, то друг этот был как бы его двойником. Герцог испробовал все бывшие в его распоряжении средства, чтобы объяснить молодой даме в любви. И вот, убедившись, что добродетель ее весьма велика и что ему не приходится надеяться на взаимность, он призвал своего любимца и сказал:

– Друг мой, поверь, что если бы сам я не был готов исполнить любую твою просьбу, я ни за что бы не открыл тебе моих чувств, а тем более не стал бы тебя ни о чем просить. Но я так люблю тебя, что если бы мне понадобилось для спасения твоей жизни пожертвовать женой, матерью или дочерью, я бы решился на это без колебаний. Вот я и думаю, что если я, твой господин, питаю к тебе такую любовь, то ты, мой слуга, должно быть, любишь меня не меньше. Поэтому я хочу поведать тебе одну тайну, которую я ото всех скрываю и которая повергла меня в отчаяние столь безысходное, что спасти меня может либо смерть, либо твоя помощь.

Молодой человек, видя, что слова его господина – сущая правда, ибо тот обливается горькими слезами, проникся к нему великой жалостью и ответил:

– Ваша светлость, вы благодетельствовали меня: всем моим богатством, всем положением в свете я обязан вам одному. Будьте же со мной откровенны, как с самим собой, и вы можете быть уверены, что я сделаю для вас все, что будет в моих силах.

Тогда герцог поведал ему о любви, которой он воспылал к его сестре, и сказал, что любовь эта столь велика, что он скоро умрет, если друг ему не поможет, ибо он хорошо знает, что ни мольбами, ни подарками он все равно ничего не добьется. И герцог попросил его, если он действительно любит его не меньше, чем себя, найти способ исполнить его желание, ибо без его

---

⁸⁰ Герцог из рода Медичи – речь идет об Алессандро Медичи (ок. 1510–1537), герцоге Тосканском. Был женат на побочной дочери императора Карла V Маргарите. Убит своим кузеном Лоренцино (1514–1548) 6 января 1537 г. Сообщником Лоренцино был некий Микеле дель Фаволаччино. После убийства Лоренцино бежал в Венецию, затем перебрался во Францию, где пробыл с середины 1537 до 1544 г.

помощи он ничего не добьется. Молодой человек души не чаял в сестре, и честь семьи была для него, разумеется, дороже, чем прихоти герцога. Он пытался отговорить своего покровителя, обещая сделать для него все, что он только захочет, и умолял не позорить их дома, говоря, что ужаснее этого нет ничего и ни сердце его, ни честь не позволяют ему совершить подобную низость.

Услыхав это, герцог рассердился. Кусая себе ногти, он гневно воскликнул:

– Ладно же, коли ты не хочешь доказать, что ты мне предан, поступай как знаешь, я-то знаю теперь, что мне делать.

Молодой человек, памятуя, сколь жесток его господин, испугался и сказал:

– Ваша светлость, раз вам это угодно, я попытаюсь поговорить с сестрой и сообщу вам ее ответ.

– Что же, если ты сохранишь мне жизнь, я сохраню и твою, – ответил герцог.

У молодого человека не было ни малейшего сомнения в том, что означали эти слова. Два дня он старался не попадаться герцогу на глаза и все раздумывал о том, как ему поступить. На одну чашу весов легли все благодеяния, которыми его осыпал герцог, на другую – честь его дома, целомудрие и честь сестры, которая – он хорошо это знал – ни за что бы не согласилась на это низкое предложение. Герцог мог взять ее только силой или обманом, но ведь ее несчастье легло бы вечным позором на весь их род. И вот он решил, что скорее умрет, чем станет посредником в бесчестии сестры, которая была образцом добродетели во всей Италии, и что долг его – избавить Отечество от тирана, бесстыдство которого дошло до крайних пределов. Теперь он уже было твердо убежден, что, пока герцог жив, жизнь его самого и всех его близких будет всегда в опасности. И вот, ни слова не говоря сестре и никого не посвящая в свой замысел, он решил, что одним ударом спасет себе жизнь и отомстит тому, кто готовит ему такое бесчестие. Через два дня он явился к герцогу и сказал ему, что приложил все усилия, чтобы сломить упорство сестры, что это стоило ему большого труда, но что в конце концов она согласилась, однако при условии, чтобы все осталось в тайне и, кроме него, ее брата, никто ничего не узнал.

Герцог очень этого ждал и поэтому легко поверил его словам. Он обнял своего верного друга и, обещав ему все, чего тот захочет, стал просить его поскорее устроить свидание. Они тут же сговорились и назначили день и час. Радость герцога не знала границ. Когда наконец наступила долгожданная ночь, обещавшая ему победу над той, которую все считали неприступной, он рано удалился вместе со своим другом к себе в опочивальню, надел свои лучшие уборы и надушил рубашку самыми изысканными духами. А как только все улеглись спать, они оба отправились в дом, где жила молодая девушка, и, прокравшись туда, очутились в прекрасно убранной комнате. Там молодой человек раздел своего господина и, уложив его в постель, сказал:

– Ваша светлость, я сейчас приведу к вам ту, кого вы ждете: входя сюда, она покраснеет от стыда, но я надеюсь, что к утру вы ее успокоите.

С этими словами он покинул герцога и прошел к себе в комнату, где его ждал слуга.

– Хватит ли у тебя мужества пойти со мной и помочь мне отомстить моему заклятому врагу? – спросил он.

Не зная, что его господин собирается делать, тот ответил:

– Да, господин мой, даже если бы этим врагом был сам герцог.

Услыхав эти слова, дворянин сразу же повел его за собой, так что тот не успел даже прихватить никакого оружия, кроме кинжала, который был при нем.

Как только герцог услышал шаги, он решил, что друг его возвращается вместе с той, кого ему больше всего хотелось увидеть. Он отдернул полог и открыл глаза, чтобы встретить свою любимую, но глазам его в этот миг явилась не жизнь, а смерть: блеснула обнаженная шпага, и молодой человек ударил ею герцога, который был в ночной рубашке. Но хотя при герцоге

и не было в эту минуту оружия, храбрость его не покинула. Не растерявшись, он привстал и, крепко обхватив своего противника, вскричал:

– Так вот как ты держишь свое обещание!

И, видя, что, кроме зубов и ногтей, ему защищаться нечем, он со всей силой укусил молодого человека за руку и стал отбиваться от него, как только мог. Они вцепились друг в друга, и оба свалились с кровати на пол. Молодой человек боялся, что не справится один, и стал звать своего слугу. Тот, видя, что его господин и герцог сплелись в один клубок и что их невозможно даже расцепить, вытащил обоих за ноги на середину комнаты и перерезал герцогу горло кинжалом. Сначала тот еще яростно защищался, но потеря крови была так велика, что вскоре он совсем обессилел. Тогда хозяин дома и слуга положили его на постель и добились ударами кинжала. Потом они задернули полог и заперли труп в комнате.

А когда молодой дворянин увидел, что он восторжествовал над врагом, смерть которого, как он думал, даст свободу всей стране, он решил, что задачу его нельзя считать завершённой, пока остаются в живых еще пятеро или шестеро ближайших сподвижников герцога. И, собираясь довести свое дело до конца, он хотел послать за каждым из них по очереди своего слугу, чтобы расправиться с ними так же, как расправился с жестоким правителем. Но слуга его, который не был столь безрассудно смел и оказался достаточно благоразумен, ответил:

– Мне кажется, господин мой, что на сегодня с нас хватит и что теперь вам следует помышлять не о том, чтобы лишать еще кого-то жизни, а о том, чтобы спасти свою. Ведь если мы потратим на каждого столько же времени, сколько мы потратили на герцога, мы не успеем управиться с ними до рассвета. Да хорошо еще, если при них не окажется оружия.

Молодой дворянин, которого начинала уже беспокоить совесть, испугался. Он послушался совета своего слуги и, взяв его с собою, отправился к епископу, который распоряжался городскими воротами и почтовыми каретами. И он сказал епископу:

– Сегодня вечером я узнал, что брат мой при смерти. Я просил герцога отпустить меня к нему и получил его согласие. Поэтому, прошу вас, прикажите почте дать мне пару хороших лошадей, а привратнику – открыть ворота.

Епископ, на которого возымели действие и эта просьба, и приказание герцога, снабдил его бумагой, по которой он получил лошадей и право покинуть город. Но вместо того чтобы поехать к брату, молодой дворянин устремился прямо в Венецию, где долго залечивал раны, которые зубами нанес ему герцог, после чего уехал в Турцию.

Утром слуги герцога, видя, что господин их не вернулся, решили, что он заночевал у какой-нибудь дамы, но в конце концов его долгое отсутствие их не на шутку встревожило, и они принялись повсюду его искать. Бедная герцогиня, которая успела уже привязаться к мужу, видя, что его нигде не находят, пришла в отчаяние. Но когда обнаружили, что любимец герцога исчез одновременно с ним, слуги отправились к нему домой. Увидя на пороге дома кровь, они вошли внутрь, но ни хозяина, ни слуг там не оказалось, и ни от кого нельзя было ничего узнать. Тогда обеспокоенные слуги герцога пошли по кровавому следу и так добрались до комнаты, в которой лежал убитый. Дверь была заперта, но им вскоре удалось сломать ее. Видя, что весь пол залит кровью, они откинули полог и обнаружили в кровати тело своего господина, заснувшего непробудным сном. Можете себе представить, как они были удручены; они перенесли тело герцога в его дворец, и вызванный туда епископ рассказал, как молодой дворянин уехал ночью в почтовой карете, обманув его и уверив, что торопится к брату. Все это не оставляло сомнений, что убийцей был именно он. Оказалось также, что его сестра ничего об этом не знала. Как бедная девушка ни была поражена всем, что случилось, она только еще сильнее стала после этого любить брата, который, рискуя собственной жизнью, спас ее от посягательств тирана. И она продолжала и впредь блюсти добродетель свою и чистоту. Несмотря на то что совершенное ее братом убийство повергло ее в бедность, ибо дом и все имущество их были конфискованы, она и ее сестра вышли впоследствии замуж за людей, с которыми в Италии

никто не мог сравниться ни по благородству, ни по богатству. И обе сестры снискали всеобщее уважение, которое вполне заслужили.

– Итак, благородные дамы, вам надо бояться маленького божка, который любит мучить и принцев и бедняков, и сильных и слабых и способен до того ослепить свои жертвы, что они забывают и Бога, и совесть, и даже свою собственную жизнь. И все те, кто имеет власть, должны остерегаться обидеть тех, кто ниже их: ибо если Господь захочет наказать грешника, Он может воспользоваться для этого любым человеком, и для Него нет ни великих, ни малых.

Вся компания внимательно выслушала этот рассказ, но мнения присутствующих разделились. Одни считали, что дворянин выполнил свой долг тем, что спас жизнь и честь сестры и вместе с тем избавил свое Отечество от тирана. Другие с этим не соглашались, говоря, что ему не следовало отвечать такой черной неблагодарностью человеку, который осыпал его почестями и богатством. Дамы утверждали, что дворянин этот был хорошим братом и доблестным гражданином. Мужчины же, напротив, называли его предателем и лицемером. И интересно было выслушать обе стороны. Но дамы, по своему обыкновению, внимали больше голосу чувства, чем рассудка, – они говорили, что герцог вполне заслужил такую смерть и что честь и хвала тому, кто нанес ему этот удар.

Видя, какой спор разгорелся после его рассказа, Дагусен сказал:

– Бога ради, благородные дамы, не ссорьтесь из-за того, что уже миновало. Бойтесь лучше, чтобы красота каждой из вас не толкнула кого-нибудь на убийство еще более жестокое, чем то, о котором я рассказал.

– Ведь «Красавица, не знающая жалости»⁸¹ сказала нам, что столь сладостный недуг не доводит людей до смерти, – сказала Парламанта.

– Дай Бог, чтобы все находящиеся здесь дамы убедились в том, как ошибочно это мнение! – воскликнул Дагусен. – Я уверен, что им не захочется, чтобы их называли не знающими жалости, и не захочется походить на эту недотрогу, которая послужила причиной смерти влюбленного в нее кавалера, отказав ему в благосклонности.

– Вам, должно быть, нравится, – сказала Парламанта, – чтобы мы подвергали опасности и честь нашу, и совесть, и все это ради того, чтобы спасти этим жизнь человека, о любви которого мы знаем только по его собственным заверениям.

– Я совсем не это хотел сказать, – возразил Дагусен, – тот, кто любит совершенной любовью, охраняет честь своей дамы даже больше, чем она сама. Вот почему мне кажется, что благой и любезный ответ, которого требует совершенная и благая любовь, послужит только к чести дамы и успокоит ей совесть – ведь ее верный кавалер другого от нее ничего не захочет.

– Я знаю, вы всегда начинаете свои проповеди с добродетели, – сказала Эннасюита, – только кончаются они каждый раз совсем по-иному. И если все находящиеся здесь захотят говорить только истинную правду, я готова верить их словам.

Иркан поклялся, что он никогда не любил ни одной другой женщины, кроме своей жены, и надеется, что она никогда не прогневит Бога. То же самое сказал Симонто и добавил, что в жизни ему часто хотелось, чтобы ничья жена не была добродетельной, за исключением его собственной.

– А по сути-то дела вы заслужили, чтобы как раз ваша жена и не была добродетельной, – сказал Жебюрон, – но что до меня, то, клянусь вам, я так любил одну женщину, что скорее бы умер, чем допустил, чтобы ради меня она совершила поступок, после которого я перестал бы ее уважать. Коль скоро вся любовь моя к ней зиждилась на ее добродетели, я ни за что на свете не хотел видеть эту добродетель запятнанной.

---

⁸¹ «Красавица, не знающая жалости» — пользовавшаяся огромной популярностью поэма Алена Шартье (ок. 1385 – ок. 1435). Написана как диалог влюбленного и его дамы; приводимые слова принадлежат даме.

– Я думал, Жебюрон, что любви, которую к вам питает ваша жена, и вашего собственного здравого смысла достаточно для того, чтобы спасти вас от опасности, и вы ни в кого не влюбитесь, – смеясь, сказал Сафредан. – Но теперь я вижу, что жестоко ошибался, ибо, оказывается, вы продолжаете употреблять именно те выражения, которые помогают нам обманывать самых проницательных женщин и которым даже скромницы внимают без всякой опаски. Какая же из них заткнет уши, если мы заведем речь о добродетели и о чести? Но если бы женщины в этот миг увидели наши настоящие чувства, кое-кто из кавалеров несомненно лишился бы у них успеха. Мы ведь умеем скрывать в себе дьявола и рядиться в ангельские одежды. И под этой маской, прежде чем нас разоблачат, мы успеваем вкусить немало любовных утех. Ведь бывает же так, что сердца наших дам следуют за нами столь далеко – полагая, что все это путь к добродетели, – что, узрев порок, они уже не в силах свернуть с избранного пути.

– Право же, я был о вас иного мнения, – сказал Жебюрон, – я думал, что добродетель вы цените дороже, чем наслаждение.

– Полноте, – воскликнул Сафредан, – может ли что-нибудь быть добродетельнее любви, ведь любить нам велит сам Господь! И по-моему, уж лучше любить одну женщину как женщину, чем поклоняться нескольким как иконам. Что касается меня, то я твердо держусь того мнения, что уж коль любить, так любить!

Все дамы стали поддерживать Жебюрона и заставили Сафредана замолчать.

– Да, мне действительно лучше молчать, – сказал он, – слова мои были встречены так неблагоприятно, что мне не стоит больше и рта открывать.

– Виною этому ваше коварство, – сказала Лонгарина. – Неужели вы думаете, что после таких слов порядочная женщина захочет, чтобы вы стали ее кавалером?

– Те из них, которые были ко мне благосклонны, не променяли бы своих добродетелей на ваши, – ответил Сафредан, – но не будем больше об этом говорить, чтобы гнев мой не причинил неприятностей ни вам, ни другим. Посмотрим лучше, кому теперь Дагусен предоставит слово.

– Я предоставляю его Парламанте, – сказал Дагусен, – ибо полагаю, что она лучше всех должна знать, что такое совершенная и благая любовь.

– Раз вы меня избрали, чтобы рассказать сегодня третью новеллу, – сказала Парламента, – я расскажу вам о том, что произошло с одной дамой, которая всегда была моей близкой подругой и поверяла мне все свои тайны.

Новелла тринадцатая

Капитан галеры, влюбленный в некую даму, послал ей в подарок драгоценный алмаз, который та переслала покинутой им жене якобы от имени мужа, раскаявшегося, что он так дурно с ней поступил, и таким образом подарок этот послужил к примирению супругов

При дворе регентши Луизы Савойской⁸², матери короля Франциска, жила некая благочестивая дама, которая была замужем за человеком очень достойным. И несмотря на то, что муж ее был уже в годах, а она молода и хороша собою, она холила и любила его, точно это был красивейший из юношей. Чтобы не причинять ему никаких огорчений, она решила жить так, как подобает женщине пожилой, и стала избегать общества, развлечений, танцев и всяческих игр, которые любят молодые дамы, и свое свободное время посвящала молитвам, находя в них истинную радость. И подобным поведением своим снискала столь великую любовь мужа, что он беспрекословно во всем ее слушал и весь дом был у нее в подчинении. И вот однажды утром ее супруг сказал ей, что он еще в молодые годы мечтал съездить в Иерусалим, и спросил ее, какого она об этом мнения. Жене очень хотелось доставить ему удовольствие, и она ответила:

– Друг мой, раз мы богаты, а детьми нас Господь не наградил, я хотела бы, чтобы мы совершили это паломничество вдвоем. Куда бы вы ни поехали, я решила следовать за вами.

Супруга ее очень обрадовали эти слова, ему стало казаться, что он уже на Священной горе.

В это время ко двору прибыл некий капитан, который несколько раз участвовал в войнах с турками; он представил королю план похода на один из турецких городов, завоевать который было бы очень важно для христиан. Старый дворянин стал расспрашивать прибывшего о его планах, а когда тот поделился с ним своими замыслами, спросил его, не согласится ли он, осуществив их, отправиться еще в одно путешествие – в Иерусалим, куда они с женой давно мечтают поехать. Капитану было приятно узнать, что его новые друзья столь благочестивы, и он обещал, что повезет их туда, а пока никому об этом не скажет ни слова. Дворянин тут же передал его ответ жене, которой, как и ему, не терпелось отправиться в святые места. Она много разговаривала о поездке с самим капитаном, но тот почти не слушал ее и только без конца на нее смотрел. Он воспылал к этой скромной женщине такою любовью, что нередко, рассказывая ей о своих морских путешествиях, путал Марсель с Греческим архипелагом, а собираясь описать корабль, сбивался и заводил речь о лошадиной гриве, – словом, вел себя так, как может вести только человек, совершенно обезумевший от любви. Но молодая женщина ничего, казалось, не замечала, признаться же ей открыто он никак не решался. И вот от постоянного притворства, избежать которого было нельзя, пламень в его сердце так разгорелся, что его нередко бросало то в жар, то в холод, и тогда, видя, что его одолевает какой-то недуг, дама эта проявляла к нему великое внимание. Беспокоясь о будущем спутнике в их путешествии в святые места, она так часто посылала узнать о его здоровье, что тот стал поправляться безо всяких лекарств, от одного сознания, что она о нем печалится. Но многие их знакомые, знавшие названного капитана как отважного воина, а отнюдь не как ревностного христианина, удивлялись, видя, как приветлива с ним эта дама. Заметив, что он до неузнаваемости изменился, что он стал посещать церковные службы, слушать проповеди и часто исповедоваться, люди заподозрили,

---

⁸² При дворе регентши Луизы Савойской... – Мать Маргариты и короля Франциска была регентшей два раза – в 1515–1516 и в 1523–1526 гг. В новелле речь идет о первом регентстве.

что делает он это, чтобы снискать расположение благочестивой дамы, и кое-кто даже не удержался и прямо ему об этом сказал. Боясь, чтобы та, кого он любил, не услышала этих сплетен и не оттолкнула его от себя, капитан сказал супругам, что король торопит его с отъездом, а перед тем как уехать, ему необходимо подробно обо всем поговорить с ними. Для того же, чтобы все их разговоры остались в тайне, он попросил их принимать его у себя поздно вечером, когда слуги уже ложатся спать и они остаются вдвоем. Дворянин решил, что так действительно будет лучше, и каждый вечер укладывал жену спать пораньше и раньше ложился сам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.